

НАТАЛЬЯ СВАТКОВА

ЯНА БАРАНОВА

АНАСТАСИЯ ПОПСУЙ

ХОРОШО
БІТЬ ЖЕНЩИНУ

"Хорошо быть *женщиной*" — сборник рассказов, основанных на реальных историях женщин, которые были подвержены насилию со стороны мужей, сожителей, сослуживцев, истории, которые иногда закончились хорошо, но чаще бесперспективно или трагично, потому что героини вовремя не получили помощи ни от родителей, ни от друзей.

Общение с женщинами, покинувшими свои семьи и лишившимися опоры близких в силу расстояния и границ, показало, что проблема гендерного неравенства и домашнего насилия остро стоит не только в Украине и требует вмешательства со стороны.

Женщины без поддержки реже могут решиться на уход из семьи, в которой подвержены как психологическому, так и физическому насилию; чаще жертвуют собой, а находясь в чужой стране зачастую даже и не знают, как отстоять свои права и где искать первую помощь. В странах бывшего Союза эта проблема усугубляется пресловутым "а что подумают другие?", сложившимся стереотипом, что мужчин на всех не хватает, а женщина с ребенком или после 30-ти — уже "не ходовой товар". И они продолжают оставаться товаром, не умея и не ведая, как разорвать этот круг зависимости и издевательств.

Задача современного общества перевести эту проблему из разряда "неудобных тем" в видимую и явно осязаемую.

В наши дни, когда жизнь протекает в большей своей мере в социальных сетях и "глянцевая картинка" дает ложное представление об успешности, счастье и спокойствии человека, мы перестали реально воспринимать масштабы проблемы, ориентируясь на "улыбку с аватарки" и продолжая повторять, как мантру, бабушкино "бачили очі, що купували" и "бьет — значит любит".

Автор: Наталья Сваткова, Яна Баранова, Анастасия Попсуй
Оцифровал книгу Шанта Михаил
Издательство — "Саммит-книга"
Киев — 2021

ХОРОШО БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ

В наше время, в современном обществе, очень трудно переоценить актуальность книги "Хорошо быть *женщиной*". В Украине борьба с домашним и гендерно обусловленным насилием только набирает обороты. Это уже не табу, о котором не говорят, но в то же время, обращаться за помощью или привлекать обидчиков к ответственности не является постоянной нормой.

Книга "Хорошо быть *женщиной*" знакомит читателей с проблематикой насилия через личные истории персонажей, дает возможность значительно глубже почувствовать переживания и проблемы героев. Фактически, пропустить их через себя, прожить их. Такой подход побуждает к переосмыслению проблематики насилия в повседневной жизни, помогает понять, что подобное поведение не должно и не может быть нормой в современном обществе.

Книга стоит того, чтобы ее прочитал каждый. В нынешнем обществе нет места насилию в любых проявлениях. Это пережиток прошлого и в нашем мире ценностями являются уважение каждого к каждому. Несмотря на пол, возраст, ориентацию или политические убеждения — человек прежде всего. В нашем обществе должна быть нулевая толерантность в любых его проявлениях. Эта книга является хорошим инструментом для взлома существующих стереотипов и формирования негативного общественного отношения к насилию.

Марина Хонда

Дом, Милый Дом

Истории женщин, подвергшихся домашнему насилию, основанные на реальных событиях. Собраны и оформлены в художественный текст Натальей Сватковой — писательницей, журналисткой, соучредительницей международного арт-портала gUrU и совладелицей берлинского издательства, куратор-волонтер женщин, перенесших домашнее насилие, матерей-одиночек.

ХОРОШО БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ

- Доню, ты готова, можем в церкву выезжать?
- Иду, сейчас туфли надену и выхожу.

Оксана смотрит на себя последний раз в зеркало: белое платье — мечта кондитерской лавки — сплошной зефир и безе, фата — не принцесса Диана, но и не скромный "веер", подколотый к пучку, перчатки чуть выше локтя, цветы в волосах (так надо) и меховая накидка — да, плюш, но и смысл в белой норке — куда ее тут надевать? — туфли белые...

Да, весь наряд достоин принцессы, но предательски сосет под ложечкой и ощущение грандиозных похорон, а не собственной свадьбы, не покидает.

— Красавица наша! — вскрикивает бабушка, вытирая слезы умиления, — гарна ж яка! Дай Бог щастя — дал хорошего жениха и счастье даст!

Оксана скромно опускает глаза в пол, застенчиво улыбается и так вот, с опущенной головой, идет к машине, роскошной машине — черный автомобиль класса люкс, украшенный многочисленными лентами и белыми цветами.

"Господи, помоги" — стучит молоточком в голове — "это просто свадебный мандраж: все через это проходят, главное в церкви в обморок не упасть..."

Свадьба — всем бы такую — в Королёвке такой не видывали и еще не скоро увидят: женится сын главы районной администрации!

Как они познакомились — да кто ж помнит, главное, с чего он на ней, дочери сельских учителей, жениться вздумал... Скромная, хозяйственная и умелая, симпатичная, школу только закончила и учиться хочет...

Он, уже почти тридцати лет, университет в столице закончил и квартира там у него, только жить они в Королёвке будут — в доме с хозяйством на десяток свиней и пару-тройку коров, куры, участок под картошку и остального по мелочи: пасека, просо... Молодой жене дел на день хватит — помощники не планируются. А со временем, как Бог даст, дети пойдут.

Учиться? Учиться не стоит, если уж совсем хочется, то на заочном, чтоб два раза в год "сумки и конверты" на экзамены свезти, недели две на всё потратить и домой — к хозяйству, к мужу. Да, именно в таком порядке.

— Эй, ты не спишь? — шепчу в темноту комнаты.

Оксана ворочается на раскладушке, вздыхает и молчит.

— Если хочешь поговорить, я готова, только скажи, — не отстаю я — экзамен завалила или взятка не прошла?

Опять тишина.

— Ну, как знаешь — не хочешь говорить, то и другим спать не мешай, — я кутаюсь в одеяло, натягиваю его повыше на голову — в комнате всего +16, а за окном мороз в те же 16 градусов с минусом.

Странная девчонка, размышляю я, но добрая, слова кривого ни о ком не скажет, миловидная, только челку на пол лица отрастила, и тихая совсем — всё в себе или просто счастлива. Хотя разве можно быть счастливой, если в городе есть квартира, а жить на время сессии приходится по хаткам — вот так с другими тремя в одной комнате...

— Эй, — снова шепчу, — слышу же — не спишь.

Не спит — рыдает.

— Слушай, да что случилось! — вскакиваю с кровати, забывая замотаться в одеяло, бросаюсь к ней, — ты по сыну соскучилась? Он приболел — из дома передали? Не из-за экзаменов же ты так убиваешься?

Плачет, беззвучно, закусив губы, трясется всем телом.

— погоди, — меня осеняет догадка, — этот старый дурак требовал с тебя "благодарности" за пятерку на экзамене?

Садится на раскладушку, всхлипывает, машет отрицательно головой:

— Ты, давай, под одеяло ложись — простудишься, — сбивчиво шепчет в ответ.

— Хочешь, давай вместе на кровати ляжем — теплее будет и спокойней, — предлагаю я, — и раскладушка твоя скрипеть не будет, а то еще эту, — киваю я куда-то в темноту, где спит еще одна студентка, — разбудим.

Соглашается. Хватает свое одеяло и подушку, растерянно становится у кровати, как бы ждёт, где я ей разрешу лечь.

— Давай, к батарее ложись, — командую я, — скорее, а то замерзнем обе!

Послушно забирается под окно, ложится на бок, чтоб и мне место было. Придвигаясь ближе, накрываю сверху еще и свои одеялом — у нее какое-то хлипковатое — обнимаю:

— Не грусти, завтра уже домой! Я бы еще хоть недельку в городе пожила, но тоже ехать надо. — пытаюсь приободрить ее.

— Домой, — вяло повторяет она, — домой это куда...

Я глажу ее по голове, невольно задеваю челку, чуть поднимая волосы. Оксана отстраняется. Резко, словно ее током от рук моих прошибло.

— Не трогай, — она вжимается в батарею и одновременно рукой пытается отвести мою руку.

Я послушно отдергиваю ладонь и молча на нее. Точнее, на контур ее лица, выхваченный светом тусклого фонаря, пробивающегося сквозь занавески.

Сама не знаю почему, оставшиеся до свадьбы дне я считала, словно последние в моей жизни. Ходила как на ватных ногах, всё из рук падало — списала на волнение — такой жених завидный и до свадьбы не приставал. Виделись раз десять за всё время и всё больше при родных или в компаниях.

Всегда так неловко было — он бывший ученик моей мамы, а его родители нам всем "Боги и Цари" в своей районной администрации. Мама всё в ладоши плескала — везение-то какое: был ученик обалдуй и двоечник, а тут от района в столицу, не зря ее в ежовых рукавицах держали, раз он себе не городскую кралю в жены затребовал, а вот такую — тихую и скромную.

За полгода таких встреч было решено, что "канителиться" нечего и пора обзаводиться своим хозяйством и семьей. Да, именно в таком порядке.

Назначили день торжества. Накануне я отправилась в парикмахерскую — отрепетировать прическу и макияж.

Парикмахер выложила на все сто: начес раза в два больше моей головы, накладные ресницы и шиммер на щёки — не пожалела ни лака для ресниц.

— Посмотри, доня, как ты изменилась! Ну просто красавица! Такой подходящий момент побыть красивой. Ты еще больше понравишься своему мужу. Когда я выходила замуж, у меня не было всего того, что есть у тебя. Почувствуй себя счастливой!

И мне стало стыдно, что я не чувствую себя такой. А когда услышала, как мама с бабушкой шепчутся, что разбаловали меня слишком — не могу, мол, даже улыбнуться на все старания жениха, носом кручу и привередничаю, будто очередь тут из принцев стоит, а мужья Ерошку какого-то подсовывают, расстроилась еще больше.

Сережу я толком не знала, перекидывались пару раз фразами общего характера, раз в кафе местное вышли — молча кофе с "наполеоном" выпили, да он меня домой поцеловал в щеку на прощание.

А на Новый год уже по-настоящему целоваться полез, не особо обращая внимание на мои просьбы не трогать меня. Я тогда списала всё на "градус праздничного настроения" и свою неопытность в вопросе средней интимности. О более серьезных вещах думать совсем не хотелось. Бабушка говорила, что сердце подскажет, но мое колотилось и выскакивало из груди, громко кричало "беги, Оксана". Но, кто слушает свое сердце, когда все вокруг знают, как надо и лучше для твоего будущего.

Кажется, только в церкви я рассмотрела Сережу: невысокого роста, коренастый с животом, выпадающим из дорогих брюк с отливом, на вид старше, чем заявленные 30 лет — работа нервная, ответственность большая, "нагрузки" бешеные... пальцы-колбасы красноватые... мысль о предстоящих физических контактах привела меня в панику, руки задрожали, кольцо выпало у меня из рук — позор какой — но и со второго раза мне не сразу удалось надеть его на палец жениху. Тетушки зашептались, захохали, а я просто я повторяла про себя, что это сон, кошмарный сон, но я проснусь — и все закончится.

Но сон только начинался.

Брачная ночь — я помню, как сейчас. Сердце всё еще подсказывало, что надо бежать, но бежать было некуда.

Сержа ввалился в комнату и громко икнул.

— Ну наконец-то мы одни!

Постояв немного в дверях, он прошел к кровати и сел рядом. Осмотрел меня с головы до ног, потом стал гладить:

— Только не строй из себя недотрогу — цену ты себе уже и так набила!

Он стал мне противен. Я не хотела видеть его, не хотела его прикосновений, его пьяного дыхания на моем лице. Почему нет никого, кто бы мог меня от него спасти, почему случилось так, что я здесь.

Он повалил меня на кровать и стал с силой срывать с меня одежду.

— Кричи, если хочешь — никто не услышит — только меня еще больше заведешь!

Я всё равно продолжала сопротивляться, цепляясь за платье.

Вдруг он ударил меня по лицу.

— Это заставит тебя одуматься, дура тупая! Раздевайся! — приказал он и толкнул с кровати.

Я поднялась и послушно стала стягивать одежду, всё ещё пытаюсь прикрыть тело платьем.

— Да ты совсем еще не похожа на женщину: у тебя совсем нет груди. И что прикажешь теперь делать с этим суповым набором?

Но он был изобретателен и придумал, ЧТО ему делать.

Ближе к утру, когда он храпел боровом, я тихонько сползла с кровати и пошла в ванную. Проходя мимо зеркала, а посмотрела на свое отражение: некрасивая, потрепанная и несчастная. В ванной я пустила струю душа на стены, чтоб вода не так била по жестяному дну кабины, села у самого стока и положила голову на колени...

Перед глазами стояли ночные унижения.

Вдруг из-за двери донеслись звуки шагов и остановились перед дверью ванной.

— Открывай!

Я не подчинилась и только сильнее вжалась в кафельную стену.

— Я выломаю дверь и прошибу тебе башку — этого хочешь?

А я хотела просто умереть, но наверху решили иначе и уготовили мне долгую жизнь, только почему-то при этом не научил искусству выживать...

Дни понеслись каруселью, иногда казалось, что просто не успеваешь дышать: подъем в полпятого — накормить скотину и, лучше, не мешкать, чтоб не успеть попасться на глаза мужу с самого утра: приготовить завтрак и уйти в курятник, чтоб пропахнуть пометом и вернуться в дом, когда остается времени в обрез до его выхода на работу. Костюмы и рубашки готовились с ночи, когда после долгих издевательств просто хотелось побыть одной.

Однажды я позвонила маме, но она не захотела слушать: удивилась или сделала вид, что удивлена и ничего не понимает, сказав, что ни о каком насилии со стороны мужа не может быть и речи — это же муж и всё законно, а я просто капризничаю как маленькая девочка, думала бы, лучше, как ему угодить.

Больше звонить было некому — подружки бы не поняли меня, глупую, попавшую в такой дом и такое богатство.

Через пару месяцев я поняла, что беременна.

Первые шесть месяцев беременности прошли в постоянном насилии — если я вдруг находила в себе смелость сопротивляться, на меня обрушивались побои.

И работу по хозяйству никто не отменял.

Потом родился Вовчик — такой маленький, такой крохотный — и показалось, что я снова живу и есть зачем жить.

А еще ребенок раздражал мужа:

— Не знаешь даже, отчего плачет ребенок, — ворчал он — хватит притворяться уставшей — все рожая и не по одному, только силы находятся у всех, а тебе всё в тягость! Успокой ребенка и успокой меня!

Иногда я слишком долго задерживалась у сына и тогда муж силой оттаскивает меня от кроватки и поволок в спальню. Если у меня хватало сил, то я возражала, пыталась убедить, что ребенок еще не заснул, но тем сильнее распыляла мужа, который не особо церемонясь со мной, мог поколотить и ногами.

Раз он так разошелся, что очнулась я уже в больнице: Лицо и живот были сплошь в синяках и кровоподтеках — казалось, что у меня не осталось ни одного живого места.

Приехала мама, стояла у кровати и тихо причитала:

— Что ж ты такая нерасторопная, как можно было так с лестницы упасть...

Не знаю, поверил ли врач тогда в мое падение или просто "благодарность" мужа была внушительно понятной, но рекомендовал матери забрать меня к себе и присмотреть на случай, если скрытые переломы есть и снять пока нагрузку с меня.

Сергей не возражал — это был мой шанс — я переехала к родителям.

За полгода, кто бы мог подумать, что он отпустит меня так надолго, успела отдохнуть и забыть о всём том, что было со мной.

Сергей навещался раз в неделю, привозил фрукты, одежду для ребенка, цветы и маленькие безделушки для меня. Кроме того, объявил родителям, что как только Вовчику исполнится три года, я смогу поступить в институт — в столичный!

Мама каждый раз качала головой и стыдила меня муж так любит и заботится, а я ужасы про него всякие плету.

Два года пролетели незаметно, мужа словно подменили — он не был больше так жесток, правда и дома он бывал редко: ссылаясь на дела в столице, пропадал где-то неделями.

Я не очень-то печалилась, хотя стали ходить слухи о его "второй семье" и любовницах.

Главное, приближалось обещанное — поступление в институт — и слово он свое сдержал.

Конечно, это было заочное отделение, но вырваться хотя бы раз в полгода из деревни в город, да еще в столицу, — это того стоило!

В квартире, правда, жить не разрешили, чтоб ничего не случилось и чтоб не водила, кого попало — пришлось снять у тихой бабушки комнату с такими же заочницами.

Одну на троих — не так накладно и вечерами веселее. Ну и пусть, что они, рвущие жилы на периферии, завидуют зимой её новенькому пальто и шапочке с натуральным мехом — последнему тор sale провинциальных рынков, а летом — новеньким босоножкам и простенькому платьицу, купленному в райцентре.

И ничего, что после первой же сессии муж опять принялся за своё.

— Строишь там всем глазки, небось? — кричал он, затягивая ее за шкурки на второй этаж в спальню, — скольким стариканам дала, чтоб сессию на пятерки сдать, отличница хренова!

На четвертую сессию я не приехала — муж был против. Настолько против, что достал газовый пистолет и выстрелил мне в лицо, когда я уже с вещами собиралась выходить из дома.

Очнулась я всё в той же больнице, что и первый раз.

— Заколдованная лестница у вас в доме, — сказал врач, глядя на мужа, — оставьте нас, мне надо сделать перевязку.

Муж послушно вышел — я видела его и значит, глаза мои были целы. Разорван оказался только лоб.

— Жалобу сейчас подадите или подождете до завтра? — врач нагнулся очень близко ко мне и стал поправлять повязку.

— Жалобу? Какую жалобу, доктор? — искренне удивилась я, не понимая, что он имеет в виду.

— Вы хотите, чтобы я поверил в то, что все это — результат очередного падения с лестницы?

Я кивнула.

— Знаю, ты просто боишься, — сказал он, внимательно глядя мне в глаза, — но поверь, девочка, если он сделал это сегодня, завтра он поступит гораздо хуже. Боюсь, что в третий раз я тебя уже не спасу.

В палату заглянул муж:

— Всё в порядке, доктор, как она?

— Рана зашита и должна хорошо заживать, но шрам останется не самый красивый. Плюс умельцы "скорой" умудрились залить рану зеленкой — нам вымыть не удалось... Вашей жене нужен покой и уход.

Последнюю сессию мы сдали все на отлично и разъехались по домам. Созваниваться не созванивались и не встречались, конечно, тоже: каждая вскакивала ни свет ни заря и побежала будить-кормить свое хозяйство, а потом отрабатывать оказанное сельсоветом доверие и вечером вновь пахать свой огород, чтоб зимой было что всем есть: и себе и скотине.

А перед Новым годом купить новый свитер с люрексом и фартук — повязать его еще до наступления праздников и рубить салаты, медитируя под мерный чик ножа о разделочную доску: пора сменить сковороду, добавить соли в холодец и лавровый лист, можно сделать укладку или достаточно просто уложить челку... челку, челку...

Между делом звонить и принимать звонки, желать всем счастья в новом году.

— Добрый вечер, с наступающим! — в трубке мужской голос уже отметившего человека.

— С наступающим и Вас!

— Вы Оксану помните — вы учились вместе на заочном?

— А кто вы?

— Муж... — коротко отвечает голос, помолчав добавляет, — я в вещах ее телефон ваш нашел с пометкой "позвонить, в случае беды".

— Что с ней?

— Упала с лестницы... Приезжайте третьего в Королевку — будем отпевать — вы же ее подруга, правильно...?

ВСЕГО ЛИШЬ ТЕЛО

Тогда мне было двадцать лет. С тех пор, как я вышла замуж за Андрея, прошел год, а маленькому счастью — Надюше — только-только исполнилось 2 месяца. В ту ночь я была жутко уставшей, всё боялась уснуть и пропустить нужную мне станцию. Платформы медленно приближались, застывали неподвижно на время одна за другой, ржавый голос в громкоговорителе объявлял очередную Чухновку.

В открывшиеся двери залетал зябкий осенний ветер, потом двери закрывались, электричка нервно трогалась с места и за окном начинала мелькать темнота. Временами желто-серыми пятнами выпрыгивали окна домов, натканные впритык к железнодорожному полотну.

На одной из станций в вагон зашел старик — типичный бомж в драной одежде, с грязными и волосам и включенной бородой. Пах он своеобразно, был немного навеселе и примостился почему-то напротив меня. Аккуратно разложил свои торбы, поправил выпадающие из них бутылки и вдруг замер, пристально глядя на меня:

— Эх, — прокряхтел он, — и куда ж это тебя несет нечистая, а ты едешь и не сопротивляешься?

Я не сразу поняла, что эти слова относятся ко мне, а не просто его пустое бормотание и защитный бред человека, лишившегося всего. Мои мысли были сосредоточены на запахе, я заерзала и стала подтягивать ближе сумку, в которой должно хватить вещей "на первое время", а потом Андрюша привезет. Он пообещал, что скоро.

Старик же прищурил бесцветные глаза, чуть прошамкал почти беззубым ртом:

— И ляльку за собой тащишь?! — удивленно выкрикнул он, разглядев в расстегнутых полах моего хлипкого пуховика самодельный слинг, крепко прижавшись дочь ко мне.

Теперь уже было очевидно, что вопрос обращен ко мне. Ритмичный стук колес звучал раздражающе громко.

— Всё так плохо, что едешь в ночь с дитем?

Мне послышалась жалость в его голосе, и я почувствовала, что вот-вот разревусь. Меня уже несколько лет не спрашивал, как мне.

— Ты не бойся, — сказал он добро — этот участок спокойный. До Соколиного можешь ни о чем не беспокоиться — я знаю, что говорю.

Я благодарно кивнула, всё ещё не решаясь завести с ним разговор.

— Я знаю, о чем говорю, — снова повторил он — я тут раньше контролером работал. Одно время проверял билеты на платформе, а потом стал контролером электричек. Удобно, скажу я тебе: едешь в тепле всё время, время поспать есть. А ночью, так вообще — сплошное удовольствие прямо на широких пассажирских скамейках можно прямо в полный рост лежать.

Он улыбнулся сморщенным ртом и мне на миг показалось, что его глаза стали вдруг яркого, василькового цвета.

— Разный люд тут ездит: кто обворовать норовит, кому просто кулаки почесать охота...

Старик замолк, а я, заметив, что приближаемся к новой станции, напряглась, боясь пропустить нужную мне, переживая, что сбилась со счета, коря себя невнимательность.

— Тебе где выходить?

— В Солонцах, — я впервые за всё время, что мы ехали вместе, ответила на его вопрос.

— Это через две — я тебе скажу, когда скарб свой собирать. Там поворот такой резкий — как качнет так, что на сидении не удержаться, сразу после этого готовься на выход. Минут тридцать еще — не более. Держить меня — я знаю, о чем говорю.

Он еще раз внимательно посмотрел на меня, громко вздохнул и замолчал. Так мы ехали молча оставшиеся полчаса, пока поезд резко не качнуло. В торбах старика задребезжали бутылки, они словно очнулись от короткого сна, а вместе с ним и я.

— Пора, двигай к тамбуру — тут всего две минуты электричка стоит.

Я встала, "змейкой" свела полы пуховика до того места, где начинался затылок Надюши, подхватила сумку и пошла к выходу. Уже у самого тамбура зачем-то оглянулась и увидела, как дед прямыми указательным и средним пальцами крестит воздух мне вслед.

— Ну ты тетёха! — злится Андрей — как можно было покупать в магазине одежду для ребенка?! Ты же эти деньги сама ни разу не заработала! На рынке могла б подешевле набрать — оно ж вырастет из тряпья этого уже через месяц!

Он злится, выхватывает из рук ползунки, которые я расправила на своем уже громадном животе, чтоб показать ему и порадоваться вместе. Выхватывает из рук и швыряет мне их в лицо. Это, наверное, шутка — а я не поняла ее, и она меня не ранит — глупо улыбаюсь на всякий случай. Ранит меня только его "оно".

Он, конечно, прав — ребенок быстро вырастет, а я могла бы и подумать, что траты лишние сейчас не нужны. Мать его болеет, ей помочь бы, а я... а я вдруг почувствовала, как люблю этого маленького человечка, который перепутал день с ночью и танцует у меня под сердцем, каждый раз, как я укладываюсь спать. Мы ворочаемся вместе, я его (а, может, её?) тихонько уговариваю дать мне поспать — утром вставать. Нет, не на работу, но папа твой не любит сонь...

— Ну, — слышу грубое — ну, что глаза на мокром месте? Я что не прав? Я киваю — прав.

— Чек хоть додумалась сохранить или вообще его не взяла?

— Сохранила, — на секунду радуюсь я, что хоть за это не будет ругать.

— Вот и отлично — пойдешь и сдашь завтра всё.

Послушно складываю ползунки: глажу каждый шовчик, щупаю пальцами мягкую байку, как слепые ощупывают лицо собеседника, чтоб узнать какой. Долго еще держу их в руках перед тем, как положить в пакет.

— Ну, пузатая моя, — слышу повеселевший голос мужа, — давай, расторопней, не бегемот же, иди, грей ужин, а то пока мы тут с тряпками разбирались, остыло всё.

— Как мама? — спрашиваю, чтоб сменить тему.

— Ты сидишь весь день дома — могла бы и узнать, как она. Позвонила бы, поинтересовалась?

— Она правды не скажет — будет бодриться, а ты же от неё.

— Устал я! Ты еще с тряпьем этим и глупостью своей бабской соки последние высосала — завтра поговорим. Поспи сегодня на кухне, ладно — мне отдохнуть надо.

— Как же я... — лепечу бессвязно — у нас и матраса нет и холодно как-то... может, вместе, как обычно...

Я действительно плохо соображаю. Наверное, это беременность так на меня действует. Хотя и раньше Андрей мне говорил, что я плохо "два плюс два" складываю — быстро не умею принимать правильные решения. Вот и сейчас не сумела.

— Что ж ты глупая у меня такая — и не бросить же уже тебя — кому ты нужна то будешь? Пропадешь, дура, — шипит он, схватив рукой за горло — трудно что ли поспать раз отдельно? — пальцы сжимаются сильнее и чувствую, что начинаю хрипеть, пытаюсь набрать воздуха.

Машу руками. Воздух кажется плотным — вот-вот оттолкнусь от него и взлечу. Еще пара взмахов, дышать становится легче, но почему-то земля становится ближе, ноги подкашиваются, и я кулем падаю на пол. Пытаюсь отдышаться и чувствую, как меня накрывает одеялом и припечатывает подушкой.

Наверное, я плачу — я не помню, слышу только, как за стенкой он смотрит порно — я стала пузатой и не возбуждаю его, а он мужчина и ему надо. Так оно и лучше, у других мужья по бабам бегают, дома не ночуют. Мой же и матери больной съездит, и домой вернется. Не напивается опять же. Бывает, конечно, забывает, что сильнее меня. Когда я ловлю его на лжи,

говорит, что я рехнулась, раз не верю ему. А может, я и правда схожу с ума?... В обратном я уже не вполне уверена...

Утром, собрав на табурете одеяло и подушку, выпив голого чая, выскальзываю из квартиры.

Бережно держу в ребенка, будто своего, пакет с ползунками. Знаю, что еще рано и магазин закрыт, но хочу немного побыть с этими ползунками, прижать их к себе так, как если бы несла малыша.

У магазина я первая. Сонная продавщица, которой выпало открывать "Карапуза", смеривает меня высокомерным взглядом:

— Вы откладывали?

— Мне вернуть,— через силу выдавливаю я.

— Чек есть?

— Есть,— мученически отвечаю я.

— Что ж день-то так гадко начинается,— бурчит она, а я чувствую, что и виновата.

— Давайте, что Вы там принесли,— раздраженно кидает продавщица мне.

Я медленно выкладываю на приладок одёжку, которую днем ранее так долго и тщательно выбирала. Хорошо, тогда была смена у другой, такой же безразличной, но другой продавщицы.

— Пятен нет?

Я отрицательно машу головой. Провожу в последний раз по всем швам, будто пытаюсь запомнить их на всю жизнь...

На улице льет дождь. А мы с Надюшей смотрим на него из окна родильного отделения номер два.

— Смотри, — шепчу я ей, — смотри, как птички прячутся в листве... а вон там, в самом углу, муха жметя к карнизу.

Я знаю, что она меня не понимает, но мне так тепло с ней и я хочу, чтоб и ей было со мной хорошо.

— Эй, мамаша, — слышу голос нянечки, — ну шо ж ты головку-то ребенку не держишь?! Сама только встала и хватаешь, тянешь дитё к окну! А если силы не рассчитаешь — давай от окна! — громогласно командует она.

И я послушно ложусь на кровать, проседающую подо мной своей панцирной сеткой.

— Мы в гамаке, — хихикаю я Наде на ушко, прижимая крепче к своей дешёвенькой ситцевой ночнушке и нежно глажу по головке.

Она довольно зевает, потом начинает пыхтеть, "рыть" носиком, кряхтеть и, нащупав мою грудь, громко чавкая, пьет молоко.

Неделя беззаботного счастья. Пусть ноги отекли и не влезают в тапочки. Пусть больничной еды хватает лишь на то, чтоб почувствовать, как утром ложка клейкой холодной каши сползает по горлу и тут же бесследно растворяется, попав желудок; в обед — жидкий суп "вода на воде" с разведенным в нем, в лучшем случае, бульонным кубиком, остается совершенно незамеченным организмом кормящей мамы ("что ел. что радио послушал" — говорит одна из соседок по палате, доедая половину домашней курицы); вечером чай с печеньем — всё ж что-то чем ничего.

Андрей ничего не приносит — приходит. Наверное, мама разболелась... А нам и так хорошо. Нам много и не надо. Машка — кровать справа — дала пару ползунков и пеленку — ей много привезли. Нюра — ближе к окну — халат мне свой подарила — ей муж зачем-то два принес, Светка — кровать напротив — подкармливает, говорит, ей столько не надо, хоть и за двоих есть приходится.

В день выписки, так вообще, подарок мне сделали: конверт для Надюшки подарили — я такой раз в магазине видела — тогда аж глаза закрыла, представила себе, как ребенка в него укутываю, на пороге больницы стою, и Андрей к нам с цветами радостный такой бежит — опаздывает...

Никто к нам, конечно, не бежал. Я, — в одной руке кулек с пожитками нашими, в другой — Надюша, — медленно бреду к остановке. Ехать-то всего ничего — минут сорок с пересадкой и остановки маршруток удобные, не разбросаны в разных концах друг от друга. Деньги я еще в больнице приготовила, зажала в кулаке так, чтоб и ручки кулька держать удобно было и чтоб потом, рассчитываясь, Надюшку не упустит. Всё продумала.

Дома было тихо, в холодильнике и на плите пусто. Три сморщенные картошки, закатившиеся под мойку, стали моим обедом. Пюре на воде, чай с печеньем (надо же! — сунул кто-то из девочек в кулёк пачку галетного) — живем!

И мы зажили: с "шутками", что я опустилась, с вопросами, почему второй раз за день гулять с ребенком выхожу, с "заботой" о моем развитии и рассказами о примерных женах — красавицах, умницах, заботливых матерях и любящих женщинах в одном лице.

Я стараюсь: в доме всегда чисто, а на столе ждет ужин. И даже если к ужину его нет, я забочусь о том, чтобы еда не остыла. Даже если он приходит за полночь, я выскакиваю из постели по первому зову и подаю ему ужин.

Он все чаще будит меня по ночам. Я постоянно прислушиваюсь и жду. Жду, что в этот раз не так, что опять страшного я сделала, что до утра не терпит.

Надюша крепко спит — одной проблемой меньше. Может, она понимает, что так лучше, что мои свидания с ее папой мало чем отличались от свиданий всех других: он был мил, уделял мне внимание и говорил комплименты. А я была молода и наивна, ранима и неопытна.

— Ну чего ты, это же шутка?! Какая же ты обидчивая, так отношений не построить!

— Да, ты прав, не знаю, что на меня нашло — шутка же, — опускаю глаза и стыжусь себя за отсутствие чувства юмора.

— Ты что в этом на люди пойдешь? Совсем у тебя вкуса нет — переодевайся и быстрее, а то из-за тебя опять опоздаем.

— Это же твой подарок, — пытаюсь возражать.

— Это, чтоб ты для меня надевала, а не перед другими задом вертела, — сердится он.

Каждый раз это моя вина. Если бы я этого не сказала, он бы не взбесился — мне надо просто помалкивать.

Месяц. Два.

Надюша росла, а я, глядя на нее, не переставала радоваться жизни, независимо от того, что происходило вокруг. Прекрасней всего было на прогулках, казалось, город сверкает, отражаясь у меня в глазах, переливаясь всеми красками. Я была счастлива, толкая перед собой старенькую выцветшую детскую коляску, несмотря на грязный воздух, первую слякоть, усталость и унылые лица прохожих.

В октябре оказалось, что маме Андрея стало хуже. Нет, не так — совсем плохо. Кто-то должен её досмотреть. Этим кто-то оказалась я. Я с двухмесячной дочерью должна была переехать в запущенный дом без отопления и горячей воды.

Доводы мои, попросить сестру его, живущую по соседству, были встречены в штыки.

— Прокру от тебе вообще никакого, — злобно шипит он, — ты б хоть раз не о себе подумала, а о женщине, давшую тебе мужа.

Он прав: я и правда неблагодарная. Он работает, а я сижу дома. Не может же он после работы ехать к матери. И сестра его тоже всё по хозяйству хлопочет: конечно, ей нужного времени для себя.

Послушно собираю вещи. Сажусь на последнюю электричку, чтоб билет не покупать...

Это был старый, крепкий дом с черновой пристройкой и кладовой, который стоял на камнях и было удивительно, как вообще простоял столько лет без фундамента. Несколько слоёв старых обоев, наклеенных прямо на брёвна, разошедшиеся оконные рамы и запах. Запах гнили, мочи и плесени. Неудивительно, что свекровь постоянно болела, а на уговоры перестроить дом, привести его в порядок, только отмахивалась.

В комнате, где она решила дойти свой последний путь, лёжа почти беззвучным кулем на панцирной кровати, прогнил пол.

Мы с Надюшей обосновались в проходной комнате с печкой, которая занимала треть комнаты и чадила от того, что дымоход уже давно никто не прочищал. От того топить ее было практически невозможно, а другое отопление не было предусмотрено. Старая проводка не принимала электрический обогреватель и с трудом "тянула" двухкомфорочную плитку, на которой я кипятила чай и варила нехитрые супы для свекрови.

Крыша была совсем старой — прохудившейся, фронтоны — ветхими, сквозняки — пронизывающими до костей... Спала я, не раздеваясь, навалив на печь все тряпье, что нашла в хате: пальто старые, кожаные да матрасы дырявые.

К вечеру ближе я грела литрами воду, да сливала ее в большие ржавые ведра: одно несла в комнату к свекрови, другое — ставила на припечек.

Так и грелись, нанося сперва воду из колонки в конце улицы. В доме, конечно, была вода, но текла она так, будто делая одолжение: с малым напором, плюясь из ржавого крана, шикая и похрюкивая — за час с трудом набирался чайник, только прибавлялось работы по уборке брызг, слившихся в лужи.

Из хозяйства мне достались пара кур-несушек да три кролика. В подвале пару мешков уже подгнившей картошки да морковки обещали спасти нас троих от голода из-за безденежья.

Андрей денег с собой не дал. Сказал, что они нам там и не нужны: хозяйство есть, мать супы только ест, мне бока сгонять надо... да и сестра рядом, если что, поможет тарелкой каши. А для дочери "молоко у меня с собой".

Дни потянулись томительной и тревожной пустотой. Редкий прерывистый сон, усталость от изнуряющих забот, голод и одиночество.

Сестра Андрея заглянула в гости всего раз — принесла сухих пряников и пачку чая, провела инструктаж, где и что на участке и в доме, по-заглядывала в тумбочки, достала пару небольших свертков (деньге ли?) и сообщила, что с почтальоншей, тетей Маней, она уже договорилась, чтоб пенсию ей занесли — нечего нам молодым и здоровым на шее у старой и больной женщины сидеть.

Перед уходом кинула:

— Там мать грязная лежит, поди, "плавает" в фекалиях своих — ты б хоть помыла ее.

— Так твоя же мать... — тихо попыталась я возразить.

— Я думала, ты помочь приехала, а не отсиживаться, как на курорте, — едко заметила она и хлопнула скрипучей дверью, предварительно напустив в комнату с улицы холодного осеннего воздух.

Тогда я только что и прижалась лбом к окну и слушала, как оно позванивает дребезжащим далеким звоном, — не по мне ли? — бил ветер, низко летели серые, почти каменные, облака.

— Пойдем. Надюша, наносим и нагреем воды — надо бабушку помыть, я потом и тебя сполоснем.

Я взяла дочь на руки, прижала к груди и плотно обвязала большим полинявшим платком, потом подхватила ведра и медленно пошла к колонке.

До конца улицы было всего домов пять, но разбросаны они были странным образом так, что стояли на берегу маленькой речушки с переброшенным через нее мостом на одну машину, тем не менее очень высокий.

Вот на этом мосту я и стояла каждый раз, наблюдая за бурлящей водой. Каждый раз сильно перевесившись через перила, я смотрела на воду, крепко прижав Надюшу к себе. Поначалу мне казалось, что река меня успокаивает, наполняет и подбадривает. Позже к концу недели мне стало чудиться, что она тянет меня к себе, зовет за собой, обещая решить все мои проблемы. К середине второй недели у меня пропало молоко — Надюша вгрызалась в грудь, беспощадно пытаясь выдавить из меня хоть каплю, а не получив желаемого, заходила голодным плачем.

— Андрей, — рыдала я в трубку телефона на почте (жалостливая почтальонша дала позвонить по межгороду, не взяв с меня ни копейки), — привези детское питание — у меня молоко кончилось, мне нечем дочь кормить.

— Ты хоть на что-то вообще в этой жизни способна, — орал мой муж, переходя на визг, — как может кончиться молоко, дура ты бестолковая?!

— Умоляю, привези ей еды — это, наверное, на нервной почве...

Ближе к ночи приехал муж. Поставил две упаковки молочной смеси на стол. На дочь не глянул. К матери не зашел.

Обернулся и бросил с порога:

— Делай, что хочешь, но, чтоб молоко вернулось и больше меня по пустякам не беспокой!

В начале ноября свекровь стала всё реже приходить в сознание. Временами она билась в лихорадке, стонала и хрипела, но через пару часов это странной, похожей на агонию, пляски, она приходила в себя, просила есть и обильно мочилась.

Я всё реже стала выходить на улицу и просиживала часами в ее комнате, прижав Надюшу к себе. Мне казалось, что таким образом я смогу скорее распознать необходимость подстелить лишнюю пеленку-клеенку и избавлю себя от очередной изнуряющей стирки.

Дни шли как в тумане, я всё чаще засыпая на стуле, иногда сваливаясь с него во сне.

Однажды под утро, когда я уснула крепче обычного, меня разбудил отчетливо ясный голос свекрови:

— Душа-то у тебя есть — в теле-то твоём цыплячем? Эй, ты, спишь?!

— Доброе утро! — ничего не соображая только и нашлась я, что сказать — Вам лучше? — я даже обрадовалась.

— Эй ты! — снова повторила свекровь, — да, ты! Андрюшку моего зачем увела, совратила мальчика маленького?

Я почувствовала, как задрожали мои губы. Так дрожит пенка на молоке перед тем, как застыть и быть выкинутой из молока капризным ребенком.

— Я никого не уводила, — оправдываюсь еле слышно, — он и не мальчик уже — скоро тридцать пять... — юлю я, не понимая бесполезность моих ответов.

— Сама я его вырастила, сама на ноги поставила, себе опору подготовила, — уже выкрикивает она, — а дрянь эта... — она вдруг осеклась, черты лица заострились, рот исказился кривой впалой нитью и вдруг широко раскрылся, будто хватая воздух. Хрип, еще один... судорога передернула всё тело, подбросив его несколько раз. Из рта пошла пена, лицо стало серым, а глаза застыли стеклянными шарами, узловатые пальцы побледнели, кисти вяло свалились набок.

Я сидела недвижимо и смотрела на тело, лежавшее передо мной. Не знаю, сколько прошло времени, но пришла я в себя только тогда, когда почувствовала, как что-то теплое разливается подо мной. И потом запах "мясного бульона" — моей мочи. Еще несколько минут я оставалась сидеть без движения, пока по телу не пошла судорога, вызвавшая безудержный, странный, ранее со мной не случавшийся, приступ плача, переходящего в смех, закончившегося криками и новой волной слез.

Не помню, как опомнилась, — наверное, — от плача Надюши, который будто пощёчина привел меня в себя. Кое-как переодевшись, побежала к сестре мужа, сбивчиво рассказал, что стряслось.

К обеду приехал Андрей, а ближе к вечеру подросли люди из похоронного бюро — тело забрать, подготовить, одеть.

— Мы сами, — слышу сдавленный голос мужа, — завтра утром заберете.

— Что сами? — спрашиваю я — почему ее не забрали?

— Сами помоем и приготовим — грей воду и иди маму мыть.

— Я не смогу — взмолилась я — прошу, не надо! Я и так уже насмотрелась...

— Рядом лечь хочешь?!

И мне, кажется, что уже, и правда, хочу, если это меня избавит от таких мучений. Но послушно грею воду, наливаю в таз и тащу его в комнату свекрови.

Отвожу взгляд — чувствую, разрыдаюсь — с силой кусаю себя за рукав и зажмуриваюсь. Слезы брызжут в разные стороны, как электросварка. Глубокий вдох — выдох.

Стягиваю одежду: живот уже вздуло, а в нос ударил новый еще более неприятный запах, пятна уже пошли по коже, а из носа и рта потекли струйки мутной жидкости.

Голова закружилась, к горлу подкатил комок, и я уже готова бытова была свалиться в обморок, как плач дочери вернул меня в сознание. Она кричала и это был крик голодного ребенка, которому я была нужна, а передо мной лежало тело — всего лишь тело — уже без души и желаний.

Скрипнула дверь, а, может, половица подо мной — я обернулась и на миг мне почудилось, что вижу старика из электрички с всклокоченной бородой. Он смотрит на меня и прямыми указательным и средним пальцами крестит воздух.

Надюшин крик снова режет воздух.

Я закатываю рукав и макаю тряпку в теплую воду.

Это был день моего рождения.

НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ

— Знаешь, — говорит он мне гордо, — мы как-то пацана одного поймали, заставили его перед машиной бежать, а сами выходили и поочередно с разным интервалом его били.

Мне становится не по себе. Интересно, он, правда думает, что это придает ему дополнительные баллы в моих глазах. Я ежусь, а в голове крутится одна единственная мысль: "придурок! надо бежать от него".

Глупо, конечно, но каждый раз, когда именно такая мысль у меня появляется, меня почему-то затягивает в отношения по самые уши.

Синдром жертвы в поисках своего мучителя? Невротический психотип осложненный опекой тревожных родителей? Слишком домашняя девочка, которой захотелось попробовать жизнь на вкус, такой как она есть?

— Мерзкий поступок, — отвечаю я и решаю, что это наша последняя встреча.

— Да, мне самому стыдно, честно говоря, — говорит он и мне слышится раскаяние в его голосе.

Вот мы уже снова стоим в обнимку и слушаем уличного музыканта, который чисто, словно сам Бутусов, поет нам о том, как "в комнате с белым потолком, с правом на надежду...". И почему-то кажется, что припев о нас — мы, ведь, и правда, хотим быть друг с другом.

Или только кажется...

— Слушай, я не виноват, — он обнимает меня и сильно прижимает к себе, потому что я пытаюсь вырваться, — ты же понятия не имеешь, что такое пригородные электрички, стискивает он меня еще сопротивляющуюся и злящуюся на него, — они опаздывают, малыш.

— На целый час! — глухо выкрикиваю я ему куда-то в мускулистую грудь, понимая, что это прозвучит просто капризом.

— Да, — хохочет он, — на час, а может и на два опоздать! Ты же дальше дачи не едешь и то не машине — жизни простого народа не знаешь, он убирает одну руку и сжимает ею мой подбородок, оттопыривая нижнюю губу и оголяя нижний ряд зубов.

Мне становится стыдно за то, что устроила скандал на пустом месте, а ему похоже, этого и надо: он может "замаливать грехи" приятным для него способом и одновременно просить что угодно.

Я уже чувствую, как его рука, сжимающая меня, ослабевает, мои же руки сами собой ползут вверх, обхватывая его шею, а на губах уже различим пьянящий вкус. Сопротивление сникает, его ладони крепко обхватывают мое лицо и "так проще, так легче стираются ночи"...

— Знаешь, я какое-то время не буду с тобой спать, — говорит он мне обнимая.

— "Какое-то время" — это сколько? — спрашиваю я, уже зная, как ответить, чтоб проверить этот фарс.

— Месяц, наверное...

— Хорошо, — спокойно отвечаю я, — увидимся через месяц.

— Что значит "хорошо"? — взрывается он? — Ты даже не спросишь, почему я принял такое решение?

— Ну, если ты захочешь, ты мне сам объяснишь — правда же, — я улыбаюсь и жду, чем это всё кончится.

Он тянет меня в постель и, кажется, пытается сделать всё, чтоб в ближайший месяц нехватка секса меня не волновала. А я делаю всё, чтоб он не мог представить себе и пары дней без меня.

И он не смог...

— Я хочу детей, — шепчу я ему на ухо и лацусь влюбленной кошкой.

— Ты только закончила институт, я тоже. Давай потерпим. Мне б устроиться на приличную работу. Может, спросишь у мамы, чтоб меня в Министерство взяли?

— Спрошу... конечно, спрошу! Господи, как это мне самой в голову-то не пришло!

— Вот и славно, а о детях пока не думай — успеется еще.

— Когда ты снова приедешь?

— Через неделю, может, через две, — задумчиво тянет он.

— Так долго! Почему?!

— Дежурства и так, по мелочам дела есть.

— Послушай, мне недостаточно наших встреч раз в неделю, а то и две!

— Тебе мало секса? — удивляется он, зная мой темперамент.

— Да! — с вызовом отвечаю я, еще не представляя, что тем самым подписываю себе первый приговор.

— Извини, но я не могу быть чаще в городе. Если бы я тут работал, то да, а так... И еще, малыш, — он запинается, — сестра ж поступает... ты б не

могла денег дать... сама знаешь, там-сям подмазать надо, а у родаков сейчас не лучшие времена... я отдам, конечно, потом...

— А сколько надо?

— Ну, дай сколько можешь — ты ж в этой системе крутишься, сама знаешь, кто сколько берет...

Лезу в "кубышку", отсчитываю несколько сотен "зеленых":

— Больше не могу пока, надеюсь, это немного поможет.

— Да, нормально, — пересчитывает он и довольно сует деньги в карман, — спасибо! — чмокает меня в лоб, — я побежал.

— Привет! Ты уже вернулась с работы! — его голос звучит ровно и спокойно.

— Да, только зашла. А у тебя как дела?

— Всё ничего, просто хотел узнать, как ты. Позвоню позже, пока!

Забота — приятный пустяк, который греет женское сердце и женская глупость, способная принять за заботу то, что ею никак не является. Но разве это распознать так сразу?

Порхаю бабочкой по квартире: эге-гей — обычный звонок, а как приятно!

Звонок.

Звонок в дверь.

А я никого не жду. Осторожно смотрю в глазок.

ОН!

— Привет! — удивленно таращу глаза, — ты же вчера сказал, что увидимся не раньше, чем через неделю и когда звонил ничего...

Он делает широкий шаг в квартиру, заталкивая меня в коридор.

— Привет, — хватает за подбородок, успевая другой рукой прикрыть входную дверь.

— Ты чего, — выдавливаю я, чувствуя, как его пальцы жмут клещами до самых зубов.

Но ответа я не получаю — он просто волочит меня в комнату и с силой швыряет на кровать.

Молча, ни сказав ни слова, заломив мне руки за спину, делает свое дело, содрав с меня только нижнее белье.

Кончив, целует в губы:

— Ты же сказала, что тебе мало секса, — говорит он, застегивая ширинку, — теперь дотерпишь, — злобно бросает он, — не провожай. Хлопает дверь.

Я сползаю с кровати на пол и застываю, пытаюсь понять, что сейчас произошло. Несколько минут смотрю в одну точку пока не начинаю трястись от дрожи, пробивающей всё тело. Пара невнятных всхлипов и мозг посылает спасительный сигнал — волочусь в коридор закрыть дверь на замок.

Время ужинать...

— Нина Степановна, добрый день!

— Ах, милая, рада слышать тебя! Как ты?

— Ничего, спасибо, — я расхаживаю по комнате в новых туфлях, наслаждаясь каждым шагом и надеюсь, что они скрасят мой разговор с мамой бывшего, — мне бы с сыном Вашим поговорить — можете позвать его к телефону.

— Ой, нет его дода...

— А будет когда?

— Не знаю, дорогая, не знаю, — начинает причитать в трубку, — вы как расстались понесло его не в ту степь...

— Что случилось?

— На взятке его поймали, дело шьют, — подвывает она. Что ж не удивительно и мне его даже не жаль.

— Выкрутится, наверное, не переживайте.

— Ой, наверное, — всхлипывает она, — вылетел пробкой из Министерства, а вот теперь это еще. Ты-то чего от него хотела?

— Нина Степановна, я ему деньги одалживала на поступление дочери Вашей — время прошло, учится она уже... Вот хотела узнать, не вернете ли деньги...

— Так... так — начинает она подквакивать, — вот падла! — вырывается у нее, но тут же она спохватывается и берет себя в руки, — деньги мы ему дали, чтоб он вернул... давно уже дали... ты, это, — она мнетя, пытаюсь подобрать слова, — в ближайшее время заедет он и вернет.

— До свидания, Нина Степановна.

Я кладу трубку, продолжая расхаживать по комнате — удобные туфли, хоть и каблук высокий.

— Вот, — протягивает он мне деньги.

- Тут нет и половины, — отвечаю я пересчитав.
- Пока столько... потом еще принесу.

- Привет, надо встретиться, завтра у входа в парк, в 14:00.
- О, ты за полгода насобирал должок — его звонок совсем некстати, и я злюсь из-за того, что мне снова надо с ним говорить, — наконец решил отдать — другого повода для встречи я просто не представляю, — хорошо, до завтра, — соглашаюсь я, надеюсь, что теперь в нашем общении навсегда будет поставлена точка.
- И она будет поставлена — вопрос только, как...

- Привет!
- Я не успеваю ответить, как он сгребает меня в охапку и начинает целовать. В лицо мне бьет запах водки и курева.
- Эй, — пытаюсь вывернуться, — что за оргии вдруг? И с каких пор ты куришь? — кривлюсь я от отвращения.
- Отмечали день рождения и что-то захотелось попробовать — вот курнул.
- Ладно, — высвобождуюсь я из его объятий, — давай по делу и разбежимся.
- Пройдемся, поговорим? Мне б чуть проветриться.
- Хорошо, только недолго, у меня дела еще.
- Дела? Ты же со мной договорилась!
- Да, но не время вместе провести, — парирую я.
- Давай сюда — тут местечко спокойное, — он ведет меня по какой-то парковой тропинке к небольшой лужайке, — садись, указывает от мне на корягу, — в ногах правды нет.

Он прав: жаркий летний день размаривает, хочется лежать на пляже в купальнике, слушать шум моря и крики чаек.

В платье душно — как я так не рассчитала и надела такое закрытое?
Пикает телефон: "Привет, ты как? Я на море — горячий, как чайник".
Улыбаюсь "горячему чайнику", с которым у нас пара абсолютно дружеских встреч.

Не успеваю спрятать в сумочку телефон, как он выхватывает его у меня:

— Кто пишет?

— Друг, — спокойно отвечаю я

— Что пишет "друг"?! — он срывается на крик и мне становится не по себе.

— Пишет, что на море, — осторожно отвечаю я.

— Разблокируй и открой сообщение! — тычет он мне назад телефон.

— Не много ли ты себе позволяешь, — я беру телефон и пытаюсь встать с коряги, чтобы уйти.

— Открывай сообщение и читай, — он толкает меня в плечо, возвращая тем самым на место, — Читай, я сказал, — я поднимаю на него глаза и упираюсь в дуло пистолета.

— Привет, ты как? Я на море — горячий, как чайник, — выдавливаю я словом.

— Это ты его так возбуждаешь, да? — шипит он, наклоняясь ко мне ближе и смещая дуло с переносицы ко рту, — "горячий, как чайник", твою мать!

Еще миг и он волочет меня в кусты, приставив пистолет к виску.

— Не надо, — единственное, что я могу смазать, — зачем тебе это?

— "Горячий, как чайник", — повторяет он — надо, будешь знать, как...

— Слушай, — я пытаюсь еще достучаться до него, — мы же уже год не встречаемся, у тебя и презерватива, наверное, нет, а я, ну, мало ли... сам понимаешь, — говорю, глядя перед собой и чувствуя ствол в затылке.

Не беспокойся — у меня всё есть, — хохочет он.

Касание пистолета слабеет, и я пытаюсь повернуть голову и посмотреть на него.

— Не надо, — повторяю я, оглядываясь по сторонам в надежде увидеть какого-нибудь прохожего.

Он улавливает мое намерение и снова приставляет пистолет, а другой рукой достает из карман "ксиву" — тычет мне в лицо:

— Может, хочешь позвать милицию? — ухмыляется он — попробуй, покричи...

Шорох. Мимо проходит, забредший в поисках бутылок, бомж, — неужели сейчас всё закончится, — я умоляюще смотрю на него. Но, видимо, это не в правилах таких людей лезть не в свои дела. Он застывает на

мгновение перед нами, я чувствую, что меня никто не держит и кажется, что я могу еще успеть убежать. Судорожно верчу головой в поисках своей сумки — женская глупость. Бомж медленно проходит мимо нас и исчезает в зарослях кустов.

— Ты помнишь, захочешь позвать милицию — я уже здесь.

Молния на спинке платья скользит вниз, разделяя влажный летний день на "до" и "после". Пот смешивается со слезами, его тело липнет к моему, и всё еще пахнущие куревом губы жадно ищут мои, пытаюсь придать движению тел не просто насильственное трение эпидермисов, а некое подобие обоюдного согласия.

Ничего не случилось, — твержу я, стоя уже битый час под струями душа, — ничего не случилось, — повторяю в сотый раз, пытаюсь вбить себе это на долгие-долгие годы.

БЕГИ ЗА ЛУНОЙ

Мы сидим уже пятый час и разговор наш совсем ни о чем. Яська то начинает философствовать, то шутит, то бросается к дочери, спящей уже Бог знает сколько. Она тоже спала — часа три-четыре: вскрикивала, вздрагивала, а потом просто вскочила, будто по будильнику, заметалась по комнате, стала рыться в сумке, выхватила мятую пачку сигарет — пристально посмотрела на меня, спрашивая разрешения, и стала жадно курить стоя посреди комнаты в одних трусах и майке, которую я ей дала. Потом заходила по комнате стрелкой испорченного компаса, подошла к окну: долго стояла, всматриваясь куда-то вдаль — резко развернулась, увидела кресло и плюхнулась в него.

— Страшно, конечно, страшно — Яська затягивается глубже, замирает на пару секунд и начинает медленно выпускать изо рта кольца дыма: губы выпясывают словно юбки в канкане, — страшно, — повторяет она, — и тем, кто при деньгах, и тем, кто просто талантлив. Согласна?

Она снова затягивается и откидывается на спинку глубокого кресла из ротанга. Молодая ещё — лет 40-45, с качественным силиконом и длинными ногами в черных синяках, пятки, как у девочки, а ногти с красным лаком. Свежим, аккуратным. Тут умеют, если захотят, или если с мастером повезет. Но это всё так и жизни тоже, главное — везение, а не то, что ты родился в счастливой полной семье или у океана, медитируешь по утрам или напиваешься до икоты в ночь.

Я молча киваю, как бы отвечая на ее вопрос. Она закрывает глаза, рот расплывается в расслабленной улыбке, а рука с сигаретой вяло повисла, зацепившись за подлокотник кресла. Дым тлеющей сигареты медленно ползет вверх, окуривая кольца, браслет на тонком запястье, поднимается до локтя и исчезает где-то в темноте комнаты.

— Жизни без перемен не существует, понимаешь? — ее голос звучит глухо — стабильность же иллюзорна, вот в чем штука, а мы, бабы, мы ж стабильности хотим и гнемся, прогибаемся, щеки подставляем — то левую, то правую — боимся, тюнингуем себя, — левой рукой она схватила себя за грудь, приподняла брови, оставляя левой закрытыми, боимся, дуры, старости... бояться надо не её.

Я опять киваю — она вряд ли видит мой "ответ", но он ей не особо нужен. Сейчас ей надо сообразить, что делать дальше. И мне надо подумать, как я могу ей помочь, или я уже сделала всё, что в моих силах, приютив ее у себя.

— Может, хочешь поесть?

— Нет, спасибо, — вяло отвечает она, — вино, если есть, тащи или Sang Som, а лучше, Blend.

— Есть Monsoon Valley и бренди...

— Regency?

— Да.

— Давай его и на стакане можешь сэкономить — я с горла буду, — она залилась странным истерическим смехом.

Ничего, — думаю я, держа в одной руке бутылку за 8 долларов (невиданное расточительство для местных), а в другой — пиалу с разным снеком, который удалось быстро найти, — пусть напьется, отключится и поспит еще немного. Ей бы снотворного дать, а перед этим бы в душ холодный.

— Ну, что ты как черепаха! Тащи быстрее свою задницу сюда — мне не нужна закуска — давай скорее бутылку... хочу отрубиться немного, а пока буду набираться, расскажу тебе, кого ты тут у себя дома пригрела. Может, испугаешься и погонишь меня прочь — так мне пьяной не так страшно будет.

Она снова засмеялась, резко осеклась, выпрямилась в кресле и закивала головой, как буддистский болванчик.

— У тебя тут тихо и спокойно. Полная чаша и мужик, небось, любит...

Я напряженно сжала губы, почувствовала, как кожа на скулах натянулась, а глаза превратились в щелки.

— Ты не бойся, мне чужого не надо — мне только своё б до конца не растерять, — я протянула ей бутылку и она, словник путник в пустыне, который не пил сул сутки, принялась, громко глотая, пить из горла, — мне б себя не потерять, а твоего мне не надо. Я, может, немного завидую тебе, что всё у тебя хорошо, а я, дура, проглядела — не о том думала, наверное... хотя, не поверишь, по любви... да, всё по любви, без всякого там расчета, было... Мы же по обоюдному согласию в эти, в дауншифтеры, решили: сдали квартиры наши в Москве, я себе "удаленку" оформила, он тоже, детей наших в школу европейскую тут пристроили — живи-радуйся!

Она громко срыгнула.

— Пардон — не в то горло пошло. Ты на меня не сердись — я сейчас-сейчас всё расскажу — мне надо бы только смелости набраться... мне самой страшно это всё вслух говорить. Понимаешь, думаю, если я это всё расскажу, то это действительно правда...

Я снова вышла из комнаты, проходя мимо дивана, на котором мертво спала двенадцатилетняя девочка, поправила сползшее одеяло. В коридоре я помедлила, решая, куда мне направиться: на кухню или в ванную. Да, я вышла просто, что оставить эту женщину одну и избавить себя от ее загадок.

Хотя... кажется, я уже все понимаю — тогда в ванную! Пускаю шумную струю холодной воды, набираю полные ладони и плещу себе в лицо. Забываю зажмуриться и чувствую, как глаза начинает щипать или это щиплет совсем от другого...

Смотрю в зеркало — капли стекают по лицу, щекочут кожу, затекают на шею и на горловину майки. Жарко и душно, дожди не спасают — ничего нового — в это время года тут так всегда. Это же Тай! Да, нас тоже сюда занесло в поисках размеренной жизни, новых впечатлений и палящего солнца. Только никто не предупредил, что от дождей надо спастись в Паттайе, а лучше, в Бангкоке, в районе поближе к посольству — к своим...

— Эй, ты где запропастилась?! — услышался голос уже захмелевшей Яси — бросила меня или спишь?

— Иду! Ты умыться не хочешь? Может, душ?

— Слушай, давай, душ потом, дай мне еще бутылочку Monsoon, а?

— Отправляйся в комнату, я сейчас принесу.

— Не хочешь, чтоб я тут у тебя по комнатам шныряла?

— Не хочу — иди, я сейчас.

Я быстро дошла до кухни, привычным движением открыла нужный ящик, достала новую бутылку, просунула руку вглубь и вытащила начатую бутылку ядонг. Два больших глотка и бутылка снова исчезает за рядами "правильных" напитков.

Пить я начал полгода назад. Выпивать, да, выпивать. Пьяной никогда не была. Вырубалась, правда, быстро, но это из-за снотворного, которое я в обязательном порядке принимала перед тем, как на ночь запереть дверь своей комнаты на ключ. Это не всегда было залогом спокойной ночи, но чаще давало возможность не помнить о том, что происходило. Чаще всего утром дверь оказывалась открытой, мебель перевернута, а я в разодранной одежде с очередным синяком или кровоподтеком.

Я долго не могла понять, как это ему удастся, пока не обнаружила дубликат ключа в ящике с его бельем.

Сменить замок не составило труда и какое-то время утро выглядело радужным и светлым. Но вечера стали шумными и громкими. Он ломился в комнату, орал и требовал пустить, дети плакали, пару раз пытались оттащить двери, но... но зачем им эти кошмары...

Я медленно отходила от наркоза, когда совсем пришла в себя, стала осматриваться: два ряда железных коек, из-под белых простыней торчат волосы — неужели я в морге?! — и, если да, почему и почему еще живая. Сильно заныло внизу живота и боль вернула меня в реальность...

— Первый раз в жизни я решилась на преступление, — Яся говорила быстро, как будто боялась, что у нее мало времени и он не успеет всё сказать, — я сделала аборт! Вначале было страшно и стыдно, а потом наступило облегчение — больше я ничем с ним не связана!

Ты, конечно, не сможешь понять, но близость с ним перестала быть мне в радость. Да и разве это близость — он просто брал силой, всё пытался мне доказать, что "я баба еще годная" и родить могу, что на подсознании сама этого хочу, только не понимаю. И вот... — она поднесла ко рту бутылку и стала пить, громко глотая, постанывая и похрюкивая.

Когда тест показал две полоски, перед глазами в один миг пронеслось моё будущее...

— Когда тест показал две полоски, — Яся икнула, хихикнула и вдруг стала совершенно серьезной, села ровно в кресле, потом чуть подалась вперед, поставила бутылку на пол и сложила ладони в замок — когда тест показал две полоски, я поняла, что теперь я обречена — захотелось умереть. Он же радовался — теперь-то я от него не денусь! Весь день я дергалась и металась, думала, что делать и, о чудо, меня спасли мои силиконовые сиськи. Представляешь, два куса этой дряни спасли меня! Я же вот почти только после операции и мне год так точно еще нельзя рожать!

— Подпольная больница в Бангкоке?

— Да... — она внимательно посмотрела на меня и мне на секунду показалось, что она протрезвела.

Больницу я искала сама. Тайский мой был слаб, а их английский еще хуже моего тайского. Потом начался очередной кошмар. Мне даже тапочек не дали — вели босую через всю больницу в операционную...

— Это было ужасно, это было ужасно оказаться "фаранга" — не тайкой! Меня посадили на холодное кресло, жестами показали скрестить руки на груди, а на глаза положили 2 тряпки. Хотелось бежать, выпрыгнуть в окно, но перед глазами стоял он и мое будущее. Я отключилась.

Больно! Боже, как было больно — невозможно дышать — я крепче обхватила себя руками, пытаюсь унять боль, которая каленым стержнем пронизывала все тело. А потом был свет... такой мягкий и теплый... и

снова туман... железные койки в два ряда и девчонки недвижимые накрытые простынями...

— Из больницы меня не хотели отпускать — наркоз быстро отошел — и меня всё норовили отправить "go sleep", а я рвалась "go home! I need go home!!". Потом пришел доктор и кое-как объяснил, что меня должен кто-то забрать, но забирать было некому и я соврала, что муж и так ждет под больницей. Шатаясь, побрела по грязному коридору — на выходе силы взялись откуда-то — и я побежала к своей машине. Кое-как добралась до дома, забрала дочь из школы... А вечером, знаешь, накрыло : стала рыдать — то ли себя жалко, то ли ребеночка, то ли нас всех непутевых...

Всю ночь я не спага: ныл живот, обезболивающее не действовало... А утром от потребовал завтрак. Да, именно "мой фирменный завтрак, а не эту ерунду, которую готовит помощница по хозяйству" и в аэропорт, да, в аэропорт надо бы его отвезти — "не охота с тайским водилой тащиться по пробкам". И я согласилась — целая неделя моя и сейчас надо быть паинькой!

— У нас же всё хорошо было, кажется... он заботился, потом как-то оказалось, что со стороны-то у меня никого и нет — никого, кто бы задал "лишний" вопрос. Если кем и встречались, то только вместе, и на этих встречах он просто душка: внимателен, обходителен, искрометен... прошу с девчонками съездить посидеть — давно не виделись, а он в позу: с ума что ли сошла? позавчера только общались все вместе и он сам встречу организовал, чтоб мне угодить... А ведь и правда, только встречались, но "под колпаком".

Яся замолкает, уставившись в одну точку. Медленно начинает раскачиваться взад-вперед, то собирает волосы в хвост, то распускает их, взъерошивает, ногтями впивается в кожу щек и чешет их до ярких красных полос. Обхватывает ладонями шею, чуть сдавливает, словно хочет в горле удержать.

— Он уехал... сегодня или это уже вчера, и я решила, что надо что-то делать, что-то менять пока я одна. Надо успеть, понимаешь, — она затараторила сбивчивым — надо сейчас, пока голова ясная — трезвая! Ты не смотри так — я не про две бутылки, которые высосала сейчас у тебя, я об осознании: бегство — это не импульсивная дурость — это возможность выжить... Ему надо всё больше покорности от меня и всё меньше свободы что-то решать...

"Ах как тебе повезло!", "Ты такая счастливая!" — слышу я от друзей, от тех, кого позвал он, а не от тех, кого не разрешил звать (странные они, нудные, не твоего уровня). И возразит со временем нечего, только осунувшееся лицо придется объяснять авитаминозом, отсутствие улыбки — дурным характером, доставшимся от двоюродной бабушки по папиной линии его троюродной сестры. Потому что настоящие причины слишком сложны, неуловимы, необъяснимы и похожи на бред... Но только я не чувствовала любви, а он убеждал, что уже то, что рядом со мной (О, а это испытание не каждый потянет — у меня же характер!) и есть любовь и забота в чистом, отфильтрованном, виде.

— У тебя паспорт с собой?

Яся смотрит абсолютно трезвыми глазами, так, будто ждала этого вопроса, и весь этот фарс ради него и затеян. Она перестает раскачиваться и замирает так, как замерла, когда я ее с дочерью чуть не сбила на переходе. Она так же спокойно смотрела на меня и во взгляде не было ужаса.

Смирение и спокойствие.

— Да и Майкин тоже есть...

— Когда он должен вернуться?

— Послезавтра...

— Завтра есть рейс, я проверю места...

— Ты серьезно, а вещи и деньги... у меня то всего ничего местных тугриков, а карты нет... — теперь она смотрит на меня побитой собакой, которой и страшно и хочется вымолить себе немного ласки.

— Вещи я дам, деньги — не думай об этом.

Я открываю компьютер и начинаю искать нужный рейс.

— Есть! Неси паспорта — завтра в 12:35.

Мы собираем вещи ей и дочери — у нас они одногодки — и совсем измеренные засыпаем в обнимку в кровати.

Утром я кладу в багажник приготовленную сумму, и мы вчетвером, да, моя дочь тоже едет провожать, усаживаемся в машину.

До аэропорта едем молча, как в автобусе, везущем покойника на кладбище. Коротко прощаемся у стойки регистрации. Надеюсь, не передумает и не вернется после контроля назад.

Не вернулась — вижу ее и Майкин затылок в самолете со своего 13 С места.

На 13 В тихо посапывает моя дочь...

ОСА

На старом кухонном столе аккуратно разложены начисто вымытые и насухо вытертые садовые инструменты. Секатор растопырил свои зеленые ноги в разные стороны, одновременно раскрыв острый клюв; грабельки уперлись костлявыми пальцами в накрахмаленное до хруста вафельное полотенце, подложенное под них, чтоб не затертая ненароком влага, скорее впиталась в ткань; лопатка выгнула свою блестящую спинку, подставив рельефный позвоночник — бороздку летнему, сквозняку, гуляющему по кухне.

Рядом плетеная корзина, задуманная некогда, как хлебная, расплылся в боках под тяжестью сложенных в неё пахучих яблок и пары груш. На одной из них уже примостилась наглая оса и жадно впиалась в чуть треснувшую кожуцу спелого плода.

У ножки стола крутится кот, наматывая восьмерки в ожидании то ли обеда, то ли полдника или просто срочно понадобившейся ласки. Ведро с торчащей ботвой-патлами и скинутыми сверху перчатками в земле и зеленых пятнах — надеванные, судя по нерастянутой резинке, лишь раз.

У раукомойника щуплая женская фигурка в спортивном костюме, светлые волосы собраны под косынку, но пару непослушных прядей выбиваются и всё время спадают на лицо. Продолжая мыть руки, женщина периодически выхватывает ладонь из-под воды, нервно вскидывает ее ко лбу, пытаюсь заправить волосы, брызгает мутноватыми каплями вокруг себя, нарушая почти стерильную чистоту кухни.

— Ты опять... ? Ты опять копалась... — раздосадованный мужской голос заставляет вздрогнуть ее. Она кивает, всё еще глядя в раукомойник и на текущую воду, через пару секунд поворачивает к нему лицо, а потом разворачивается всем телом. Виновато смотрит и опускает глаза. Вода продолжает течь, с рук стекают буроватые ручейки.

— Копалась, — вновь кивает головой, переводит ее набок и вдруг с вызовом забрасывает назад, — в прошлом...

Это происходит как минимум раз в месяц: она рано просыпается — раньше, чем обычно, потому что вообще-то она неисправимая соня — потягивается, задевая меня (думаю, нарочно), потом усаживается на кровати, упираясь спиной в подушку, которую она предварительно взбивает, распускает волосы, собранные на ночь в забавную загогулину, и встряхивает головой, чтоб локоны сами разлетелись по плечам. Поджав колени ближе к груди, она подается вперед и укладывает подбородок на них — поверх одеяла. И смотрит. Долго. В одну точку. Наверное, она ждет, что я всё-таки проснусь и спрошу, что случилось. Но я делала вид, что сплю и жду, что же будет дальше, и будет ли иначе, чем в предыдущие разы.

Она продолжает так сидеть, запускает обе ладони в волосы, обхватывает голову и "помогает" ей приподняться, упирается в колени и сидит...

Мне кажется, что проходит вечность, но пару раз мне всё же удалось подсмотреть время на настенных часах — 15 минут. 15 минут, за которые она успеваает извести себя и меня, намекнуть, как пройдет этот день.

Я не учусь или не хочу учиться: каждый раз, как первый — а ведь она всё время мне подсказывает.

Я же всегда думаю, что всё пойдет по иному сценарию, что не могут столь жаркие объятия, с которыми она набрасывается на меня, когда ей надоедает сидеть и смотреть, быть обманом, предвестниками беды...

— Эй, соня! — ластится она ко мне, — ну, хватит притворяться — я же знаю, что ты уже не спишь, — говорит она нежно.

Я медленно открываю глаза, чтоб не выдать себя, — я, честно, еще спал, — она смотрит игриво, наклонив голову набок. Ее светлые волосы непослушно спадают на лоб, она их откидывает назад — они рассыпаются по плечам.

Она улыбается и мне кажется, что это утро ничем не отличается от всех других.

— Видишь, сегодня я проснулась раньше тебя, — шепчет она, наклоняясь ко мне всё ближе, — я умею рано просыпаться паться, — и тут бы мне уговорить ее лечь и доспать часов до одиннадцати — зачем ей вставать со мной в эти тревожные 05:30, но я не успеваю сообразить и сделать этого.

Опять не успеваю: ее поцелуй уже обжигает мои губы, сбивает дыхание.

Привлекаю ее ближе к себе, запускаю руку в волосы — мягкие, шелковистые, пахну летом — наматываю их на руку, чтоб лишь на мгновение отвести ее голову, запрокинуть назад, натянув тетивой шею. Тянусь к ней, сердце в груди колотится как бешеное, медленно веду носом от груди к подбородку, дышу ею — и уже почти не сдерживая себя, достигнув губ, отвечаю на ее поцелуй открытым ртом.

В эти дни она мне кажется особенно желанной, особенно страстной — как будто это ее последний раз со мной.

А потом душ и она готовит мне завтрак. Ходит по кухне в наспех накинутом халате, готовит кофе, хватая из пиалы собранную вечером малину. Ягод за ночь пустили сок, и она не успевает их донести до рта, чтоб не испачкаться. Липкие потеки остаются на запястьях, в уголках губ.

Я смеюсь над ней и говорю, что, зайдя сюда кто чужой, принял бы нас за семейку Адамсов: он спокойно уплетает яичницу с беконом, пока она ходит по кухне со вскрытыми венами. Она не смеется со мной. Бросается к раковине и начинает отмывать ягодный сок.

Перед отъездом я целую ее в лоб, а потом крепко обхватываю руками лицо — пристально смотрю в глаза. Она не закрывает не пытается отвести взгляд — покорно смотрит на меня.

Это происходит как минимум раз в месяц — я готовлю план побега, но пока мне не удалось ничего придумать, чтобы сбежать из этого уютного яда.

Год назад мы вернулись из Кении — я вела там один архитектурный проект: ничего особенного, никаких дизайнерских изысков и полета фантазии — но хорошие деньги и экзотика. Каждый день водитель-сомалиец в сопровождении двух автоматчиков отвозил меня на объект и назад в охраняемую резервацию. Мы жили не в столице, которая только на карте выглядит современным городом, а на деле оказалась асфальтированной только на центральной улице — мы жили в городке ближе к границе с Сомали. Там местный царек задумал выстроить хоромы и "заказал" себе белого европейского архитектора. Этим архитектором оказалась я.

Проектирование я начинала с нуля — уже на месте: Адоунис, так звали моего работодателя, не хотел выбирать из готовых примеров домов, а настоял на том, чтоб человек, придумывающий его жилье, проникся местной культурой, понял настроения и желания хозяина будущего дома, понял, что нужно семье, которая станет в нем жить, и при этом совместит европейскую простоту баухауза с кенийским колоритом.

Задание так увлекло меня, что я все дни проводила, вначале за компьютером, моделируя стену за стеной, комнату за комнатой, а потом и на объекте. Я стала жить этим проектом, не просто подсчитывая от удовольствия "падающие" на карту деньги, а и просто наслаждаясь процессом.

— Кажется, мне не стоило ехать с тобой, — говорил он мне вечерами, — я маюсь тут с утра до ночи, перебиваясь редкими заказами... нет даже никакой работы по дому! Мени вычищает всё до бела — какой каламбур, скажи кому: "черная Мени чистит до бела"! Ты пропадаешь где-то и не вспоминаешь обо мне — что мне делать?!

— Ты же всегда хотел экзотики — вот чудная возможность: возьми завтра мужа Мени и отправляйтесь на охоту или рыбалку — ты видел какие тут омары?! Выловишь парочку и приготовь на ужин. Давай сделаем романтический ужин: поставим свечи, нальем вина — тут можно купить неплохое из ЮАР, расправимся с омаром или лобстером — кого поймаешь — и...

— Ты хотела сказать, что это всё сделаю я, а ты приедешь вечером уставшая, будешь трещать о своей работе и даже не заметишь, что ела, а потом просто уснешь в кресле...

Я могла его понять, мне было даже стыдно немного за то, что вынудила сидеть дома в стране, где белому человеку не стоит выходить на улицу без проводника. Но и наличие проводника, охранника или даже двух не было гарантией безопасности.

Это была среда. Десятое. Месяц? Больше не имеет значения. Это было и осталось десятым. За мной, как всегда, приехал весельчак Элвис.

— Мадам, сегодня у нас смена конвоя — для меня это тоже новость, но, надеюсь, Вам такие перемены не доставят особых неудобств. Гарднер и Серапион! — представил он двух улыбчивых парней, которые, как мне показалось, к официальной охране не имели никакого отношения. Но, что я знаю о местных людях — только то, что мне о них рассказывают.

Я кивнула, пожалала парням руки и села в машину. Элвис хлопнул дверью, и мы поехали.

Это было десятое. Среда.

Не знаю, как мы тогда выкарабкались, как у нее хватило духа закончить работу — довести всё до конца. Поначалу было тяжело: я не ожидал, что она захочет остаться, не уедет домой. И не ожидал, что уже дома начнет срываться и вести себя откровенно странно, после стольких месяцев покоя.

Это произошло в один из отвратительнейших дней. Они все были такими: я маялся бездельем, дочь Мени мне уже надоела, сама Мени была слишком рыхлой, чтоб вообще думать о ней, рыбалка вызвала явный рвотный рефлекс, я охота — совсем не мое дело. В резервации было еще пару семей со скучающими женами в ожидании своих мужей, беседы (и не только) с ними немного разбавляли мои дни, но радости и особого удовлетворения не приносили.

Она же всегда была на подъеме, светилась и бесконечно болтала о стройке, сидела до ночи за компьютером, моделируя очередные балку или проем. Иногда вскакивала из-за стола и, словно очнувшись ото сна, прибегала ко мне и начинала гладить и обнимать — вспоминала, что надо "почесать за ушком". Радовалась зарплате и мечтала, как мы вернемся домой и купим свой дом! Да, купим — ближайшее время она ничего не будет проектировать, а уж свой дом так точно! Я вяло поддакивал, жаловался на ноющий живот — организм не принимал местную воду и... вынужденное безделье.

Нет, конечно, поначалу я делал что-то дистанционно, но потом бросил это — денег же и так хватало, а парочка моих подружек-домохозяек уговорили меня, что мужчине иногда полезно отдохнуть и почувствовать себя в шкуре женщины, которая умеет расслабляться за счет своего мужа. Спорить я не стал.

В то утро я сидел на террасе с Джинтаной, тайкой — женой рыжего немца, который тут круглосуточно прокладывал какие-то дороги (где же они, Франк?) — мы мирно потягивали и болтали о чем-то на ломанном английском. Она периодически вставала, чтоб размять мне принести из холодильника льда.

Кажется, это была среда: у дома копошился садовник, а он всегда приходил по средам. Мени уехала на рынок за омаром, которого "я должен был поймать на рыбалке"...

— Мзунгу! Мистер! — это был Элвис. Глаз его был подбит, из губы сочилась кровь, голос сбивался и сам он дрожал, — Мистер... — еле дыша повторил он. Имя моё тут никому не давалось, и я вполне спокойно реагировал даже на пренебрежительное "мзунгу" — человек без кожи, — мадам, там... я не знаю, как это случилось... охранники... они не...

... они не были настоящими охранниками. А просто ребятами, которые решили поживиться и, возможно, выкрасть мою жену ради выкупа. "Отрубив" Элвиса, они выкинули его из машины — он божился, что запомнил, где это было: благо, дорогу от резервации до стройки он знал лучше навигационной системы, — и обещал нас туда отвезти.

Медлить нельзя было и мы, ангажировав водителя одной из соседок, бросились на поиски моей жены. В дороге Элвиса периодически тошнило — видимо, удар он он получил не хилый, и мы останавливались раза три, чтоб он проблевался.

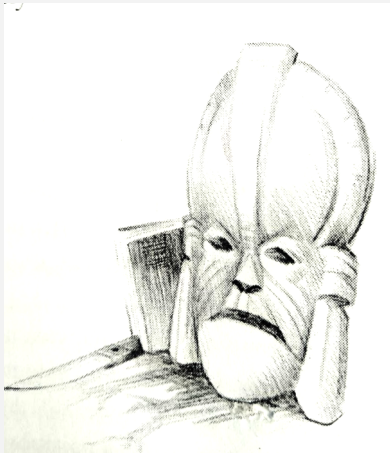
Когда мы добрались до места, где он очнулся, то обнаружили растерзанный джип, из которого вынесли всё, что только можно было вынести — даже попытались снять сидения! Но, думаю, оставили они их лишь потому, что продать их в котором они были, — невозможно, а тратиться на химчистку (есть ли тут вообще химчистки?) они точно не собирались.

Следы крови на руле и сиденьях водителя меня не смущали — я уже знал их происхождение, но громадное бурое пятно на заднем сидении ввело меня в ступор. Мне показалось, что я на какой-то момент потерял сознание, но не упал, а остался стоять в бессознательном киселе. Думать о том, что я увижу, если найду ее, совсем не хотелось и я стал гнать эти мысли от себя.

Пока я стоял, покачиваясь у машины. Элвис и второй водитель обнаружили следы волочения и бросились в поисках по ним

Я не сдвинулся с места, пока передо мной не вырос Элвис и не сообщил срывающимся голосом, что они ее нашли. В кювете. Ранена. Еще дышит.

Ноги подкосились, хотелось заорать — я даже не знал, почему. Я же даже не видел еще, в каком она состоянии, но уже сказанного мне было достаточно, чтоб понять — это не то, что я бы ей хоть когда-нибудь желал.

Помню, как на ватных ногах дошел до нее — казалось, я иду целую вечность. Помню, как приехали врачи и погрузили ее на носилки, накрыв одеялом и закрепив ремнями, как лашинг-цепями фиксирующими ствол дерева к трейлеру. Помню ее запрокинутую голову, закрытые глаза и застывший искривленный судорогой рот.

— Нет! Так не должно было случиться! — заорал я неожиданно для самого себя и забился в истерике. Бросился было к носилкам, хотел обнять ее, но вдруг почувствовал, как что-то кольнуло меня в предплечье (оса?) — рядом стоял лишь врач. Я снова попытался протянуть руки к ней, но они перестали меня слушаться. Взглядом я проследил, как носилки исчезают в автомобиле, захлопывается дверь и потом только темнота...

Я хорошо запомнила эту дату. Нет, не в тот день, когда мне выбили челюсть, вывернули руки и исполосовали грудь ножом, выбросив потом в канаву. Я запомнила эту дату чуть позже, когда Африка осталась позади, когда он изо дня в день повторял, что сделает всё, чтоб я была в безопасности, что больше мне и нам ничего не угрожает, когда я стала верить ему и только ему.

Раз в неделю он отвозил меня к массажисту, который часами лил мне на голову теплое оливковое масло, водил по вискам тряпичными мешочками с каким-то травами и потом долго "снял стресс".

По субботам мы ехали вместе за продуктами и раз в месяц он вез меня к парикмахеру.

Всё остальное время я сходила с ума от безделья и одиночества. Нет, конечно, я вылизывала свой розарий — я же так мечтала о нем в Африке! — высаживала клумбы, прореживала их, подсыпала щебенку на дорожки, стригла траву и просто читала. Затеяла генеральную уборку в доме от чердака до подвала. Лечила себя трудотерапией.

В одну из таких уборок я "переусердствовала", решив разобрать и перетрясти книжные полки, пропылесосить книги, отобрать те, которые стоило бы отдать в переплет.

Книг не так много, думаю я, и ставлю себе сроки пересмотреть и отсортировать их за два дня. Но я переоцениваю свои силы и недооцениваю своё любопытство. Дело движется очень медленно: я открываю каждую книгу, пролистываю все страницы, обнаружив заломы расправляю их, внимательно читаю дарственные надписи и застываю над ними, придумывая истории о том, как книга попала в руки дарителя и почему он выбрал именно ее, чтоб подарить "Верочке на долгую память. Гагры 1957 г.". А потом представляю, как они гуляют у водопада влюбленных или девичьих слез. Держатся за руки и смотрят вперед, не решаясь взглянуть друг на друга...

"Илюше в честь дня рождения, с пожеланиями крепкого здоровья и хороших отметок. Бабушка и дедушка. Москва 1970". И вот уже сорванец Илюша несется по коридору, размахивая "Робинзоном Крузо". Видит ли в строчках лишь приключения или замечает, что главный герой оказывается искусственно вырванным из общества, помещенным в одиночество, поставленным лицом к лицу с природой? Понимает, что Робинзону предстоит повторить путь человечества в целом, найти себя в труде и им вылечиться от одиночества, в нем успокоиться?

И так днем, книга за книгой. Задуманное на день, растягивается на недели.

— Чем занималась сегодня?

— Чистила книжные полки — пылесосила их, вытянула парочку со старыми корешками — завези завтра в переплет.

— Конечно! Смотри, сильно не усердствуй — пыль тебе не полезна. Помнишь, как... — и он пускается в воспоминания, смеётся и пытается меня рассмешить, выпучив глаза и пародируя мой кашель.

О меня любит. Я верю. Тогда еще верю.

Не знаю, какой чёрт меня дернул отодвинуть книжные полки и вытереть пыль за на ними. Звук завалившейся книги, которая проскользнула в щель задней стенки, заставил меня пожадничать и полезть ее доставать! И я решила, что вычищу заодно и там, а еще приколочу гвоздем эту самую стенку. Вынув аккуратно все книги — ну, право, не ждать же пока он вернется домой и отодвинет этот шкаф, — сдвинув полку под углом сорок пять градусов, я дотянулась до "беглянки". Это оказалась записная книжка в кожаной обложке с вытесненным на ней золотом годом.

Была среда. Десятое.

Трудно сказать, почему человек начинает вести дневник, наверное, от одиночества и непреодолимого желания высказаться или, может, чтоб сконцентрироваться на главном и найти это главное. Я ищу уже несколько лет.

А ещё хотелось запомнить — обязательно не забыть — яркие моменты!

Вот сдан мой первый проект, и мы празднуем в лучшем ресторане города. Она тоже там, но пока еще только за соседним столиком. И мне обязательно хочется запомнить то, что я чувствую, когда поглядываю на нее украдкой.

И есть мысли и планы, которые надо не забыть — пишу их тоже — кажется, если запишу, обязательно сбудутся.

Пятница, 25

Ура! Она получила необыкновенный заказ — через месяц уезжаем в Кению. Отдохну, поохочусь...

Суббота, 8

Дни кажутся бесконечными. Устал от безделья и невозможности занять себя. Мы здесь уже чертовы полгода! Иногда кажется, что она специально тянет с застройкой, чтоб свести меня с ума. Носится с фундаментом так, будто дворец строит. За это время уже можно было минимум этаж, а то и два построить. Не понимает, почему я сержусь. Засыпает прямо в кресле.

Где наш регулярный секс?!

Понедельник, 17

Подхватил какую-то заразу. Лихорадит. Сидела возле меня ночью держала за руку. Приносила попить и сделала укол. Болючий, зараза, оказался — точно хотела на мне зло выместить, что не даю ей отдохнуть перед новым рабочим днем.

Утром слышал, как звонила врачу: температура, знобит, аппетит плохой, надо приехать осмотреть... Тоже для галочки, не иначе, — тут же одного нормального врача нет: будут куриной лапой и пучком перьев лечить, настойку из мышей пропишут и кровь из пальца пустят, яйцом выкатают... У нас, кажется, так тоже делают, когда медицина уже бессильна.

Вторник, 18

После обеда приходил врач. В костюме. Приличный, вроде, человек. Наверное, даже температуру мерить умеет. Пришел не вовремя: застал меня с Джинтаной за "лечением". Протянул деньги ему за "визит", просил передать моей жене, что иду на поправку, но пока еще постельный режим отменять не стоит. Кивнул. Деньги взял. Оставил рецепт.

Среда, 19

Ждал тайку для продолжения лечения — она вчера довольно хорошо справилась.

Не пришла. Вечером узнал, что и она с лихорадкой теперь. Хлипкая оказалась. Еще и немца своего заразит!

Воскресенье, 30

Год! Чертов год в этой стране. Ни одного нового лица... Выехал в город с водителем. Пошел в рекомендованный им бар — ну, большей дыры я еще не видел! Зато познакомился с парочкой скучающих ребят. Разговорились — ищут работенку, такую, чтоб на раз, но с хорошей оплатой и приключением. Эх, мне бы тоже приключение не помешало бы...

Вернулся домой — она ждет праздновать наш год, долгий тягучий год. Удумала ж чушь такую — вечно наступает на больную мозоль.

Сюрприз приготовила, подарок, повара на вечер выписала из какого-то ресторана.

Год... чёрт! Это совсем не тот год праздновали, а наш совместный, очередной.

Я забыл.

Стал спорить, что она со своей работой спутала все дни и даты, что это завтра, а она спешит, как всегда — у меня то всё на завтра готово...

"Обиделся", подарок не стал открывать, забрал бутылку вина и ушел в кабинет.

Пришла мириться, просила прощения: замотанная, с утра до ночи на объекте, строители воруют, прораб в доле, за всем не уследить, а еще надо дизайнера и устала, конечно. Понимает, что внимания мало уделяет — не стал разубеждать. Попросил оставить одного. Спать буду сегодня в кабинете. Надо бы на завтра что-то придумать и подарок достать хоть-какой... Интересно, что она приготовила?

Понедельник, 31

Утром "спал", ждал чтоб уехала на работу. Потом вскочил, побежал к тайке. Благо у нее все соседки собрались — спасительницы мои — насоветовали мне, чего бы подарить можно было: платье, туфли, бриллианты (дуры, перегретые на солнце, где это всё взять сейчас?), ужин самому приготовить — женщины любят, когда мужчина сам... со вчерашним-то, что делать — сейчас их угостить. Тоже дело. Пока ели, думали, что я могу изобразить кроме яишенки. Заказали розы. "Много роз". Мени пообещала приготовить "не хуже, чем вчерашний повар". Будет хуже скажу, что сам готовил, мастер-класс по компу смотрел, старался и обижусь, если что. Подарок.

Что бы я делал без Джинтаны — хитрая тайка: вынесла из дома коробочку с сережками — голубые бриллианты. Дала, сказала, что только мерила, могу подарить, а ей потом такие же куплю — она знает, где, и ей пока не горит.

Розы привезли. Много. Перепревших. Распотрошил их на лепестки и усыпал пол.

Еда была гадостной! Лучше б Мени своё что-то приготовила. Сказал, что моих рук дело. Подарок понравился. Кажется. Мне мой тоже — завтра пойду перед девчонками хвастаться — они мужьям своим такого не дарят. Breitling-Chronomat 41, с сапфировым стеклом и двойным антибликовым покрытием!

Вторник, 1

Я обленился в край: записи мои всё схематичней и бесчувственней. А где, где брать чувства?! Злость накачивает, обида, зависть временами. Хочется вернуть ее, чтоб моей была, чтоб ластилась вечерами, как раньше...

Удивительно, как мало надо, чтобы обидеться на человека.

Удивительно, как слеп может быть человек.

Моё желание всё забыть, забыть и отвлечься бессмысленной физической работой завело меня в один из самых темных уголков нашего дома. В тот самый угол, в который не лезут даже самые фанатичные хозяйки, — в чужую душу. Чёрная тетрадь, исписанная мелким почерком, стала фонариком в моих руках, который с каждой страницей светил всё ярче и ярче, выхватывая всё больше и больше недоступных мне ранее участков его души и мыслей.

Зачем я поддалась соблазну, почему позволила себе залезть в чужой дневник, почему не одернула себе и дала волю любопытству? Наверное, просто пришло время разобраться во всем и понять, кто я, кто он, что нас связывает и есть ли еще эта связь, нужно ли ее хранить. А ещё была пустота, заполняющая невысказанные, скрытые переживания, заполненная домыслами — нужна была правда...

Тело безумно болело. Было невозможно вспомнить, как всё это случилось: первый ухаб на дороге, второй — и громкий хруст (сухих веток?), искры и темнота — сон, марево — не знаю. Вот меня волоку по пыльной дороге лицом вниз, и мне кажется, что тянут меня две лошади, рвущиеся вперед — каждая со своей силой, дергая сильнее то левую, то правую руку, выворачивая плечи, будто там шарниры Гука.

Снова темнота, но острая боль в груди выводит меня из забытья. Что-то теплое и липкое льется по животу, хочется облизать губы, но сухой язык безвольно болтается во рту, не понимая, внутри он или уже снаружи на пыльных шершавых губах.

Не помню его, не помню, как нашёл и как оказалась в больнице. Помню, как сидит у больничной койки, раскачивается из стороны в сторону, вскакивает, ходит по палате маятником, застывает у окна и долго смотрит в него., подходит к койке и смотрит — смотрит мимо меня. Помню боль, и она не ушла до сих пор — стала другой. Сильней. Разъедающей.

Из больницы меня привезли недели через две. Мени постелила мне мое любимое постельное белье, всюду расставила колокольчики, чтоб можно было позвать ее в любой момент, "потом что сиделка — девка молодая и думает не о работе точно".

И я снова стала лежать — осознанно глядя в потолок, выискивая на его белом поле ответы на свои нехитрые вопросы. "Что делать" — был один из

них. И с каждым его повторением приходил более четкий ответ: "продолжать".

Через месяц я вновь села в машину с Элвисом, и мы поехали на объект. Водитель прятал глаза, виновато поджимал пухлую нижнюю губу, но я знала, что его вины в случившемся нет.

Десятки раз приходила полиция, допрашивала меня и всех домашних: кто где и с кем был в тот день, кто чем и с кем был занят в тот день... Я всегда отрешенно смотрела в сторону и автоматически отвечала на вопросы, повторяющиеся уже в который раз. А он... а он каждый раз сердился и нервничал, просил прекратить эту муку для меня и просто начать искать этих мерзавцев.

Пятница, 13

Соломон и Боб (интересно, имена у них настоящие) сидели в той же забегаловке, что и на прошлой неделе. Кажется они были в тех же майках, что и прошлый раз — уходили ли они вообще отсюда? — сидели и ждали "приключений" или работенки, попивая какое-то местное пойло. Я подсел и попросил себе того же, а им повторить. Редкостная гадость! После второй показалось, что пить можно. Разговорились о работе, которую они тут ждут, сколько берут и есть ли гарантии. "А гарантий, белый человек, даже Бог не дает", — сказал, чуть подумав, Боб. Соломон ободряюще кивнул: "Ты, мзунгу, тут особо не светись — потому, как никогда не знаешь, где и на какие вопросы отвечать придется, а в то, что ты тут от скуки ошиваешься — это тебе никто не поверит. Надумаешь работенку подкинуть, пришли местного сюда. Сам же, лучше, ищи развлечений в более фешенебельных районах". Пред уходом я заказал им еще выпить и уже почти в дверях резко повернулся и быстрым шагом подошел к столику, где сидели эти двое:

— *Есть дело!*

Понедельник, 16

Приехал посыльный, привез мой заказ из интернет-магазина и спросил, не хочу ли я с ним отправить в город почту — за пару монет он готов закинуть всё в ближайший почтовый ящик. Почты у меня не было. Я дал ему пару мелких денег и поблагодарил за желание услужить. Парень улыбнулся, оголяя ровный ряд крупных белых зубов, подмигнул и сказал, что будет через пару дней снова тут и сможет забрать, если надо, почту.

К обеду меня осенило, и я бросился к письменному столу.

08:00 встает, идет в ванную...

08:30 завтрак. Мени подает и уезжает на рынок по средам и пятницам, остальные дни убирает дом, готовит...

09:00 приезжает Элвис с охраной. До объекта 30-40 минут пути (маршрут прилагаю).

14:00-15:00 обед — чаще всего остается на объекте.

18:30 Элвис ждет, чтоб отвезти домой.

19:00-19:20 возвращается...

Конечно, писал я всё намного подробней, вплоть до любимой марки сока или воды. Мне казалось, важно всё — любая мелочь может быть полезна. Всё должно пройти гладко, как хорошо поставленный спектакль.

Хочешь избавиться от человека, хочешь добиться своего — сделай жизнь другого невыносимой, заставь его хотеть того же, чего хочешь ты: не уговорами, так силой, не компромисс, так шантажом и унижением.

В ту среду это не сработало. Сработало год спустя. В среду . Десятого.

— Ты опять...? Ты опять копалась... — раздосадованный мужской голос заставляет вздрогнуть ее. Она кивает, всё еще глядя в рукомошник и на текущую воду, через пару секунд поворачивает к нему лицо, а потом разворачивается всем телом. Виновато смотрит и опускает глаза. Вода продолжает течь, с рук стекают буроватые ручейки.

— Копалась, — вновь кивает головой, переводит ее набок и вдруг с вызовом забрасывает назад, — в прошлом...

Его глаза наливаются злостью:

— Сколько раз я тебе говорил, что ты не должна накручивать себя, — почти орет он, — посмотри, каждый раз, как только ты погружаешься в эти мутные воспоминания, с тобой что-то происходит! Ты думаешь, я не заметил?! Ты думаешь, я слепой и не могу сложить 2+2 ?! То палец повредила садовыми ножницами, то свалилась с лестницы — пролежала три дня не вставая! Сегодня тоже что-то, да?!

Он окинул ее внимательным взглядом. Манжет рукава был чуть задран и на нем виднелось бурое пятно, правой рукой она пережимала запястье.

— Мне кажется, ты должна отдохнуть — ты сегодня столько всего сделала! Хочешь, поедем в ресторан — мы уже сто лет никуда не выходили вдвоем. Видишь, я сам предлагаю и не ворчу, что устал.

— Почему, — глухо спросила она, — почему ни разу не отвез меня к врачу?

— Милая, зачем? Палец погноил, но ведь, всё прошло. Ребра, падая, ты вряд ли повредила иначе бы и дыхнуть не могла. Зачем из-за пустяков мотаться в город, сидеть в очереди в травматологию, терять время и глупо выглядеть перед врачами, у которых дела есть поважней?

Она повернулась к мойке, резко обернулась — в руке блеснул нож.

— Не дури, — тихо произнес он, — во-первых, я сильнее тебя, а во-вторых, расскажи мне, что за дурь стукнула тебе в голову?

Она улыбнулась.

— Ну, смотри, ты уже повеселела. Или это я от усталости напридумывал всякого — нож нужен для готовки, — он стукнул ладонью себя по лбу, — нервы из-за этих отчетов ни к чёрту!

Она еще раз улыбнулась и было в этой улыбке что-то отчаянное. Резко заведя наверх руку, она так же резко опустила ее в районе живота, вскрикнула и стала сползать по кухонному шкафчику:

— Это достаточный повод, чтоб отвезти меня к врачу, — прохрипела она, — или ты надеешься насмешить патологоанатома...

Среда, 10

Когда я догадался, что она всё знает? Да сразу же, как начались эти истории с травмами. Я понял, что она нашла дневник и прочитала от начала до конца.

Тяжело ли было удержать ее в доме и лишить контактов — нет. Это оказалось еще проще, чем договориться с Бобом и Соломоном. Ребята перестарались и за это смерть стала их платой, а не остаток гонорара, за которым они ввалились однажды к нам в дом. Идиоты не смогли сыграть простейший спектакль за хорошие деньги! Требовалось то всего треснуть Элвиса по голове, а ее выкинуть из машины — напугать! — не больше. Но они, видимо, к полумерам не привыкли. А может, и Элвис оказался не таким уж и простым водителем. Кто их знает, что там пошло не так, только мы застряли еще на дольше в этой адской дыре с сотней бесконечных расспросов, перетряхиванием грязного белья и желанием местных копов докопаться до правды. Хорошо, что со всеми удалось "договориться" и избавиться от потенциальных болтунов.

Элвис был неплохим парнем: очень внимательным и верным — слишком верным и спешащим всегда помочь. В тот вечер он тоже куда-то спешил. Жаль, не доехал — что-то с тормозами.

Дочь Мени — ушлая девка — думаю, мать не догадывалась о ее проделках в моей постели, любви к подслушиваю и мелкому шантажу. Ее сбил мотоцикл. Насмерть. Так бывает в тех краях.

Джинтана, моя дорогая помощница, хитрая и похотливая сука, за "дозу" готова была на всё и на всё, чтоб ее Бош об этом не узнал. Нелепая смерть — передозировка...

— Потерпи, милая, сейчас станет легче, — он вышел в чулан и вернулся с лопатой в руках, — надо было соглашаться на ресторан, дорогая, а теперь уже не получится.

— Почему? — чуть слышно повторила он свой вопрос.

— Разве ты не сходишь целыми днями с ума здесь, в НАШЕМ доме? Разве тебе не хочется быть среди людей, среди тех, с кем тебе интересно? Хочется, я знаю! Или ты думаешь, что я запираю двери на ночь, потому что боюсь чего-то? Нет — чтоб ты не сбежала, чтоб поняла, как мне ужасно одиноко и отвратительно скучно было в Африке. Что б ты наконец поняла, как унижительно это всё было для меня, пока ТЫ делала свою карьеру, пока ТЫ зарабатывала на НАШ дом, отрезая мне яйца за днем. "Съезди на рыбалку, отправляйся на охоту" — развлеки себя сам, а мне не морочь голову — так, да?! — он стукнул лопатой о каменный пол.

Ты думала, я буду это всё терпеть, — он почти визжал, не замечая, как ее голова упала на грудь, изо рта потекла ярко-красная струйка, — ты останешься здесь навсегда, ты узнаешь, что такое скука и одиночество, холод и безразличие.

Он взглянул на ее завалившееся набок тело, подошел, приподнял за волосы голову:

— Ты сегодня славно поработала, хорошо все убрала, — сказал он ласково, глядя в ее пустое лицо, — тебе надо хорошенько отдохнуть. Не беспокойся — сейчас я всё сам приготовлю.

Медленно, опустив ее голову, он встал, опираясь на рукоятку лопаты, и побрел из кухни мимо старого кухонного стола. Оса, которая парой минут ранее жадно впиалась в спелую грушу, лениво ползла по тугому, нигде еще не треснувшему, яблоку.

Это была среда. Десятое...

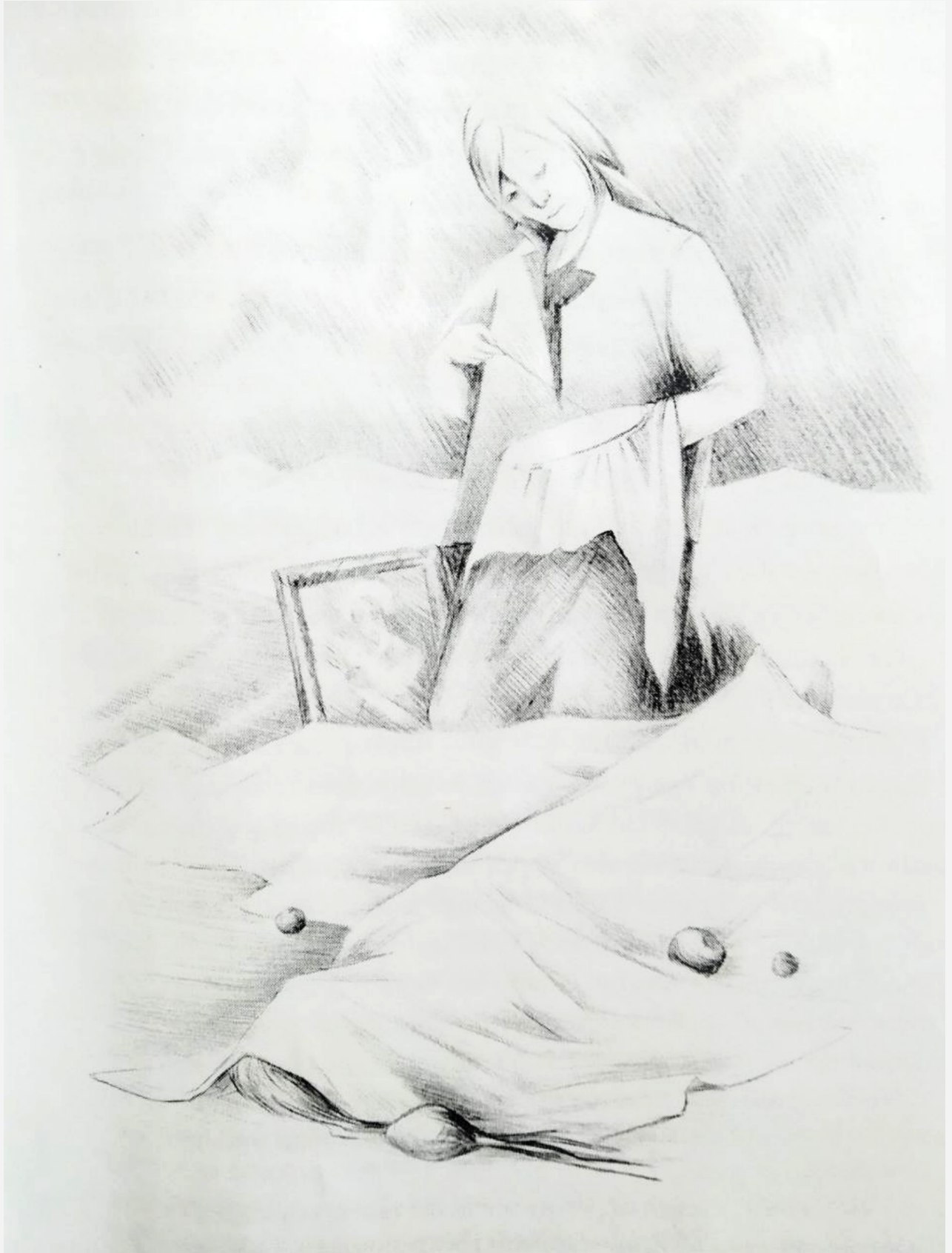

ТВОЙ ДОМ — ТЮРЬМА

Истории о женщинах-заключенных, основанные на реальных событиях, собранные Яной Барановой — общественным деятелем, учредителем и президентом ГО "Союз "Золотой Век Украины": Помощь незащищенным слоям населения, в том числе ресоциализация осужденных и их семей.

Основателем проекта #Арт_Примирення (работа с осужденными пожизненно), проекта восстановительного правосудия "Примирення" (работа с несовершеннолетними в колониях). Соучредителем Благотворительного фонда помощи пострадавшим от преступлений имени Иоанна Милостивого.

Художественный текст: Наталья Сваткова

ДЕЛО № 1

Екатерина Щука

1982 г.р.

ИК №54

— У меня не много времени сегодня, — тихо говорит еще с порога Катя, — у нас конкурс объявили на лучшую вышивку — каждая минута на счету. Вот в прошлом году я икону Божией Матери вышила и сертификат получила и сладкий подарок.

— Конкурс, — улыбаюсь я, — конкурс — это хорошо. Садись — поговорим немного и пойдешь вышивать.

— Спасибо, — кивает Катя, присаживается на край стула, поправила косынку, которая почему-то бледнит ее, а может, это серая роба с черной нашивкой на левой груди неудачно оттеняет желтизну ее узкого лица.

— О чем сегодня?

— О доме... можно?

Я не возражаю. Включаю диктофон и открываю блокнот — в блокнот иногда записываю то, что сразу поразило, чтоб потом не забыть, если при прослушивании записи уже так не зацепит.

Катя садится глубже на стул, смотрит перед собой словно мимо меня.

Это сейчас в Дальние Зеленцы народ едет с аквалангом в Баренцево море погрузиться, на тамошнюю природу посмтреть, а ведь до развала Союза тут что — только и были, что биологическая да Северная коррозионная станции. Потому, как кроме льдов тут ничего особо и нет: зеленцы-то — место "где нет ни пашни, ни косовицы", т.е. на котором не сеют и не косят траву. Есть еще на поморье парочка селений со схожим названием, но наше — с более-менее проходимыми дорогами, свинцовым небом над морем осенью и зимой, непугливой камбалой, застывшей в воде у самого берега... пара деревянных домов под жестяными крышами и блоковый обшарпанный "новострой" советского образца.

Помню всё, как сейчас, хоть и жили мы там до 6 лет: бананы и мандарины уже в Украине толком распробовала — как семья переехала, а вот икру черную ложками ели — как буржуи. Только жили мы скромно, на самом деле, наверное, старообрядческие традиции глубоко сидели в тех местах — не было места показухе и роскоши, капризов не было. И в еде

неприхотливыми, помню, были: то салат из морской капусты — она у нас за квашеную была, то — рыба с морошкой. К ягоде сахар никогда не полагался — на балкон ставили, и она естественным путем, замерзала так до весны и сохранялась.

А соседи выдумщики были: накроют баночку с ягодой марлей, смоченной в спирте, и хранят хоть в квартире!

Катя улыбается, кажется, цепляется взглядом за меня, чуть покачивает головой — в транс входит? Я молчу, откладываю ручку — жду, когда продолжит или решит, что на сегодня всё.

— Мы на первом этаже жили. Дом из тех, что для обладателей "комсомольских путевок" построен. Но только панельные стены и замерзающая в кранах вода меркли на фоне северного сияния! Вы видели когда-нибудь северное сияние?

Я отрицательно качаю головой и предвкушаю уже по ее интонации, что она сейчас выплеснет мне свой тогдашний детский восторг, который хранит все эти годы.

Катя довольно кивает головой, тело возбужденно дрожит:

— Изумрудные полосы, переливающиеся на небе, могут меняться на другие цвета, а еще иногда сияние издает звуки и длится эта светомузыка не больше нескольких минут, а то и пара секунд. Но ощущения незабываемые... как и те — от прогулок по ледяным лабиринтам, построенным в поселке для детей родителями.

Я жила в сказке! "Снежная королева" — это про нас, про меня и про детство: хочешь королева, а хочешь Герда — тут тебе и олени, и северные лисы бегают — детей не боятся. А нам что — спешим на поиски своего Кая.

Катя вдруг сникает, взгляд стекленеет и вдруг тело натягивается: спина прямая, плечи расправлены:

— На лето нас мать в Челябинск отвезла — к бабушке. Ох, она и затейница была: пироги разные выпекала, — я таких больше нигде не ела, — с творогом и земляникой, с рыбой... Ягоду мы сами, дети, собирали: возьмем банку или туюс — коробок берестяной с крышкой — и в лес за ежевикой-земляникой. А то и с большими корзинами плетеными по грибы.

Лицо Кати вновь становится спокойным, мягкая улыбка снова тянет рот в стороны, взгляд теплеет, голос мягкий.

— Арахис еще выращивала — бывало сядем вечером вместе и лучшим стручки сухие, шелуху с орешков пальцами счищаем — и в рот! А потом руки в шелуху запустишь и шуршишь — "море" бабушке с дедушкой даешь послушать.

— Море? — переспрашиваю я.

Катя довольно кивает. В этот момент она мне кажется счастливой и спокойной, как тогда, в детстве. Она тараторит о бане, в которую ходила с бабушкой и сестрой, о тазиках с водой на деревянных лавочках и о черной "Волге", на которой дедушка возил какого-то гонту и про обязательный август в Крыму с персиками арбузами, двоюродными братьями и сестрами и про Севастополь, Инкерман и Херсонес, Малахов Курган и про крестного...

— Дядя Витя, ты в Африке был?

— Был!

— А крокодила сам поймал?

Я хожу вокруг чучела каймана, вокруг которого наставлены кораллы и разные чудные ракушки. Аккуратно вожу пальцем по задеревенелой коже, осторожно обхожу пасть, стараясь не коснуться зубов, беспардонно лезу в ноздри (у крокодилов бывают козявки?).

— Сам!

Дядя Витя, старший помощник капитана, задирает тельник и показывает мне шрам от аппендицита:

— Вот, гляди как цапну, пока я его ловил! Хорошо, руки у меня свободные были — я за пасть его схватил и давай разжимать — не успел до печени прокусить, а мог бы как Прометею выгрызть!

Он смеется, подхватывает меня на руки и кружит по комнате.

— Правда-правда, — кричу я, — вот так за бок схватил? Больно было?
— Правда! Я спал, а он — цап за бок свободный!
— Дядя Витя, дядя Витя, а в Африке все голые ходят?
— Голые, — продолжает кружить меня, поднимает к потолку, я цепляю люстру, на звон кухни выскакивают мама с тетей Люсей.

— Вот совсем-совсем голые?
— Совсем-совсем! Только бусы носят и всё!
— Ты что это ребенка развращаешь? — покрикивает на него уже из кухни тетя Люся — рано ей еще про голых!
— А я видела уже, — шепчу дяде Вите на ухо, — голых в бане.
— Эх, прогрессивная нынче молодежь, — специально повышает голос крестный, — а я голых только и могу, что в Африке увидеть, — еще громче говорит он, чтоб тетя Люся услышала.

Мы смеемся.

— Жвачку будешь?
— Буду, — радостно киваю я.
— Дядя Витя лезет в бар ГДР-овской "стенки", гремит чудными бутылками с разноцветными этикетками.

Ты это что удумал, — на пороге комнаты снова появляется Люся, — обеда еще нет, а он в бар полез!

Я ж для ребенка...

— 100 грамм портвейна, думаешь, ей не повредит?
— Да, жвачку, вот, — протягивает раскрытую ладонь, — дать хотел, — обиженно качает головой, — а ты!

Люся исчезает снова на кухне и чем-то гремит там, смеется с мамой. Я хватаю жвачку, дядя Витя подмигивает мне, с ловкостью сапера аккуратно берет первую попавшуюся бутылку из еще открытого бара и, ловко отвинтив крышечку, делает пару глотков прямо из горла. Так же осторожно ставит ее назад и закрывает бар.

— Ты жуй-жуй, пузыри пускай!

И я жую. Снова хожу кругами вокруг чучела и мечтаю, как выучусь на повара и тоже буду ходить в море, заходить в разные порты, покупать жвачки и отовсюду привозить диковинных животных.

Скоро жвачка теряет вкус, и я безжалостно выбрасываю ее в ведро, застеленное "Правдой". А чего жалеть — у дяди Вити этого добра видимо! Мама с тетей Люсей что-то готовят, на столе между продуктов, овощей и фруктов — хватаю персик — стопки наполненные — "расслабляются". Мама часто "отдыхает" — бич работников Севера: вечная мерзлота, спасает только централизованное отопление — батареи и греют, и кормят, и поят,

зима вечная — ветер во все щели, лето серое и короткое, а будущее размытое. Хочешь не хочешь, а начнешь к рюмке прикладываться. Потом в привычку этот "отдых" входит — нет другой разрядки, потом уже и по-другому не умеешь. Вот и мать потихоньку втянулась: сама вечером могла рюмочку "для сна" выпить, а при встрече с друзьями сам Бог велел!

Только в детстве этот сильно не замечаешь — родители не ссорятся, друзья веселые, а лето сказочное и богатое и фруктами и ягодами, каких на Севере не поешь.

Катя словно просыпается, начинает нервно ерзать на стуле, озирается:
— Я пойду, ладно — а то конкурс и подарки сладкие опять обещали, а у меня лилии не вышиты еще. Я их маме Лилички собралась подарить — на память, а тут как раз конкурс...

Киваю:

— Конечно, беги — до следующего раза.

— Вы приходите только обязательно — мне еще много чего рассказать надо.

— Приду обязательно.

Катя спешит к двери, а я выключаю диктофон, прячу блокнот в сумку-баул и обнаруживаю на самом дне шоколадку, которую принесла ей — отдам в другой раз.

Мне всего 4 было, но помню, конец того лета: сестра мамина билеты нам купила на теплоход "Адмирал Нахимов". Мы с сестрой от радости тогда чуть до потолка не прыгали — "едем в круиз"! И брат двоюродный, и мама с нами. До Новороссийска из Ялты на теплоходе, там уже по музеям-заповедникам, а потом круиз — разве не мечта.

Целый день мы ходили по городу, ели мороженое, сидели в кафе, гуляли по набережной, а там и дело до музея дошло.

Кассиршей, правда, оказалась какая-то мамина знакомая: то ли со школы, то ли с детского сада — только встреча женщинам показалась знаковой, что знакомая отпросилась с работы и позвала всех к себе домой отметить это дело.

— Мам, а мы успеем? — жалобно тянули мы с сестрой. Очень не хотелось опоздать на восьми палубный пароход — самый большой пассажирский корабль. Это был последний год его плавания и пропустить такое путешествие, пусть и не очень долгое — до Сочи всего — не хотелось.

— Не нойте — успеем. Сейчас в гостях подкрепимся и поедим.

— А музей?

— Говорю ж, в гости мы идем, с людьми хорошими посидим, вы телек посмотрите — тоже неплохой вариант. Давай живо в автобус заскакивайте за тетей Мариной.

И мы покорно заскочили, держась за руки, спотыкаясь на высоких ступеньках, набивая синяки на загорелых ногах.

Вот мы уже сидим в небольшой комнате у телевизора, обложенные печеньем и конфетами, персиками, арбузными корками. Бутылки с "Pepsi Cola," "Тархун", "Буратино" должны были вдвойне компенсировать нам отсутствие экскурсии и смягчить бурное гуляние взрослых на кухне.

Мы смотрим всё, что готово предложить зрителю телевиденье 1986 года: новости, заключительный концерт чего-то или кого-то там с оркестром, "Карусель" мультфильмов, пока сами не свалимся сморенные от усталости и калейдоскопа событий за день.

С кухни доносится звон стаканов, хохот иногда сменяется перебранкой, а громкие разговоры песнями:

*Ты знаешь, так хочется жить,
Наслаждаться восходом багряным,
Жить, чтобы просто любить
Всех, кто живёт с тобой рядом.*

Тянут, фальшивя, пьяные голоса.

— Дался вам этот теплоход "Нахимов" — хорошо ж сидим!

И они сидели всю ночь, а мы спали вчетвером на одном диване, давя собой рассыпавшееся печенье, расплавляя под собой конфеты, выскользнули из обертки.

А утром, хотя, какое ж это утро — солнце уже стояло в зените — взрослые гремели бутылками на кухне, мы стряхивали с себя крошки, налипшие к телу намертво благодаря потёкшему шоколаду, пароход плыл без нас, в дверь ломилась мамина сестра. Как она прознала, что мы не уплыли и застряли у тети Марины — загадка.

Потом вдруг слезы, причитания, долгие объятия и женские истерики. Мать жмет нас сестрой к себе, целует, голосит из стороны в сторону маятником раскачивается, тетка наша сына своего на руки подхватила, к груди прижимает, радио монотонным, но хорошо поставленным голосом диктора, сообщает гражданам, задержавшихся на их кухня о том, что "в результате столкновения парохода "Адмирал Нахимов" и сухогруза Петр Васев" в Черном море, сегодня 31 августа 1986 года, погибли 423 человека. Судно полностью ушло под воду через восемь минут после столкновения..."

Мы же застряли тут, в Новороссийске с мамой, нашедшей повод приложиться к бутылке — слава Всевышним: она спасла нам жизнь.

31 августа стало нашим "добавочным" днем рождения, а билеты на теплоход — вторым свидетельством рождения.

В детстве особенно хочется жить, "всё плохое забыть, всех простить"...

Мама металась по комнате, собираясь последние вещи — мы переезжали. Папина мама слегла с онкологией и решено было ехать к ней всей семьей — разрываться папа не мог, да и накладно было, между нами, на Севере, и бабушкой — в Украине.

Перевальск встретил нас хорошо — приветливо, я б сказала, только всё было другим — непривычным, чуть странным. Тут же случился первый класс, новые друзья, секция по баскетболу и никаких бальных танцев — папа наотрез запретил "танцульки". Сам устроился на шахту, а мама в магазин старшим продавцом и бухгалтером. И понеслась, закружилась новая жизнь: школа, игры, помощь по дому, папина травма.

На шахте покалечиться — дело не хитрое: ...

В 1991 в качестве компенсации дали нам квартиру в Луганске, а в августе того же года грянул развал Союза: шахтерам перестали платить зарплаты, пошли забастовки и вечные папины "бутылки" — попойки шахтеров. А потом начались "банки".

— Мань, ты че сегодня на работу не идешь?

— Главное, что ты идешь за воздух работать — кончилась моя работа — прикрыли лавочку!

Мать резко выставила руку с кукишем перед собой, ткнув им отцу под нос.

— Финита ля комедия — как говорят у них в парижках — злазьте приехали: не магазин мы больше, а кафе!

Она шмыгнула носом, туже затянула пояс выдавшего виды халата и стала шарить по кухне в поиске бутылки.

— С утра начнешь?

— А тебе что — сам же то же самое будешь делать, как до работы доедешь. Мне стресс снять надо и подумать — девок кормить нечем и самим жрать нечего! — с жаром выпалила она и отпила прямо из горла найденной бутылки водки.

— Мать, ты это — раньше времени глаза не заливай — придумаем что-то.

— Мыслитель, — бросила она презрительно, — ну думай-думай!

Вечером отец, еле держась на ногах, ввалился в дом.

— Налакался? — злобно встретила его мать, которая за день только и нашла, что полбутылки водки.

Отец никак не отреагировал на ее слова, нетвердым шагом прошел на кухню и с шумом опустил на стол холщовую сумку, на вид довольно тяжелую.

— Ты чё буянишь, едва зашедши?

— Ты, это, давай не выступай — накрывай на стол и кастрюлю готовь, — довольно промычал папа.

— Зарплату получил или вам угля дали?

— Зарплату — не зарплату, а пожрать принес — теперь каждый день так будет! — отец жестом циркового факира дернул ткань сумки вниз и перед нами предстали две стеклянные банки с чем-то похожим на еду.

— Пааап, — протянула Таня, — это что за банки?

— Ах, банки-то надо Михалне отдать завтра и свои такой же вместительности принести — И

— Это что ж, за гуманитая помощь такая?

— Это, мать, нам так зарплату теперь дают, — ответил отец, достал из кармана засаленной куртки пачку "Беломора", выбил из нее папиросу, покрутил привычным движением в руках, шмыгнул носом, подтер его грязным рукавом и вставил папиросу в рот и так, с нею в зубах, побрел неуверенной походкой в поисках коробка спичек, — ешьте, девки, ешьте...

И мы ели. Ждали, как голодные собаки, его прихода с работы и набрасывались на харчи из шахтерской столовой.

Денег отчаянно не было, но мать умудрялась их у кого-то занимать и с каждым днем пить всё сильнее.

— Катька, давай шевелись, малолетка сраная! Тащи баулы сюды, — орала хозяйка лотка, — я тебя на шо взяла, шоб ты мне тут полдня просыпалась — шевелись говорю, товар раскладай.

И я "раскладала", потом собирала, паковала и распаковывала, носилась мухой по рынку, спотыкаясь на одни и тех же выбоинах и колдобинах, тащила на себе четырнадцатилетней какие-то баулы, а вечером измотанная, но довольная я плелась домой с зажатými в кулаке пятью гривнами.

— Катька, ты — наша спасительница, шептала мне перед сном Таня, — эх, если бы каникулы были дольше, ты б могла дольше работать, и мы б тогда зажили, — говорила она зевая.

— Знаешь, я договорилась с тетей Зоей и смогу осенью приходить к ней после школы — деньги будет платить, что за день. Главное, конечно, хоть как-то с уроками успевать.

Довольная собой я тут же засыпала.

— Катька, Катька, — орет Гиви, — иди сюда! Что с ведром пустым бегаешь: на тебе гривну — принеси мне для цветов два ведра воды.

Хватаю деньги и бегу в другой конец нашего рынка к ржавому, торчащему из земли, как..., крану со сбитым вентилем. Тащу полное ведро с водой, потом второе.

— Катька, Катька, подь сюда! — зовет тетя Нина, — Пстой за прилавком минут десять — я пописать сбегаю и покурить. Цены знаешь? Смотри, коль не уверена, не продавай — ясно?

Конечно, ясно! Я за тетю Нину раз в день, как минимум, стою — знаю цены на ее барахло китайское.

— Ну, що, помощница, вторговала чего? — спрашивает молодая, но уже с поплывшей во все стороны фигурой, Нина.

Я гордо протягиваю ей выторг, показываю, чего и сколько продала за время ее отсутствия. Она удивленно поджимает свою толстую нижнюю губу, достает из отвисшего кармана передника пачку потрепанных и совсем новеньких купюр, сложенных четко по номиналу, отслюнявливает две гривны, и я радостно бегу дальше по рынку на "точку" к тете Зое.

— Напрыгала, стрекоза? — давай, собери вот это, — она машет в сторону кучи разрозненного товара — в баул попрличней и тащи во второй сектор к Вазгену. Поняла?

Собираю, тащу и так всё лето.

— Ну, как тебе? — я улыбаюсь шире Таньки, кажется рот уже дотянулся до ушей, а зубы блестят, как в рекламе зубной пасты, — Нравится?

— Ты еще спрашиваешь, — Танька прыгает и визгает, стоя перед мутным зеркалом, косо повисшим на двери в ванную, — конечно!

Она бросается мне на шею и целует, так будто я ей шубу подарила, а не новую футболку.

— Извини, — больше пока не могу — начинаю смущаться и даже в какой-то момент расстраиваюсь, — больше пока никак.

— Перестань говорить глупости, — Танька крепче прижимается ко мне и обнимает так, словно боится отпустить, — я же понимаю, что остальное на зиму — на еду...

И целует-целует, и слезы брызжут из глаз.

Зиму протянули мы кое-как, а как лету стало ясно, что в школу я, в десятый класс, не пойду — "экономически не выгодно". Оставалось решить: идти в найм к тете Зое или торговать самой — свою точку делать. Я залезла в кубышку, посчитала собранные деньги, подумала, у кого могу еще занять и решила на свое место. Еще надо было товар купить: на Китай и Турцию денег не было, на Москву тоже — оставалось перекупать пока у успешных челноков.

Свое первое место я получила на отшибе и год кое-как кувыркалась с разным товаром, была самой отсталой и нищей среди торгашей. Но даже это мизерный заработок позволил стать на ноги, а к концу года торжественно вручить маме и сестре путевку на море!

А еще телевизор. Да, наконец-то дома был телевизор и мои "жили" у него, следя за "Сантой-Барбарой" и "Просто Марией". Вечером они наперебой рассказывали мне сюжеты из заокеанской жизни, крыли матом "зажравшихся ихних баб", в лицах описывали наряды, а я считала в тетрадке, сколько мне завтра отстегнуть "ходокам за данью", сколько отложить на Москву, чем выгоднее торговать и не послать ли денег отцу...

Родители не выдержали "давления из вне" и решили пожить отдельно: мать осталась на мне, периодически работая на том же рынке и с большей периодичностью, пропивая всё заработанное, а папа уехал в Перевальск.

Так прошел еще год.

И случилась Москва — "Лужники".

— Лешка, ну тебя — чего лезешь при всех лапаться? — Катя довольно морщила нос, гоготала, то сама тянулась к высокому парню, то завидев проходящих мимо "точки" покупателей, отталкивала его от себя.

— Ты, как маленькая, ей Богу — никому до нас дела нет и вообще, хорош динамить меня — наухаживаясь я, давай к серьезным действиям переходить.

И они перешли. Тем же вечером, Катя приехала к нему. Посидели, выпили для храбрости, Катя даже в душ зачем-то сходила и вот так, в полотенце, как в кино, пошла по общему коридору, мимо общей кухни в его комнату, которую он снимал с товарищем — но он на дежурстве был, — а в двух других комнатах мирно спали работяги по четверо на площадь.

Запомнила Катя этот вечер — не так чтоб очень: острая боль, пара невнятных фрикций и весь процесс никак не похож на то, что она раз видела по "видику".

Он больше запомнила, как Алексей поколотил ее в первый раз. Напившись, любитель бокса не очень отличал Катю от боксерской груши и махал кулаками со всем энтузиазмом. Без повода — под руку попалась. После первого раза, лицо и тело были в синяках и кровоподтеках, что пришлось не выйти на работу.

На утро Лешка упал в ноги, рыдал и целовал опухшее Катькино лицо, винился и рвал на себе волосы, умолял простить, выливал в унитаз водку.

Через какое-то время избиения повторились. А потом снова и снова.

И снова он валялся в ногах, снова рыдал... любил, наверное.

В одно такое утро Катя, придя в себя от ночных побоев, твердо решила для себя уйти.

За последний месяц она похудела на 10 килограмм, почти не ела — курила и выпивала.

На месте верхних передних зубов зияла черная дыра, а нос был свернут набок. Оставалось найти жилье и выбрать правильный момент, чтоб незаметно съехать, а, может, и сменить место работы.

Куда бежать и где от него укрыться она придумать не могла — в Москве толком никого не было, а дома... к двадцати пяти годам она осталась полной сиротой.

Но дома и стены греют и люди ближе.

А тут сразу по возвращению подвернулся Вадим и всё как-то сразу срослось и душа, казалось, родная, и не страшно — всё уже не одна.

Простой парень, работящий и рукастый, а главное, заботливый, сочувствующий.

Кажется, счастье близко.

— Слушай, — в трубке был голос Вадима, — поехали сегодня в гости: посидим в компании — отдохнём культурно.

Поехали — чего не поехать.

— Ну, господа хорошие, гости дорогие — проходите, не стесняйтесь, — громко приглашал в дом Коля — картошку жарим, закуску ждем — культура!

— Давай, хвост сильно не распускай, — Вадим нахмурился и стал проталкивать Катю в комнату.

— О, глядите, кто пришел, — заорала разбитная бабенка с начесанной и залакированной челкой, — никак Вадичек наш! Сашка, смотри, друг наш и не один — с дамой!

— Привет, — сухо кинул Вадим ей, а Сашке кивну.

— Рита, можно, Марго, — женщина перегнулась через стол и потянула мне руку.

— Катя... приятно.

— Катя — как мило, — а это Санёк. Ну выкладывайте, выставляйте, чё вы там принесли — мы ж тут не в шахматы собрались играть.

Она расхохоталась, схватила со стола пачку сигарет, пошарила в кармане в поиске спичек или зажигалки, не нашла и швырнула пачка снова на стол.

— Слушай, — шепнула я Вадиму, — ты уверен, что компания хорошая?

— Чуть посидим и поедем — не боись.

Разлили по первой, потом по второй. Хозяин занес дымящуюся сковородку с картошкой, кинул веером вилки-ложки на стол, взял пустой стакан и плеснул туда водки:

— Вы тут отдыхайте, а я спать пойду — упахался сегодня и завтра рано вставать

Залпом выпил, сунул в рот перо зеленого лука и огурец махнул рукой и вышел.

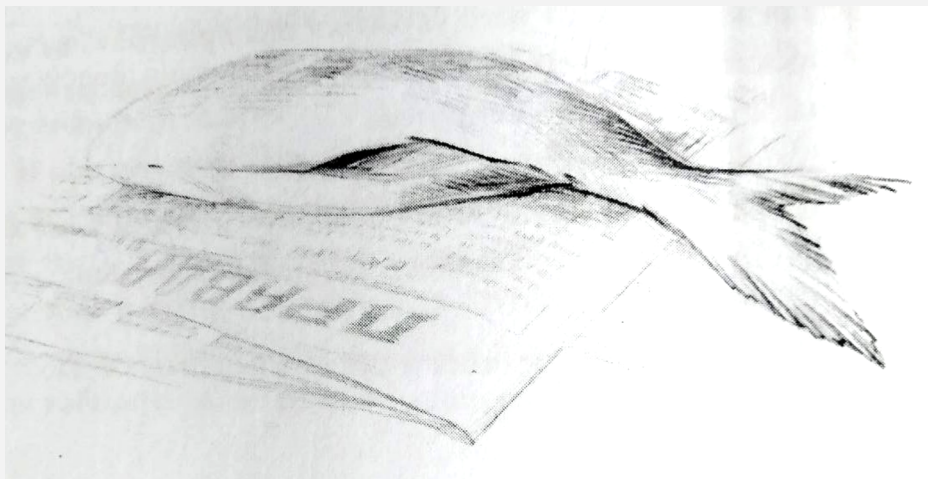
— Ну что, народ, подставляй посуду, — оживился Саша, — пей — не робей.

И мы выпили.

— Катя, а пойдём по-девичьи поболтаем, — вдруг предложила Рита, — проветримся заодно? Сходим за сигаретами — я всё скурила — и в подтверждение своих слов она постучала пустой пачкой о стол, сжала ее в руке и положила скомканный комок рядом со стаканом.

— Сиди, — прошипел Вадим, — нечего шляться вам вдвоем сейчас по улицам.

— Так мы туда и обратно, — пропела пьяным голосом Рита — или ты боишься, что я все твои секреты Кате расскажу?

— Выйдем, — Вадим дернул Катю за руку, — давай вылезай из-за стола, покалякать надо.

Катя послушно стала выходить из-за стола, поправляя "резиновые" джинсы-скини, которые гармошкой собрались на икрах, подтянула их за пояс вверх, пряча яркие трусики, впившиеся в бока под колготами, и надетые "на всякий случай".

— Ты, Катя, мне не последний человек, — сказал Вадим, когда они оказались на крыльце, — Ритка — баба ушлая... блядь она, короче. И нехер тебе с ней водиться: увидят вместе — не отмоешься.

— Может, мы тогда пойдем по-тихому — зачем в такой компании светиться?

— Пришли мы к Кольке, что ж теперь из-за двух придурков вечер себе портить? Посидим, поедим — зря что ль на закуску и водяру тратились — не Рокфеллеры ж!

Катя посмотрела в небо — она уже давно не поднимала голову к небу просто так, чтоб посмотреть на звезды. Прикрыла глаза и улыбнулась. Почему-то на миг ей привиделось северное сияние и послышался хруст снега. Вдруг, словно очнулась, почувствовала холод — 18 октября, как никак, а она в одном свитерочке выскочила за Вадимом на улицу. Поежилась и повернулась к идти в дом.

— Ты поняла меня? — Вадим крепко схватил ее за руку — Вместе не ходить и, вообще, сиди — помалкивай.

В комнате Александр уже активно "ухаживал" за Ритой. "Влюбленные" прервались:

— Вадичек, неужели за глаза решил меня оговорить? — прохохотала Рита, одергивая люрексковую кофточку, которая задралась усилиями Саши выше ее груди, запакованной в пуш-ап нелепой расцветки.

Катя села на свое прежнее место и выпила оставшуюся водку в стакане, заела куском колбасы и сыра. Почему-то вдруг ужасно захотелось есть — как будто до этого неделю голодала. Положила себе на тарелку остывшую картошку, набрала овощей и принялась есть — и рот занят будет.

— Ты ж, надеюсь, всё рассказал: и как за мной увивался, и как ездил ко мне? Или только и сказал, что я — блядь? — Рита перевела с Вадима взгляд на Катю — А вы уже трахались? Если нет, я тебе пару приемов подскажу — ой они его держат как в напряжении, — она расхохоталась — да и Сашке не в обиду, — она сделала большой глоток водки, встала из-за стола и подошла к Вадиму.

Похлопала его по груди.

— Хорош жеребец, хорош.

— Хлеборезку закрой, шалава, — Вадим злобно оттолкнул ее от себя.

— Ты глянь — шалава! Позавчера, как терся об меня, была не шалавой, а сегодня уже и брезгуешь. Сааань — протянула она.

— Ты, брателло, берега совсем попутал — чего даму обижаешь? — взревел Сашка, которому будто на кнопку нажали, запустив программу быкования.

Он встал и пошел на Вадима.

— Давай выйдем, поговорим!

Но тут подскочила Рита и у нее блеснул в руках нож.

— Ты это чего батон крошишь? — она было занесла руку, но в этот миг Катя тяжело опустила ей на голову пустую бутылку от наливки. Рита осела, голова ее болталась на шее сухим одуванчиком, который вот-вот облетит, и рухнула на пол.

Подскочил Сашка.

— Да пошел ты нахер! — Вадим с силой двинул его кулаком в лицо.

Сашка покачнулся, как качается одинокая травинка на ветру, и завалился на спину.

— Ну, что стала?! — заорал Вадим, — собирай манатки!

Не успела Катя сообразить, что толком произошло, как на полу застонала Рита. Вначале тихо, потом громче. Зашевелилась и попыталась встать, но ее стошнило.

— Вадик, гад, — прохрипела она, — придурок грёбаный, я на тебя ментов натравлю — ты чё творишь, гида?

— Заткнись, шалава! — Вадим плюнул в ее сторону.

Но Рита не унималась и стала орать:

— Твою мать, говорю, ща встану и ментов вызову! Ты ж под следствием, мразина — бабе-то своей хоть рассказал или честным трудовым десантом представился?

Катя, метавшаяся до этого по комнате, собирая в охапку сумку и куртку, вдруг замерла, обвела взглядом комнату, будто выискивая на случай чего, куда ей спрятаться.

— Хлеборезку заткни, — заорал Вадим и схватил нож со стола и подскочил к Рите, которая не оставляла попыток встать с пола.

Удар, еще один... хриплые вскрики, какие-то неразборчивые гортанные звуки.

— Заткнись, мразина, — повторял Вадим, нанося удар за ударом.

Брызнула кровь в лицо Вадима, Рита захрипела и в последней судороге забила ногами.

Катя покачнулась, нащупала рукой стену и сползла по ней на пол, подползла к шкафу и втиснулась в нишу между ним и стеной.

— Э, народ, вы б по тише тут гуляли! — зевая в комнату вошел сонный хозяин.

Секундного взгляда ему хватило, чтоб окончательно проснуться, — вы, суки, это чего здесь наворотили, а?

— Не кипишуй, братело, — схватил его за плечо Вадим, — пойдём покумекаем, решим, как дальше быть.

Они вышли и Кате показались вечностью эти несколько минут, пока тишину вновь не разрезали новые крики. Набравшись смелости, она влезла из своего укрытия и на ватных ногах пошла на звук.

В полутемной спальне она разглядела фигуру Вадима, склонившегося над Колей, наносящего ему в грудь ножом удар за ударом. Подавив крик, Катя бросилась снова в комнату и попыталась забиться в свое убежище.

— Иди сюда, дура! Пойдем по одной статье — не понимаешь?!

Вадим схватил Катю за грудки и вытащил из ниши. Размахнулся и со всей силы ударил по лицу. Она вскрикнула и заплакала.

— Не ори! Нож держи и давай со мной — шевелись!

Всё еще не отпуская Катю, он потащил ее к телу Риты и, предварительно перерезав ей горло, заставил Катю нанести ножом пару ударов в труп. По той же схеме "обработали" Николая.

Катя дрожала и беззвучно рыдала пока Вадим стаскивал на середину комнаты все барахло, вперемешку с газетами — готовил поджог.

Им уже не поможешь — о нас думать надо! Давай, выходим.

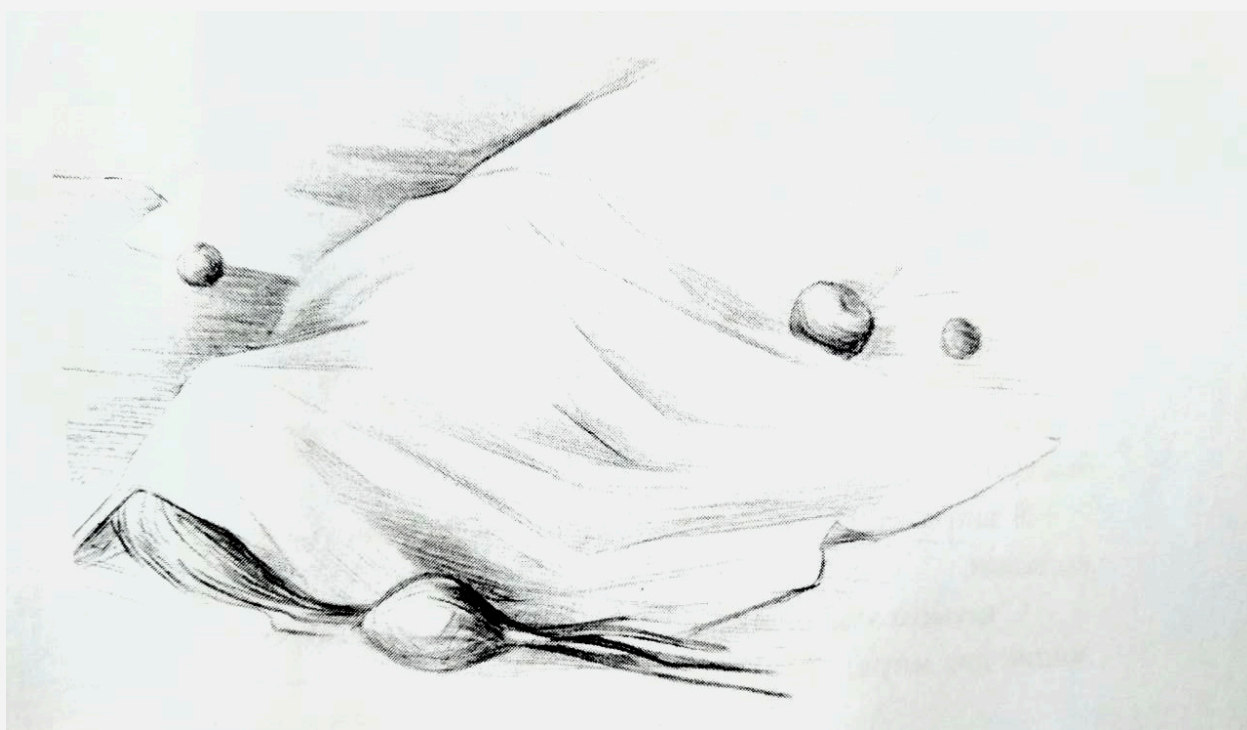
В комнате медленно разгоралось пламя. Катя и Вадим брели по темной неосвещенной улице поселка, Катя продолжала плакать, но уже позволяя себе громко всхлипывать.

— Если повяжут, возьмёшь двоих на себя, — говорил он ровным спокойным голосом, — начнешь отпираться, подошлю брательника к твоей сестре — поняла?

Катя кивнула, заплакала громче.

А на утро они явились в полицию с повинной.

Вадим, как и договаривались, взял на себя одного, в надежде на "смягчающие" и 10 лет, шел навстречу следствию и рассказывал в подробностях о преступлении и ударах ножом, как "Катя их наносила"...

Катя села глубже на стул, снова посмотрела перед собой словно мимо меня.

— На суде только, ему никто не поверил, что вина вся на мне. Я старалась как могла, но запуталась на допросах и признала себя частично виновной. Обоим нам пожизненное дали...

Вдруг Катин взгляд фокусируется на мне, лицо светлеет, губы тянутся в мягкой улыбке:

— Не окажись я снова в таких обстоятельствах, — она запнулась на секунду, — не помести меня Бог снова в такие обстоятельства, — повторила она уже твердым голосом, — я бы никогда не задумалась, что есть благо, а что вред. Уберег меня Бог от много и многое глаза открыл. Одиннадцатый год я тут и одиннадцатый год бережет меня Господь от войны в моем городе, от проблем мирских. Жизнь люблю теперь особенно — быстротечна она...

Я закрываю блокнот, благодарю за разговор, оставляю шоколадки. Сажусь в машину и долго смотрю в окно, в небо, водитель заводит мотор — радио включается автоматом:

*Ты знаешь, так хочется жить,
Наслаждаться восходом багряным,
Жить, чтобы просто любить
Всех, кто живёт с тобой.*

"Так хочется жить" 1985, группа "Рождество".

ДЕЛО №2

Лилия Чижик

1979 г.р.

ИК №54

— Папа, я с тобой на рыбалку?

— Дома сиди, матери поможешь сегодня.

Кто ж хочет месить тесто, когда можно плыть на лодке по реке, смотреть, как на воде играют солнечные блики, а на весле блестит налипшая ряска?! Кто станет добровольно мести двор, когда в прохладной тени ивы лениво летают стрекозы, а любопытная рыба снует ближе к поверхности озера, пуская пузыри, когда отлогие берега, покрытые зеленью, похожи на плюшевые диваны, а извивающиеся под водой темные корни деревьев кажутся волшебными змеями?!

Нет, этого я вам не подарю — лезу в сарай за оставшимися там рыболовными снастями. Сейчас-сейчас я сама... и сети, и лески: наловлю вам рыбы — рты от удивления откроете, хвалить еще будете!

Первый улов — аккумулятор — не сбил моего настроя: я с трудом вытянула сети, распутала их, вытащила никому не нужную железку и закинула снова. Мелкий мусор и очередной хлам вытаскивала я раз за разом, путая сети всё сильнее, отказываясь их распутывать после каждого "улова", пока не получился неподдающийся мне клубок.

— Эй, там на берегу — много наловила? — папин голос доносился с середины реки, пара уверенных взмахов веслами, и от уже возле берега, — лови, рыбачка! — он стал бросать мне рыбу.

— Давай, кидай еще! — смеялась я, — ну же, пап, кидай!

Я так стараюсь поймать каждую рыбку, а не подобрать ее с травы, что даже не смотрю под ногу и: скачу босиком по зеленой мягкой траве, лютики нежно щекочат загорелые ноги, блики от воды слепят, папин смех подбадривает — вот оно счастье.

Резкая острая боль пронизывает стопу. Шаг, еще и у меня темнеет в глазах — так не хочется терять этот миг счастья.

— Папа, — жалобно тяну я, — папа...

Выбравшись на берег, папа в два прыжка уже оказывается возле меня: брошенная кем-то битая бутылка — виновница моей боли. Нога кровит:

— Только маме не говори, а то заругает, — тихо шепчу я, пока он несется со мной на руках в больницу.

— Ты, это, думай о другом! С чего бы это матери тебя за травму ругать... ща, стекло вынут, промоют и будешь на свадьбе лучше всех танцевать.

Думала ли я тогда, что не так и долго до моей свадьбы, что с нее начинаются все мытарства — тогда самым страшным было быть наказанной, мамой руганной.

— Горе-то какое, — причитала бабушка, — горе какое! Дети сироты останутся — я ж всех не потяну, а этому извергу их не отдам! Пртаскуну этому, шо головой не думал, как в гречку скакал... позор, люди добрые, на всё село позор.

Бабушка раскачивалась из стороны в сторону, обхватив руками голову в светлой косынке.

— Ба, ты чего — умер кто? — я пытаюсь приобнять ее и погладить — так еще не видела никогда.

Бабушка Маня всегда была сдержанной на чувства, иногда казалась мне холодной и не умеющей приласкать, да и самой не нуждающейся в утешениях.

— Ба, ты чего? — повторила я, — жизнь продолжается же, — выдала невпопад услышанный где-то штамп.

— Голова твоя дырявая, — зашипела злобно бабушка на меня, — мать твою в тюрьму сажают из-за отца-ирода. Что ж с вами делать, как котят в ведре не утопишь, шоб не мучились?

— Не надо нас в ведре, — это первое, что понял мой десятилетний мозг. Про отца-изверга и мать в тюрьме я не могла никак сообразить, что же бабушка имеет в виду: жили себе дружной семьей, не ругались детей нас трое любимых.

— Много ты понимаешь в делах взрослых! Отцу я вас не отдам — пусть живет с грехом, как хочет. Ты и Катька со мной останетесь — решено ужю, Маринку до Киева справим к мамкиной сестре. Как-то справимся.

И мы стали как-то справляться. Только я никак не могла понять, отчего меня с родителями разлучили, пока "люди добрые" доходчиво не объяснили.

— О смотри, дочь убивцы. Странная баба она была, ничего удивительного, шо Колька от нее загулял. Детей трое нарожала, ругала за провинность всякую — ор на всю улицу стоит и соседей не стесняется. Кто хош к другой сбежит — в покое посидеть, отдохнуть.

— Так она шо, вот так просто пошла и зарубала ее, как прознала про мужнину молодуху? А донес кто?

— Не знаю, нашлись желающие. А, може, и сама прознала по помаде там чи духам. Да и вообще, мужики, они как новую баба заводят, сразу меняются: раньше борщ за обе щеки уплетали, а потом нос от него воротят, отбивных вместо котлет требуют, в постели начинают капризничать. Тут, короче, у человека психология или, как его вернее назвать, меняется — он, вроде как раньше, но уже не такой, понимаешь.

— Да, кризис среднего возраста, когда они сами не знают, чего хотят — понимаю. Ну ты дальше давай, рассказывай, как же это она решилась с любовницей-то разобраться. Это ж какой грех на душу взять и детей малолетних одних оставить! Говоришь, пришла и зарубала ее?

— Может, и зарубала — я свечку не держала — врать не стану. Может, и несчастный случай: за космы схватила, хотела легонько к стенке приложить, да силы не рассчитала — аффект.

Что это был за "аффект", за который матерей в тюрьму сажают, я так и не поняла из подслушанного разговора, но хорошо осознала, что родители мои были уже давно не любящей парой: папа находил отдушину у женщины какой-то, а мама, чувствуя это или зная, вымещала бессилие свое на — то лупила, то орала, то дома запирала.

Вечерами я старалась скорее лечь в кровать и притвориться спящей, чтоб бабушка мне своим "воспитанием" не докучала. Ей главное было, чтоб мы накормленные ходили, чистые и целые, моя учеба почти никого не интересовала — она и меня не интересовала: целыми днями я сидела и выдумывала, как мне родителей вернуть. Отца бабушка на порог дома не пускала, а мать... Иногда я просто лежала и плакала, тихо звала ее, жаловалась на бабуку, которая лупила меня за любую провинность, пуще матери.

Тетя Люда, учительница русского языка, единственная старалась настроить меня на учебу: уговорить, заставить — но было это всё временно.

Со временем бабушка перестала жалеть маму, всё твердила, что мы, дети ее, ей не нужны — оставила она нас из-за гордости своей. И так по капле, день за днем и что-то надломилось во мне и хотелось сбежать от них всех, забыть их всех!

— Эй, мала, как пройти к Приходько?

Передо мной стоял молодой мужчина лет 20-25 в милицейской форме, с зажатой сигаретой в зубах. Сигарета еще не горела, а просто "гуляла" по его рту от одного уголка к другому.

А мне почему знать — тут Приходьков, как грязи — Вы у себя по картотеке поищите, — ответила я с вызовом и наглостью, присущими девушкам четырнадцати лет, которые уже осознали, что у них есть грудь и другие места, на которые позволяют себе пялиться все, кому не лень.

— Не дерзи: я при исполнении — могу и в участок забрать, и на 15 суток посадить, — ответил он заигрывая.

— На 15 суток — за что?! Вы дорогу спросили — я ее не знаю! За такое не сажают.

— За сопротивление, могу.

— За какое еще сопротивление?!

— Ну вот я тебя приглашаю в кафе — пойдешь или придется за шкуру тащить?

— А ничего, что мне четырнадцать?

— Так я ж тебя в кафе зову, может, как свидетельницу, а не на хату.

— Свидетельницу чего?

— Сегодня вечером в 18:00 жду в кафе на автостанции.

— Не обещаю — мне уроки делать, — зачем-то соврала я, которая уроки уже давно не делала никаких.

— Звать-то тебя как, мала?

— Лилия...

— Квіточка, — подмигнул он мне.

Я бросилась скорее к своей подружке просить у нее люрековский свитер и джинсовую юбку. Было бы здорово, если бы она мне дала еще и свои лосины неоновой розовой цвета — такое свидание предстоит, что не хотелось прийти обычной школьницей.

— Лилька, лосины не дам — порвешь, мне другие не купят.

— Танька, я в кафе иду, где я их порву! Ну, не жлобись, пошурши по шкафу — очень надо, — взмолилась я.

— Ладно, сделаем сейчас из тебя моднявую.

Через час я была уже "упакована" в розовый свитер-ангорку с подплечниками, ярко-бирюзовые спортивные штаны и куртку с модными фиолетовыми полосами.

— Отлично! — сказала Танька, — сейчас еще челку начешем, залакируем с блестками и накрасим тебя!

Еще через час я вполне могла сойти за совершеннолетнюю.

— Журнал "Бурда" — обложка! — авторитетно заявила подруга.

Ровно в 18:00 я была на автостанции у единственного в округе кафе.

— А говорила, что четырнадцать!

Через неделю он стал моим первым мужчиной. А через месяц мы пришли вместе к бабушке и сказали, что поженимся.

— Совет да любовь, — сухо ответила бабушка. Спросила, где мы планируем жить и, узнав, что у "жениха" поинтересовалась, когда я съеду.

И я съехала на следующий день. К Юре и его родителям, которым мы сказали, что мне шестнадцать.

В тот же год Юру уволили из милиции за связь с малолеткой и за мою маму, наверное.

Через год я забеременела, и мы расписались.

Кажется счастливее и глупее невесты еще не было!

— Ну, сестрица, принимай подарок, — сказала мне двоюродная сестра, протягивая мятый конверт. На деньги не было похоже.

Я раскрыла его и увидела сложенный вдвое тетрадный лист в клетку. Развернула с неким разочарованием и стала читать: "Поздравляю со свадьбой! Мы с Мишкой оплачиваем угощение гостей и принимаем их у себя дома".

Это был один из лучших дней в моей жизни — я мечтала о свадьбе в родном городе и вот место есть, угощение тоже — что еще надо молодым и безработным!

В день росписи бабушки со мной не было — она легла накануне.

Собрав угощения, кое-каких фруктов с праздничного стола, уже утром мы были у нее. Она лежала в палате с еще пятью женщинами. Завидев нас, она отвернулась к окну и всем видом выказывала обиду. Ее соседки поздравили нас и порадовались за бабушку — мол, заботливые какие, приехали с самого утра, хоть и свадьбу гуляли всю ночь.

— Тут у нас пациентка одна была, — бабушка повернулась к нам и села на кровати, — так внучка ее не поленилась в день свадьбы в больницу заехать — не чужая, чай, бабка ей. Тебя ж я заместь матери растила, чтоб такую неблагодарность на старости лет иметь. Подарок приготовила — с пенсии наскребла, а могла Катьке чего путного купить.

Она протянула мне деньги, скрученные трубочкой, снова легла на кровать, отвернулась к окну и махнула рукой за спину, мол, уходи.

В марте родился Димка. А еще через три года Руслан.

Мы всё жили со свёкрами, на мои уговоры съехать Юра отмахивался, а мать его и козни разные строила: то историю о выбранном нами доме расскажет, что в колодце там младенец утонул, то просто в дверях стояла — не хотела сына из-под своего крыла выпускать.

А я всё сильнее стала скучать по дому, сестре, тетке — к ним мы стали только раз в год наведываться. Скандал со свекровью один за другим пошел — придирается ко всему стала, хоть хозяйство вести как учила, так и дальше наставляла. Свёкор с пчелами научил справляться, показал, как за лошадьми ухаживать — влюбил в них! Но всё равно не было мне покоя, сердце всё домой рвалось, одна за другой беда посыпалась: жеребец наш самый лучший издох — ой переживали мы со свекром так, что болеть начали, свёкор после этого и нескольких месяцев не прожил — ушел в мир иной. Так посыпалось всё штукатуркой старой — свекровь стала поедом меня поедать, словно винить в смерти мужа.

Сорвалась я как-то, не выдержала — собрала детей и уехала с ними: к бабушке, тете, думала, там покой обрету, отдохну.

— Ты это, малая, кончай выделываться, — Юра стоял на пороге с грустной гвоздикой и смотрел в пол, — в отпуск съездила, отдохнула — давай домой, что ж мы не семья? НЕ могу я без детей и без тебя не могу. Собирайся.

— Устала я так жить — хочу отдельно, без матери твоей. Что ж я время, как в гостях: двоих детей родила, по хозяйству могу не хуже других и с лошадьми, и с пчелами — а всё не угожу никак. Не поеду я — тут буду.

— Ну не едь, только я руки на себя наложу, слышишь! — грех на душу возьмешь?! — заорал он, как раньше и не орал вовсе, — под машины

кидаться пойду, если сына хоть одного не отдашь! Хошь, сиди тут, а Димку отдай с собой — не могу без него, скучаю!

— Бог с тобой, как же это детей делить, от матери отрывать! Говорю тебе, давай съедем — отдельно заживем и всем легче станет.

Мне казалось, что я его образумить смогу. Только б меня кто-то в тот момент на путь правильный наставить мог — не оказалось ближнего.

— Вешаться стану, если ребенка не отдашь, — снова пригрозил он. Собрала я Димку — а что делать было — и уехали они.

Разболелась я еще сильнее. К тетке меня перевезли, да и там я кому нужна — помощи от меня никакой, только забота лишняя.

Так я снова к мужу вернулась: забрал он меня, в больницу на лечение положил, сам за детьми смотрел... только снова что-то надломилось во мне, как тогда, когда маму посадили, захотелось сбежать, забыть всё. И о детях не думалось в тот момент — себя спасти хотелось.

С Богданом познакомилась случайно. Ничего и не планировала — только из отношений, а тут еще и цыган!

Но закрутилось — понеслось, вроде я до этого не наелась жизни совместной. А через пару месяцев я уже Рустамом беременная ходила, ничего вокруг себя не замечала.

Богдан же временами вел себя странно: то настроение скачет без причины видимой, то сутками спать не может, а то лежит пластом, будто танком его переехало, бывало придет придет домой и сметает всю еду, что в доме найдет, или нанесет чипсов всяких пачек десять и в один присест сам слупит. Я не времена тяжелые списывала — нет стабильности, заработать на жизнь сложно. Только всё чаще стал он из дома пропадать, бледный ходил как стена, животом маялся...

В день родов посадили его за кражу. Где глаза тогда мои были, не знаю, только оказался он наркоманом со стажем. Мать его меня жалела, давала ему деньги только, чтоб он меня не трогал, чтоб я ничего не заметила.

— Слухай сюда, — по тону моей тетки было ясно, что настроена она серьезно, — я два раза повторять не стану: вещи мы тебе необходимые купим и дите не обидим, — она подошла ко мне впритык и разделял нас только "куль" с новорожденным, — ты сейчас садишься в машину и едем ко мне — до цыгана твоего я тебя больше не пущу. Нагулялась девка, хватит!

Я послушно, словно загипнотизированная, а, может, и здоровый рассудок пробудился на время во мне, поплелась за ней к раздолбанной "копейке".

И мы зажили. Хорошо так, дружно, как будто всегда вместе жили, знали, кому, когда на работу, когда ванну не занимать, когда и лишней раз на кухню не выходить. Потянулись радостно-вязкие будни, а спустя пару месяцев вернулась мать и тюрьмы.

— Ну, соскучились за 12 годков-то по матери?

На пороге стояла старая серая и безумно худая женщина с впалыми глазами и ртом. Стойкий запах табака окутывал ее, покрученные артритом пальцы сжимали невнятного цвета холщовой мешок с пожитками.

— Без гостинцев — звиняйте — наверстаем еще! — она подмигнула выцветшим глазом. Вода в кране есть — помыться с дороги дадите?

И мы засуетились, забегали, наталкиваясь друг на друга: полотенце, белье, обед горяченький, сигареты и водочка.

И бабушка вдруг распрямилась, заулыбалась беззубым ртом:

— Заживем теперь, как люди. — тихонько пришепetyвала она первое время, то ставя чайник на огонь, то тихонько выходя за "чекушечкой", то Рустама принимая на руки от меня.

Мать смиренная ходила, наводить порядков тюремных не стала, на расспросы отмалчивалась всё. Раз только прорвало ее — выпила лишнего, не закусив.

— Хорошо сидим, — хрипела мать, затягиваясь очередной папиросой, — ладно-мирно и еда есть, а есть-то не хочется — отвык организм от еды: чай принимает, водку, — она подняла стакан с "беленькой", посмотрела в мутное стекло, будто в руках бокал был и "слезинки" на стенках его рассмотреть хотела, — а еда не идет.

— Плохо, мать, с едой там у вас было, да? Исхудавшая ты совсем. В закопченной нашей кухоньке повисла тишина.

— Ты это, шо, переезд надумала? — бабушка сверлила меня взглядом, пока я паковала в сумку колготки да свитера.

— Да, ба, — поеду в Брянск. Рустам на вас останется, а я копейку какую-нибудь заработаю — жить-то нам надо на что-то.

То, что я не за "рублем" еду, бабушке знать не надо было — влюбилась я и решила, что теперь уже навсегда и надежно. Притрёмся вначале, а там и

сына заберу к себе, маме с бабушкой помогать начну — всё лучше, чем дома сидеть в женском царстве этом.

Рома оказался славным парнем. Заладилось у нас с ним всё сразу, и работа мне нашлась быстро. Через полгода Рустама забрала и зажили мы дружно на радость маме и нам в удовольствие.

— Лиль, а Лиль! — Ромка кричал из коридора, — хорош в ванне плавать — телеграмма тут тебе — выныривай!

Наскоро обтершись полотенцем, завернувшись в халат (простенький, но раньше-то у меня и такого не было), еще мокрыми ногами зашлепала я из ванной:

— Что за телеграмма? Что пишут?

На серо-коричневом листке были две криво вклеенные строчки:

ПРИЙНЯТТА	ТЕЛЕГРАМА	ПЕРЕДАВАННЯ
Слів _____ Прийняв _____	№ _____ _____ ст. _____ год. _____ хв.	_____ год. _____ хв. Номер _____ Переказ _____ Позначки _____
<i>Категорія та вид Телеграми:</i>		
<i>Куди:</i>		
<i>Кому:</i>		
Я вдова тчк		
Приезжай на похороны тчк Катя		

— Совсем еще молодой был... — Рома приобнял меня, — поедешь?

— Поеду, — почти беззвучно ответила я. — Конечно, поеду — она ж сестра моя, одна теперь без мужа с сыном. Я Рустама с собой возьму, а там, как всё наладится, вернемся.

И мы, конечно, не вернулись... Я, правда, раз заехала, когда Ромы дома не было, тихо свои вещи собрала: ничего лишнего не взяла — свои только вещи да детские, и пропала.

Он всё понял: искать и возвращать не стал.

Поселились мы с сестрой и детьми у бабушки, а родители мои снова сошлись или просто от безысходности вместе подживать начали.

Наша же жизнь с Катей сахаром не была — тяжело давалась нам в деревне. Нескладные мы что ли стали, всё никак хозяйство вести не выходило: то денег не хватало, то еды.

А на голодный желудок мысли всякие приходят — неправильные, шальные. Так села я за кражу козы. На четыре года села — маминой судьбы кусок себе первый раз отхватила.

Как вышла (на год раньше положенного), так к родителям вернулась — у них жить начала, дома себя почувствовала.

Катя же за время моей отсидки с новым мужиком сошлась — с цыганом. И в Нежин переехала к нему. Только что-то не ладилось у них: то синяк на руке, то кровоподтек. Поколачивал он ее знатно. Я что — смелая после тюрьмы — в охапку ее и ребенка и к родителям. План придумала: детей в селе оставим, а сами на работу в Киев подадимся, посменно работать станем и детей к себе заберем.

Размечталась... но разве не мечтами мы живем?

— Лилька! — отец был явно подшофе — Лилька, пойдди сюда, — кричал он из прихожей.

— Что, батя? Чего шумишь? Ужин готовлю — заходи, руки мой, садись, поедим и поговорим.

— Ты мне не указвай тут, проשמандровка! Позвал — иди.

Отец сердился всё больше и больше, стал стучать в стену, требуя внимания к себе.

Выключив газ под нехитрой стряпней я вышла к нему: бояться не боялась (прикрикнуть я и сама могу), под ложечкой как-то подозрительно засосало, как предчувствие какое.

— Побрякушки неси давай свои и Катькины! — прохрипел он, — живо собери всё сейчас.

— Батя, ты это чего — ум пропил? — я расхохоталась и покрутила пальцем у виска — да он на ногах еле стоит вот и мелет чепуху всякую, — Ты

б поел горяченького — протрезвеешь, в голове шум пройдет. Иди на кухню — сейчас детей позову и поедим вместе.

Не обращая больше на него внимания, я медленно пошла в комнату, где сестра играла с детьми.

— Слышала, чё батя выдумал... — не успела я договорить, как на пороге комнаты отец с кухонным ножом в руках.

— Вы, это, девки, лясы бросайте точить — говорю, собирайте побрякушки...

— Проспись иди, — Катя встала ко мне, пытаясь отгородить разбушевавшегося отца от детей.

— Порешу вас и себя! — заорал он и стал размахивать ножом, — порешу, суки! Живо соберите, что у вас есть и выметайтесь из дома моего и байстрюков своих забирайте.

И мы ушли. Забрали маму с собой и ушли под Новый год в никуда, потому что угла своего у нас не было.

На вокзальных сквозняках оставаться было не дело — решили ехать в Нежин, в дом, где Катя раньше с Русланом свом жила.

Покосившейся забор и заросший участок, темные глаза окон и пустынный двор ждали нас в Нежине.

— Хата свободная! — Радостно сообщила Катька — Выехал, подлец из нее — повезло нам! Сейчас ключи пошукаю — нычка есть тут одна.

И нам, конечно, повезло: стены и крыша, какая ни какая, нашлись для нас и стали спасением в эту зиму.

Поклацав выключателями, мы обнаружили, что нет ни одной "живой" лампочки, насобирав во дворе сухостоя, замерзших веток, раздобыв пару дров, растопили печь и просидели у нее с детьми всю ночь. Есть не хотелось. Хотелось только тепла и понятного будущего. Так впятером и уснули, грея друга дрожащими телами, обнимаясь оттаявшими у печи руками, натягивая подолы курток на ноги, кутая шеи в хлипкие шарфы.

А через пару дней Катькин "подлец" пронюхал о нашем возвращении — да и как не узнать — город маленький, всё как на ладони — и приехал с другом "спасать" нас.

Так мы в очередной раз обзавелись общим хозяйством, утварью домашней и, конечно, лампочками в дом.

Мама пожила с нами месяц другой и однажды, тихо собрав свой скромный скарб, уехала назад к отцу.

Мы же, как говорится, "выдохнули": потекли спокойные будни, друг Руслана, Тахир, посватался ко мне, а потом и вовсе к себе забрал... а там и дочь наша, Настя, родилась.

И опять показалось, что счастье близко — вот, хватай его за бороду и держи.

Но держать было нечего. Муж мой новый оказался весь в долгах: родители его и хозяйство продали, чтоб хоть часть покрыть, и золота назанимали, чтоб откупиться.

Дыра, в которую он летел и тянул нас за собой, становилась с каждым днем всё глубже: платить было нечем и брать уже было негде. Только воровать.

Никто меня не надоумил, никто не одернул и не остановил, а отчаяние, которое накрывало волной с головой, подталкивало стать соучастницей. И мы пошли на кражи.

Первое же дело обернулось для нас полным крахом.

Всё началось с потасовки с каким-то прохожим. Почему они сцепились, что не поделили, — не знаю. Не отойди я в кустики, может, ничего б и не случилось, но я, будучи там, свидетельницей, как таковой, и не была.

А потом было место кражи и всё шло опять вкривь и вкось: снова драка, крики. Соседи выскочили на шум, я стала растаскивать мужчин. Кое-как ноги мы унесли, а на утро город уже шумел о страшном убийстве, еще через месяц Руслана и Тахира арестовали.

Так я узнала об убийстве того самого прохожего. На суд меня вызвали свидетелем, а входе дела "мой мужчина" дал показания против меня. Мол, я всех била, на всех бросалась, а они меня оттаскивали. Мне же говорил, что как мать четверых детей, мне срок небольшой дадут.

Как это дело выкрутили, как на меня убийство повесили без следов крови жертвы, не знаю, только просил мне прокурор 15 лет за разбой, а суд дал пожизненное за умышленное убийство...

ДЕЛО № 3

Валентина Лучанинова

1970 г.р.

ИК №54

— Журналисты? — весело спрашивает женщина лет 50-ти в черной робе, — Да мы скоро известней звезд кино будем — зачастили вы к нам.
— А что, навещают постоянно коллеги мои? — подмигиваю ей в ответ.
— Да раз в месяц точно заходят, вот вы у меня уже пятой будете.
— Так вы опытная — уж, наверное, все мои вопросы наперед знаете.
— Думаю, знаю, но вдруг что новое спросите.
— Про работу давайте поговорим — вы же в передовиках тут ходите!
— Смешно вы начали, все обычно о том, как сюда попала, о жизни до заключения и о семье...
— Значит, не хотите о работе?
— От чего ж не рассказать. Цех у нас тут швейный: вот на перерыв к вам вышла, а так с 7 утра до 15 часов работаю — время коротаю. Ни заработок какой никакой есть.
— Заработок — это хотошо, на что тратите деньги заработанные.
— На интернет, звонки домой, на косметику... главное, ладим мы все меж собой.
— И как платят?
— По выработке, — грустно улыбается, теребя нашивку с именем и сроком на робе, — матрасовки шьем, наволочки, рукавицы, чехлы, сидушки для стульев. Знаете, даже раз шили тканевые элементы для бронезилов.
— На жизнь хватает?
— А много ль надо: говорю ж, домой пойдём позвонить, мелочевку купить в магазине при наших пенатах. Есть, конечно, стахановки среди нас, но за ними не угонишься. Работа нужна, чтоб развеяться, мысли дурные отогнать...
— Мысли какие чаще беспокоят?
— Да о прошлом всё больше — настоящее ж оно здесь понятное: от подъема до отбоя сильно не меняется.

Родилась я в Казахстане, в Павлодарской области. Как раз в тот год в городе моем родном ввели в эксплуатацию первую очередь "Богатыря" — самого крупного карьера по добыче угля во всем мире. Всесоюзную стройку начали, народу согнали, молодых специалистов со всех республик...

Родители мои там тоже оказались — в передовиках. Десять лет отработали, дружно, слажено жили, а потом в Сумскую область перевелись и нас, трех дочерей своих, увезли подальше от всесоюзной стройки и временок в тишину и размеренность сельской жизни.

Мама моя набожной была, к церкви нас с раннего детства приучала, к вере в Бога. К праздникам религиозным готовились: то куличи печем, то кутью варим, то яйца красим, то вербу собираем и святить несем.

Отец души в нас не чаял: любил очень, гордился, что три дочери у него — красавицы, потакал нам во всем, на все кружки записывал. И мы ходили.

В удовольствие себе и на радость папе я занималась легкой атлетикой и школьной самодеятельностью, что-то лепила и любила петь.

— Пап, запиши меня на хор.

— Драмкружок, кружок по фото...

— Да, именно: мне еще и петь охота!

— Потянешь столько всего или макраме уже надоело?! — папа смеется в усы, а вокруг глаз лучиками расходятся мелкие морщинки.

— Потяну, вот увидишь! Я вообще хочу известной певицей стать: перееду в Киев, дом куплю нам большой, вас всех перевезу и заживем большой семьей.

— Мужа тоже в этот дом приведешь?

— Конечно! Эх, сильного, красивого, любящего и такого, чтоб как за каменной стеной... Мы смеемся то ли над моими мечтами о знаменитости, то ли над сказочной картинкой будущего мужа. Но в 10-12 лет всё невозможное кажется возможным и не всё возможное видится заранее.

Своя будущая семья видится такой же счастливой и дружной как родительская, трудности преодолимыми (они же смогли), переезды — нормой (мы же тоже не раз меняли место жительства), а работа штукатур-маляра, совсем не знаменитой певицы, — временной ступенью на стремянке к счастью.

Вот так размышляя, я вышла замуж в семнадцать лет и уехала за мужем в Уссурий — "в город зелени и студентов", каким принято было его считать до 70-х.

Романтика Дальнего Востока, близость Японского моря и Тихого океана, теплое дождливое лето и пробирающие зимние морозы отвлекали от загаженного промышленными выбросами воздуха, разношерстного люда и закрытости региона.

А еще родилась дочь — это ли не счастье!

— Знаешь, думаю, ловить нам с тобой тут больше нечего, — муж присёрбывал суп, закусывая горбушкой ржаного хлеба, — беспокойно что-то стало, а денег всех не заработаем — давай вернемся.

— Давай! Я и рада назад к своим поближе. — Я подлила ему в стопку водки и себе налила — отметить же надо такое решение.

— Ты на увольнение подай завтра, и я напишу заявление, и, глядишь, через месяц-другой сможем переехать, а то неизвестно, увидим когда-нибудь еще родных или нет. Доче дед с бабой нужны — всё ж семья и забота, а то мы тут вдвоем из кожи вон лезем, но всех собой не заменишь. Нам отдых будет, время друг на друга.

Он подмигнул и залпом выпил свою стопку.

— Хорошо, Валёк, хорошо! А будет еще лучше! — и налил себе еще.

За три года мы особо вещами-то не обросли, денег подкопили — с ними и вернулись в Украину жизнь дальше строить, счастливое настоящее жить и будущее планировать.

Дочь вторую родили, и я полностью погрузилась в материнские заботы и быт. Не могла налюбоваться как дети растут, радуются всему новому, и я вместе с ними.

— Ну, кто с батей на рыбалку?

— Ты червей их вначале заставь накопать, рыболов-любитель, да леску размотай с прошлого года!

— Всё-то ты, Валёк, перекрутишь — талант у тебя такой, — смеётся муж — что ж мне вас опять просто на шашлыки звать?

— А нам разве плохо, — подмигиваю я девчонкам, — салату накрошим, картошечки испечем, ты нам мяска пожаришь — красота! На природе посидим, искупаемся...

— Водочки выпьем...

— То-то тебе всё водочки выпить! — смотрю с укором да головой в сторону дочерей киваю.

— Как приличные люди, Валюня, как приличные! Ты что ж, думаешь, я меры не знаю? — смотрит обиженно, руки в спортивки засунул, — Обижаеть...

Кто ж знал, что как в воду смотрю. Что закончатся семейные вечера за чтением сказок на два голоса, рассказы наперебой, кто кем будет, когда вырастет, и как летом в отпуск поедем — на лодке кататься будем.

С треском развалилась большая страна, а за ней и посыпались "ячейки общества", не выдержавшие напряжения, лишений и неустроенности. Зарплаты "сгорали" за день, если их вообще выдавали, а то, что было на руках уходило на хлеб и "антидепрессанты" — на водку.

Привычная ранее у мужа стопка по вечерам теперь стала бутылкой, обиженный взгляд — злой гримасой, руки из карманов брюк переместились кулаками на стол, а потом и меня: то он слишком сильно сжимал мне руки, то тряс и вроде бы случайно бил головой об стену.

Поначалу, протрезвев, он еще извинялся, мол, что на пьяного дурака обижаться — был не в себе.

А потом понеслось всё и закружилось: гематомы на пол лица, сломанные ребра и ключицы.

Повод? Да любой!

Есть приготовила, но не то, для детей кашу сварила, а вчерашними щами накормила, в магазин долго бегала, у соседки задержалась, в стране бардак... Но бардак был уже в наших головах.

— Папа, папочка! — истошно орала старшая, пытаюсь ухватить его за штанину с вытянутой пузырящейся коленкой, — папка, родненький, не трожь маму, она ж как лучше хотела.

Я лежала на полу и пускала ртом кровавые пузыри, ни кричать, ни плакать я не могла — хрипела, булькая бурой жижей. Руки в синяках и кровоподтеках бессильно распластались по полу, ноги неестественно подтянулись к телу, словно я делаю прыжок в длину, а спина прогнулась вогнутой дугой.

— Папка, я сама до тети Нади сейчас сбегая, принесу тебе на опохмел — мамку оставь только, не виноватая она, — рыдала дочь, пытаюсь вклиниться между мной и мужем.

Еще одна попытка закрыть меня своим маленьким телом и вот уже она, котенком, поддетым на сапог, летит об стену. Глухой удар и хрупкое тельце дочери сползает на пол, голова вяло болтается на шее, ручки крыльями распростерты, а в открытых глазах пустота...

Я, собрав последние силы (господи, откуда же они берутся баб, если надо дитё защитить?), подтянула ноги к животу, повернула голову набок и плетью перекинула через себя руку, которой до этого и пошевелить не могла — пальцев не чувствовала. Продолжая харкать кровью, посвистывая и булькая вместо дыхания, кое-как перевернулась на живот и поползла к дочери, оставляя за собой на полу бурый след...

Через год стало легче. Ну как легче — побои закончились, а жить стало тяжелее.

Муж мой в "бизнес" подался — на криминал подсел и закрыли его на пару лет.

На свиданках плакал, божился, что любит меня и дочерей, умолял простить за пережитое с ним, обещал пить бросить и поколачивать, как выйдет, просил только не оставлять его — не бросать одного.

И я не бросила, закрутилась белкой в колесе — устроилась на ферму дояркой в две смены, корову в счет аванса и зарплаты купила, чтоб девчонок молоком поить да сыром кормить, пошла к соседям огорода копать, участки чистить. Тянулась, как могла, чтоб ему с заработанного передачи по списку купить и дочерей прокормить.

Сама в нитку вытянулась, из одежды — лохмотья, да ботинки сбитые, сапоги резиновые. Но зато вера в душе, что тюрьма-то его исправит, напугает и человека сделает, образумит.

После возвращения ничего не изменилось: пьяные компании, побои, скандалы. Единственный плюс — девочек больше не трогал. Я же ходила битой раз в квартал — "за неверность". Кто ему это вдолбил, не знаю, только измывался он пуще прежнего, а увещевания, рассказы, что работаю я днями среди коров, к вечеру без сил домой прихожу после всех огородов, не имели никакой силы.

Соседи видели всё, сочувствовали издалека, но сторонились — не вмешивались, за меня не заступились. Кто ж станет с сидевшим спорить, да еще любителем кулаками помахать.

А потом пришли вторая, за ней третья, четвертая и пятая судимости.

Я опять тянула всё одна его зачем-то — предать боялась. Хотела, чтоб считалось, что отец у детей есть — не бог весть какой, но есть.

Тюрьма окончательно испортила его и после выхода к побоям добавилось насилие.

Ему хотелось грубого секса, а мне это не нравилось. Он наваливался на меня и просто насиловал. При этом он был уверен, что ничего плохого не делает, а я просто была обязана выполнять все его фантазии. Моего мнения никто не спрашивал. Чтоб секс с ним казался не таким противным, я стала выпивать. А пока пила — пили мы вместе, сидя друг напротив друга, — могла и на долю свою бабскую пожаловаться, мол, тяжело мне одной лямку тянуть.

Временами, казалось, он меня слышит, понимает, только потом это всё против меня оборачивал.

— Баба ты дурная, — орал он, держа меня за волосы, прикладывая меня раз за разом головой о стенку, — тебе-то и делов, что рожать, стирать и убирать.

Дождавшись, когда я сознание потеряю, насильничал и душил, резал и пальцы выбивал. Спустив ярость, бросал тряпкой на полу и уходил спать.

Не знаю, как долго б это еще продолжалось, но неожиданно для нас умерла наша младшая дочь. Муж присмирел. Запил сильнее, но стал вежливым и спокойным. То ли вину свою почуял, то ли страх. Долго, правда, не продержался — отгоревал...

Март обычно слякотный месяц: снег еще не сошел или лежит намерзшими глыбами, солнце если и пробьётся серые облака, то лишь на час. И вообще, март неверен: то плачет, то смеется. А в тот год выдался особо теплым и сухим, предвещая хороший урожай огородникам и приятные выходные, желающим отвлечься от трудовых будней.

Таковыми отдыхающими стали и мы. Собрались небольшой компанией человек семь на природу, шашлык пожарить, картошки запечь и "расслабится".

— Витьку-то помните? Того, что квазимодо?

— Это тот с женой кралей и детьми глазастыми?

— Да, этот самый, мотоцикл у него еще с коляской, дребезжащей...

— Так че вспомнили — разливайте, не спите, а то в марте только курица из лужицы напьется

— Витька этого?

— Сел. Любовника жены своей порешил и закрыли его на пожизненное.

— Ты смотри, какой горячий оказался — Отелло прямо.

— Тот жену придушил, хотя хрен один.

— Баб вообще в ежовых рукавицах держать надо — да, Валька? — Муж с размаху влепил мне звонкую пощечину. — Место баба должна свое знать!

То ли солнышко меня первое весеннее разгорячило, то ли выпитое, то ли накопилось за столько лет, но обиду я не проглотила, не посмотрела, что друзья сидят, и влепила ему ответного леща.

— Погляди какая борзая, — муж схватил меня за грудки одной рукой, а другой влепил затрещину, а потом пнул в грудь. Я потеряла равновесие и завалилась назад. Поднявшись, на неровных ногах пошла на него с кулаками.

— Валька, праздник не порти, — вклинился между мной и мужем один из друзей, — слышь, хорош!

Он попытался меня оттащить, но меня несло. Началась пьяная потасовка. Кто-то вступился за меня, вытащил из дерущейся кучи.

Я отошла пошатываясь, села на землю и задрала голову вверх: прозрачное, но еще холодное небо, смотрело на меня — голубое небо в марте редко бывает, а тут чистый цвет и ни облачка. Вербка только как-то особенно горько запахла и ветерок потянул по пояснице, словно подталкивал встать с земли холодной, еще непрогретой. И я поддалась — встала, побрела к мотоциклу... а там бита — руки сами потянулись к ней, ноги тоже без веления моего повели меня к всё ещё дравшимся.

Удар, один, второй и меня оттаскивают чьи-то сильные руки.

— Ну, Валька, ты сегодня крендель за кренделем выдаешь — весна на тебя как-то не так действует!

— Давайте завязывать, ребята, с этим отдыхом на свежем воздухе — не на пользу нам кислород — поедем ко мне, на хате догонимся нормально и в тепле.

— Поехали, — киваю я — поехали от греха подальше.

Муж мой целый и невредимый головой машет — ехать отказывается, и кореш с ним гулять дальше остается.

— Давай, потаскуха, — пьяно орет он, езжай-езжай! Кому ты в округе еще не дала?! Попадешься мне дома — костей не соберешь!

И я поехала, чтоб целой еще хоть ночь побыть.

На утро плохо нам стало — водка в тепле на пользу не пошла, и голова гудела так, будто муж мой меня всю ночь колотил, да об стены кидал. Опохмелиться решили со вчерашней компанией. Приехали на насиженное место, где оставили мужа моего с друзьями. Только их мы там не нашли — домой, наверное, уехали.

Слово за слово, стакан за стаканом и вдруг один из товарищей бьет знакомую, что с нами вчера была, ножом в грудь.

— Ты, сука, что делаешь, — чувствую, что голоса у меня нет, ни заорать, ни завизжать не могу — сиплю почти бесшумно, — мозги, гад, совсем пропил?!

— Заткнись, дура! Я ж тебя спасаю, шкуру твою никому не нужною!

— Меня?! Это с чего же вдруг ангелом ты спасителем заделался?!

— Выдала б она тебя с потрохами?

— Что пила с вами этой ночью?

— Что мужа порешила!

— Так он живой был, когда я уходила...

— И еще Пашку...

— Какого Пашку, что ты лепишь? Я ж только своего колотила, и он живой, слышишь, живой был...

Кто нас сдал не знаю, только все мы впятером оказались на скамье подсудимых.

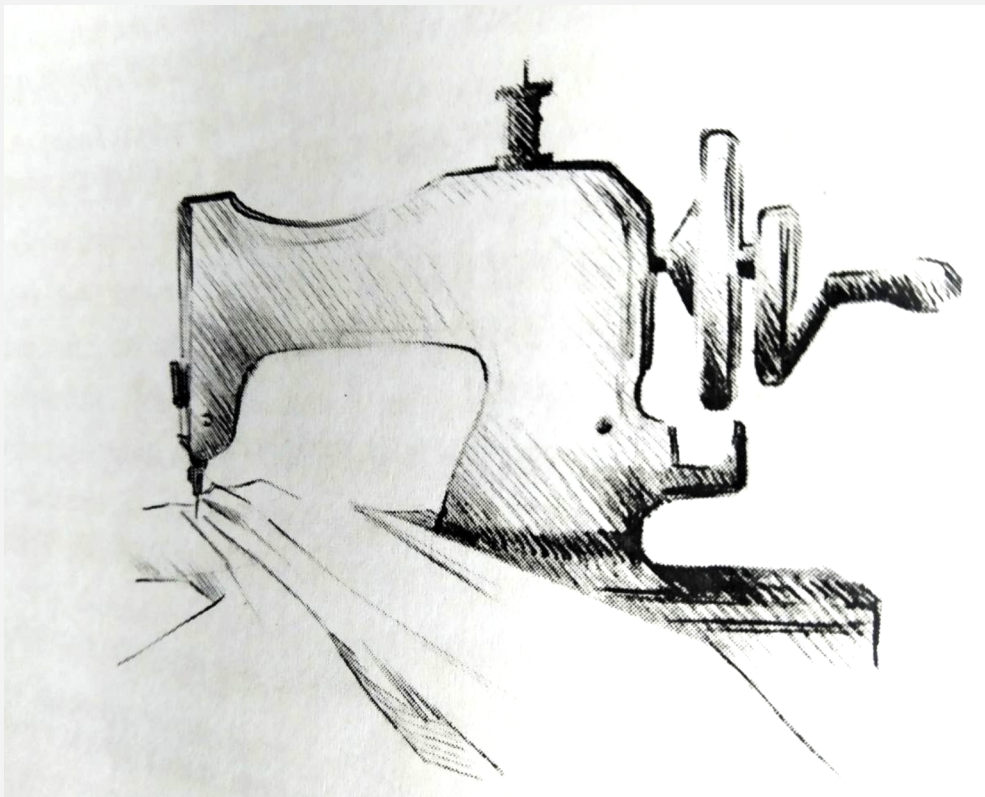
Страшно было всем и вину валили друг на друга, а потом, то ли сговорившись, то ли так оно само вышло, все против меня показания дали. Никто не разбирался в степени вины каждого из нас и даже не пытался выяснить подробности случившегося в тот злосчастный вечер...

Валентина поправила нашивку на робе.

— Перерыв заканчивается, пойду в цех на косметику зарабатывать.

— Валя, а подельников наказали?

— Еще одному, как и мне пожизненное впяли, а тем по 15 лет дали. Я вину свою, так и пишете, признаю частично на определенный срок — с приговором суда не согласна. До свидания. Пойду еще на улицу выйду — небо сегодня особенно прозрачное.

ЗА ПОРОГОМ ДОМА

Истории о женщинах в политике, основанные на реальных событиях, собранные и записанные в короткие интервью Анастасией Попсуй — общественным деятелем, экспертом в сфере образования, гендерного равенства, регионального и местного самоуправления. Руководительницей ОО "Европейская Ассамблея женщин-депутаток", основательницей национального конкурса "Лучшие женские инициативы Украины".

Художественный текст — Наталья
Сваткова

"У меня за спиной шушукалось всё село..."

Как часто мы, добровольно или нет, становились свидетелями обсуждения скрытых проблем общества, о которых стыдно говорить? За чашечкой кофе или бокалом вина всегда хоть раз поднимается тема чьих-то частных проблем, вроде домашнего насилия или домогательства на работе. А если это еще и в маленьком городке или селе — то все всё знают. По секрету — всему свету, ничего не скрыть. Наоборот — история иногда будет додумана людьми до невероятных масштабов и деталей. Все всё знают, но мало кто публично встанет на защиту жертвы, мало кто публично осудит обидчика, мало кто будет пытаться справедливого решения конфликта. "Сама виновата" — скажут вслед. И хотя оправданием для семейных ситуаций станет "не лезь не в своё дело", то домогательства на работе обычно замалчиваются из-за страха потерять работу.

Совет Европы осуществил в прошлом году исследование, согласно которому 47% женщин страдают от сексуальных домогательств. Да! И на

рабочем месте это очень распространенная проблема. Истории, о которых мне рассказывали женщины на разных должностях в различных органах власти, уже давно припали пылью и забыты обществом. Но сами женщины — их никогда не забудут. Просто теперь они старше, мудрее, сильнее, и имеют мужество рассказать о своей давнишней боли. Но абсолютно все женщины попросили остаться инкогнито. Это стыдно — быть жертвой, быть униженной, стыдно не иметь возможности защитить себя. Поэтому художественные образы женщин — собирательные.

Сегодня эти женщины не молчат, когда видят такую несправедливость и наглость, всегда стараются помочь жертвам насилия. Ведь они знают, с годами даже самая большая радость от успешной карьеры не перекроет боль и отчаяние тех страшных воспоминаний.

Согласно моим собственным исследованиям (во время интервью и просто жизненных бесед) — 80% женщин, имеющих успешную карьеру, хотя бы раз пострадали от домогательств на работе. Может сознание и будет отказываться воспринимать это реальность, ум будет пытаться всё забыть, но факты остаются.

И еще один интересный нюанс: конкурентки не протянут руку помощи в такой ситуации. Скорее они включатся в утешение жертвы. До работы с психологом я и сама не могла понять, почему образ "блондинки", даже когда я была на самой высокой городской должности, мне был так комфортен. Но потом я поняла, что с тем количеством недругов я подсознательно пыталась создать легенду "безопасной" и "беспомощной" девушки, которая не будет составлять угрозы для других заинтересованных лиц. Наше подсознание ищет лучший социальный инструмент для "выживания".

— **Привет, М. Ты помнишь как это было, те домогательства?**

— Привет. Да, я все помню, как будто это было вчера.

— **Как давно это было?**

— Где-то лет 15 назад. Я была совсем молодым специалистом и мечтала получить должность в нашей администрации. Пришла на испытательный срок.

— **Кто это сделал с тобой?**

— Ну он не сделал... Я смогла отбиться. Но он сделал все, чтобы я пожалела о своем поступке.

— **Это был человек высокой должности?**

— Да.

— **Ты тогда зависела от его решений?**

— Да.

— **А сейчас он где?**

— И до сих пор находится на всевозможных руководящих должностях в нашем населенном пункте. И все делают вид, что он — порядочный человек. Хотя я знаю, что не я одна пострадала в подобной ситуации от него.

— **Почему не обратилась в полицию?**

— А чем бы они мне помогли?! Было бы еще хуже! Я никому не сказала, даже отцу и своему. Мне было очень страшно. Я понимала, что потеряю все, и будущего для меня и всей моей семьи здесь уже точно не будет.

— **Я понимаю. Он мстил тебе?**

— Он начал рассказывать всем в администрации, что я — дура, что у меня ничего не получается, что я постоянно делаю ошибки на работе. А человеку, который меня советовала на эту должность (тоже влиятельный человек), постоянно меня стыдил и унижал. Показывал недействительные ошибки, обманывал. Мне было очень стыдно, я никому не могла признаться. Просто очень часто плакала дома и на работе. Мой муж думал, что мне трудно на новой работе, успокаивал. Я полгода была в жуткой депрессии.

— **Кто-то еще видел твою работу в администрации? Кто-то мог оценить адекватно?**

— Да, конечно, все видели мою инициативность, грамотность, упорство. Но это иногда даже делало хуже. Невлиятельные сотрудники молча наблюдали, а руководительницы — переживали, что я их подсижу. Я была молодая, привлекательная, да еще и умная. Уровень конкуренции никому не нравился. Протекции у меня не было. И сплетни от того горе-руководителя часто находили "благодарные уши".

— **Но дальше администрации сплетни не пошли?**

— Та где там! У меня за спиной шушукалось всё село! Говорили, что я дура, и меня пытаются "запихнуть" на должность, что я ничего не умею и не могу без ошибок нормально работать. Говорили, что кроме хорошего личика больше ничем не выделюсь. Говорили, что меня выгнали за неграмотность и хамство. И что я не прошла испытательный срок из-за этого. Меня это убивало морально. Я была просто в ужасном состоянии.

— **Что тебе пережить этот ужасный период? Кто был рядом?**

— Ну во-первых, моя дочь. Малышке было лет 5, и я была сильной ради нее. Также мой муж. Как-никак, а он меня поддерживал всегда. Семья на тот момент была моей опорой, и к нашей семье было хорошее отношение со стороны общественности. Все знали, что я верная жена и хорошая мать. Поэтому единственное, что мне "приплести", это типа несостоятельность в работе. Также мне было легче каждый раз, когда я молилась. А в то время я молилась часто, очень часто. Просила Бога дать мне силы это все пережить. Во мне было много обиды, злости, отчаяния. Бог мне помогал это пережить. Еще стоит упомянуть моих коллег из предыдущей работы. Меня все время радушно приглашали на празднования, встречи, было просто человеческое отношение от коллег. Может они догадывались на тот момент, или просто видели несправедливость. Разбираться в ситуации никто не хотел, боялись, каждый переживает за свое место. Однако они поддерживали меня теплом, улыбками и пытались меня утешить. И еще одна вещь меня держала в тонусе — я действительно очень хотела работать в администрации. Это была моя мечта. Я просто не могла отступить от своей мечты так легко.

— **Теперь ты достигла своей мечты? И можешь за себя постоять?**

— Да, с тех пор я всегда ясно и четко давала отпор всем обидчикам. Меня даже боялись, что я дикая и непредсказуемая (смеется). Я занимаю высокую должность, сама создаю правильный климат в коллективе. От моей мысли или слова зависят "голова" большинства работников. Но я этим пользуюсь только во благо другим. Если вижу несправедливость — не молчу. До правды докапываются всегда и смогу защитить хорошего человека!

— **Ты гордишься собой сегодня?**

— Да, горжусь. Много уже в моей карьере было различных ситуаций, но я с уверенностью могу сказать, что все испытания я прошла достойно, с высоко поднятой головой.

ВСЕМ ВЕТРАМ НАЗЛО

Утро выдалось свежее и прозрачное. Сирень билась в окно, нагло лезла в комнату и дурманила и так одурманенную счастьем Таисию. Сегодня ее первый рабочий день испытательного срока в районной администрации. Можно ли было об этом мечтать еще год назад? Нет, даже мама не верила, что девушка сможет так быстро получить такое место. И главное, взяли после первого же собеседования, не посмотрели, что в резюме в графе "последнее место работы" стоит совсем неприметная должность секретаря в пыльной конторе.

— Ну, ты, Тая, отхватила счастливый билет! — с завистью выпалила подруга, наливая очередной бокал вина, — в райадминистрации угодить за красивые глаза.

— Почему "за глаза" — обиделась Таисия, — меня рекомендовали и собеседование я прошла честно, там, знаешь, надо было разобраться с положением номер...

— Не заливай мне о "положениях" — я же в "них бум-бум" — подруга постучала кулаком по столу — давай честно, просто так никого не берут на такие должности и в таком возрасте. Колись, было?

Таисия хотела было проигнорировать вопрос подруги, но та пристально уставилась на нее, словно не собиралась отводить взгляд, пока не получит ответ.

— Ничего не было: ни с одни, ни с другим! Я замужем и мужа люблю, дочь у нас! — выпалила она раздраженно — Что за кухонные представления — я, по-твоему, безмозглая кукла и годна только ноги раздвигать?!

— Да не кипятись ты так — оскорбилась она — посмотрите! Я тебе хоть честно вопрос в лицо задаю, не так сказать по дружбе. А ты готова будь, что село у тебя за спиной шушукаться будет, улыбаться при встрече и вслед плевать.

— Это еще почему? Я специалист... меня заметили... оценили мои способности... — Таисия стала сбивчиво перечислять свои профессиональные качества, вспоминать все пройденные курсы повышения квалификации, удачные проекты на должности секретаря (а она эту должность уже давно переросла и совсем не разбором бумажек занималась последние полтора года).

— Слушай, мы не на собеседовании — не надо мне тут дипломами и грамотами "за неограниченный вклад" трясти. Я и так всё знаю. Ты сама будь готова, что другим это всё не интересно: они свои два плюс два сложат и получат тот результат, который захотят, а не тот, что по правилам положен. О тебе пекусь, дура!

Ну и ладала Таисия, собираясь утром на работу, прокручивая в голове разговор с подругой, главное, что место мое, а я докажу — работать умею.

— Отлично выглядишь! — муж легко приобнял за плечи, словно боялся помять новый костюм жены, — Ни пуха ни пера! — и чмокнул в лоб.

— Что за оргии с самого утра? — Тая расхохоталась больше от волнения, чем от своего остроумия, и обняла мужа крепко за шею, — мне немного страшно, знаешь, вчера...

— Всё получится, — он погладил ее по спине и прижал к себе, совсем уже не думая о костюме, — ты же одна из лучших и Скляренко тебя ж не просто так рекомендовал: сколько ты дневала-ночевала в той конторе, вывела на новый уровень, а тебе "секретаря" так и оставили.

— Оставили, — Таисия вздохнула и посмотрела в глаза мужу, — но зато порекомендовали на какую должность — начальник орготдела — это же ответственность какая!

— Ты справишься. Хорошего дня.

Он еще раз чмокнул ее в лоб и пригладил растрепавшиеся волосы.

— Доброе утро!

Василий Степанович сидел за большим лакированным столом, заполняя всем собой кожаное кресло.

За его спиной на комодке примостились деревянные булавы, подсвечники и какие-то резные коробочки. Над ними в дешевых пластиковых рамках висели портрет президента, герб страны и региона.

В проем, разделяющих череду окон, были повешены картины местных мастеров. Для того, чтоб подчеркнуть ценность "произведений искусства", над каждой из работ находилась широкая лампа, освещающая примитивные пейзажи родных краев, подчеркивающая примитивность и незамысловатость их обрамления.

Красные бархатные занавески напоминали о своем "богемном прошлом" в доме культуры подхватками с золотыми кистями и бахромой. Собранная в фалды до блеска "стеклянная" тюль турецкого производителя лишней раз подчеркивала пафос и отсутствие вкуса владельца кабинета и его помощников.

Вдоль стены, по правую руку от входа, протянулся книжный шкаф, забитый папками, сувенирами разных мастей: от египетских бутылочек с цветным песком до подков счастья и всяких свистулек из глины.

Тут же, вдоль шкафа, был длинный стол переговоров на шесть стульев (тоже "приватизированных" из Дома культуры), больше напоминающих театральные реквизиты, чем офисную мебель.

— Доброе утро! — Таисия прошла вглубь кабинета, проваливаясь каблучками в пушистый ковер, судьба которого решится с первой же слякотью в их селе.

— Ну, шо: бумагу, ручки-карандаши получила? Стул удобный или подушку тебе еще со склада выписать?

— Спасибо, Василий Степанович, всё есть и всё удобно.

— Тогда записывай дела на сегодня.

Таисия открыла новенькую тетрадку, в нижнем уголке первого листка расписала ручку и принялась выводить аккуратным круглым почерком список заданий и поручений.

Василий Степанович медленно диктовал поручение за поручением, периодически клацал мышкой, барабанил указательным пальцем по клавиатуре, наморщив лоб смотрел в монитор.

Через пару минут кресло предательски заскрипело под ним, колесики вдавились в пол и со скрежетом закрутились, отодвигая сиденье от стола.

Глава администрации грузно прошел от своего места к стулу Таи, стал у нее за спиной и стал рассматривать через плечо ее конспект.

— Почерк — просто загляденье, — погладил он ее по спине, — пока это всё. Загляни часов в пятнадцать ко мне, обсудим сделанное, новое наметим.

Работы было много, но Таисию это не смущало. Она с двойным рвением принялась за все задачи, которые ей поручали: задерживалась допоздна, возвращаясь домой и, уложив дочь спать, закрывалась на кухне, чтоб не мешать мужу, садилась изучать новые документы и постановления, указы и директивы. Конспектировала и помечала, перечитывала и искала нужные параграфы, чтоб утром на совещании предоставить полную информацию главе администрации или другим вышестоящим коллегам.

Усталость и недостаток времени на семью компенсировались успехами на работе.

Всё чаще ее вызывали в кабинет начальства, поручали готовить документацию и отчеты, спрашивали мнения на совещаниях, похлопывали по спине — казалось, она на своем месте и ее ценят.

В тот год зима никак не приходила. Декабрь был слякотный, сыпал мокрым снегом, который, смешавшись с бездорожьем села, тут же таял, заполняя канавы мутной квашней. Ранняя серость за окном сменилась беспросветной ночью, наступавшей уже в пять вечера, сырость лезла из всех щелей и литры выпитого чая и кофе за день согревали до следующей чашки. Отчетный год подходил к концу, бумаги снежным навалами собирались на столах у всех сотрудников. Таисия же ловко справлялась с со своими делами, успевая помочь кому-нибудь из коллег, организовывая "корпоратив".

Перед одним из выходных пришлось задержаться — пятница всегда такая, а уж перед Новым годом и подавно.

— Чего это ты домой не спешишь — не ждет никто? — оказалось Василий Степанович тоже "задержался, решая важные вопросы с кумом под бутылочку водки для гладких переговоров".

— Ждут, конечно, ждут. Мне уже немного осталось — не хочу на выходные оставлять.

— То и я подожду — подвезу тебя, чтоб тут по темному не чапала. Заканчивай и заходи ко мне.

— Можно? — Таисия просунула голову в дверной проем — поедем?

— Зайди, — Василий Степанович — помахал рукой, активно загребая воздух на себя. — расслабимся перед дорожкой.

Таисия прошла в кабинет, на столе, уходящим крылом от стола начальника стояло шампанское, стаканы и коробка конфет.

— Проходи-проходи, не стесняйся! Давай отметим.

— А что отметим, Василий Степанович? Время-то уже позднее: Вас и меня уже ждут.

— Так твой испытательный срок не отметили же! Уже больше полугода работаешь — не хорошо... — начальник лукаво прищурился и погрозил пальцем.

— В понедельник с новыми силами, когда все соберутся. Я закуску принесу — и отметим. А то и, правда, нехорошо выходит.

— И в понедельник тоже. Ты снимай, давай пальто, садись. Я как начальник хочу беседу провести: что нравится, где трудности, никто не обижает?

— Нравится и не обижал пока никто, — коротко ответила Тая.

— Вот и ладно.

Василий Степанович встал с характерным скрежетом колесиков своего директорского кресла, вышел из-за стола и грузно пошел к Таисии. Навалился двумя руками на подлокотники стула, на котором она сидела, дыша перегорелой водкой ей в лицо.

— Вижу, ты и, правда, очень спешишь — разговор у нас с тобой не склеится. Что ж, поехали, коли так.

Не запахивая пальто, Таисия села рядом с водительским сидением. "Выхлоп" изо рта начальника ее не сильно мутит — каждый знает свою норму, да и ехать тут недалеко.

— Ну, поехали! — Василий Степанович похлопал ее по коленке, потом спокойно перевел руку на рычаг переключения скоростей, будто изначально и пытался за него взяться, но промахнулся. Втопил газ и помчал по колдобинам.

— В дороги бы нам вложиться, — тихо сказала Тая, подскочив на одном из ухабов, — тут в бюджете на следующий год есть возможность такая и я подсчитала, что из этого годе есть переходящая сумма...

— Нет суммы переходящей — год еще не закончился, — он подмигнул и резко затормозил в двух домах от ее дома.

— Не доехали немного, — Таисия улыбнулась и уже собралась было выходить, как почувствовала снова руку начальника на своем колене.

— Хорошие ножки — ладные — дойдешь ими сама.

На корпоративе, до Таи дошли пьяные сплетни, что ходит она у начальника в фаворитках. Но не просто так, а потому что "задом перед ним крутит", да и на работу ее приняли, потому что спала "сами знаете, с кем". От зависти — подумала она тогда, и от градуса выпитого фантазия у людей играет. Отмахнулась, как от мухи назойливой.

— Тая, руководство вызывает! — секретарь стояла уже одетая в дверях кабинета, где Таисия, сверяясь с бумагами, вносила какие-то данные в бесконечные экселевские таблицы.

— Сейчас! — крикнула она, не отрываясь от работы, — какие документы захватить не сказал?

Ответа не последовало вместо него отозвалась скрипом закрывающаяся дверь.

— Вызывали, Василий Степанович?

— Да, заходи, поговорить надо.

Таисия прошла в кабинет, села на один из стульев, стоявших у стола начальника.

— Слухи ходят, Таисия Батьковна, про тебя. Но беспочвенные. Надо с этим что-то делать.

— О чем слухи? По работе же, вроде, нареканий нет.

— О нас с тобой слухи ходят.

— Так вы же знаете сами...

— Я-то знаю, но раз ходят, надо с этим что-то делать.

— Что предлагаете? Кляпом же рты людям не заткнешь, — она рассмеялась, но встретив серьезный взгляд начальника, осеклась.

Василий Степанович поерзал в кресле, отодвинул его, чтоб встать. Тяжелой походкой подошел к Таисии, наклонился к ней:

— Исправлять, моя хорошая, сложившуюся ситуацию, чтоб впустую не говорили.

— Это как?

Таисия еще никак не могла понять, куда клонит начальник, но его близость явно нервировала. Она попыталась встать со стула, но его рука с силой уперлась ей в плечо и не давала подняться. Чуть ослабив хватку, начальник стал поглаживать ее, продвигаясь к шее.

Еще одна попытка высвободиться не привела к успеху — Василий Степанович навалился на неё и придавил своим телом к спинке стула, запрокинув голову назад. Тая попробовала его ударить, но это ни к чему не привело, он только сильнее навалился и стал облапывать ее.

Исправлять будем немедленно, чтоб слухи зря не ходили, — он прерывисто дышал, пытаясь залезть ей под блузку, — хватит из себя невинность строить, — пыхтел он в лицо, брызгая слюной.

Почувствовав, что в таком положении он не очень манёврен, Василий Степанович потянул Таю за грудки, поднял со стула и резко повернув к себе спиной, повалил на стол.

— Не надо, — выдавила Таисия, всё еще не понимая, чем она спровоцировала начальника и чем для нее обернется это всё, — пожалуйста.

— Надо, Федя, надо! — хихикнув, ответил Василий Степанович, порадовшись своему остроумию, попытался стянуть с женщины колготы и начал копошиться у себя в штанах. — И вообще, пора о повышении думать: ты девка умная, способная, — продолжал он, всё ещё борясь одной рукой с

ширинкой, другой — прижимая "начальницу орготдела" к столу, — в депутаты можем выдвинуть — нам в районе нужны молодые симпатичные лица — я тебе помогу. Перспективная ты — далеко пойдешь, если слушать старших будешь!

Вдруг оцепенение прошло, Таисия, как выпала из дурмана, почувствовав, что руки ее свободны, она потянулась из них к графину, стоявшему на столе, схватила его и принялась махать им, пытаясь попасть в насильника. Воспользовавшись тем, что Василий Степанович замешкался, разбираясь с ширинкой и ремнем, Таисия толкнула его в пах, продолжая бессистемно размахивая с зажатым в руке графином.

Такая активность женщины на время обескуражила нападавшего, он замер в бездействии и Таисия, пулей выскочила из кабинета. Быстро схватив пальто и сумку, она выбежала из здания райадминистрации, проигнорировав "до свидания" вахтера, и уже только на улице почувствовала, что по лицу градом катятся слезы, а тело пробивает озноб...

Дома говорить ничего не стала, прошмыгнула в ванну и простояла час под душем, пытаясь собраться с мыслями.

Во-первых, думала Тая, раз уже уходили слухи, то никто ей не поверит и вообще сразу обвинят во всём её. А еще у людей есть понимание, что какой-то позор присутствует в том, что тебя изнасиловали, пусть даже только попытались. Что тебя как бы очернили и теперь ты вроде бы как уже не тот человек.

Во-вторых, она даже не посмотрела, всё ли в порядке с Василием Степановичем — не ранен ли он. В тот момент она просто защищала свою жизнь как могла. Ведь если на тебя нападают, то можешь защищаться чем угодно — жизнь важнее всего. Но сейчас, стоя под душем, ей стало страшно, что если она покалечила начальника, то эта история всплывет так или иначе и ей не доказать ни сотрудникам, ни мужу, ни всему селу, что ничего не было и что в том не ее вина.

Прошли выходные, за ними рабочая неделя, а потом и новогодние праздники.

Всё оставалось по-прежнему, Василий Степанович виду не подавал, ни на что не намекал, вёл себя, как ни в чем ни бывало. Таисия решила, что он и сам хочет всё замять, может, выпил тогда лишнего, а извинятся не в его привычках.

Только спустя месяц вызвала ее заместитель главы администрации, кинула в лицо отчет:

— Что-то ты последнее время зазналась, рукодельничаешь на каждом шагу!

— Софья Михайловна, Вы о чем?

— Опять мне голова наш твои отчеты возвращает с недоделками и ошибками на каждой странице. Ты, я погляжу, решила, что раз испытательный срок прошла, то уже можно и не работать, только задом вертеть! Переделай до вечера и чтоб больше мне за тебя не было стыдно!

И это стало повторяться минимум раз в неделю: вызов на ковер, тыканье в несуществующие ошибки, указания переделать всё в сжатые сроки...

— Таисия, дома?

На пороге стоял благодетель, порекомендовавший её некогда в райадминистрацию.

— Добрый вечер! Неожиданный визит.

— Да уж, сам не думал, что буду бегать среди ночи по хаткам. В дом пустишь или на пороге мне так стоять.

Тая проводила гостя в кухню, кутаясь в домашний халат, села напротив него.

— Чаю?

— Спасибо — не чаи гонять я пришел. Дело у меня к тебе и серьезное дело.

— Слушаю, Владимир Андреевич.

— Жалоба поступила мне на тебя. От нынешнего работодателя твоего, жалоба. Что ж ты, девка, меня так подводишь, а?

— В чем же жалоба на меня?

— Работать перестала, ошибка на ошибке, человека уважаемого оговариваешь, все уже шушукаются, что у него в любовницах и держит он тебя с такой работой только из-за этого. Ну, что это, Тая, скажи мне на милость — не стыдно? Он человек семейный, уважаемый, место тебе такое дал, а ты змеей оказалась. Прощения б тебе у него просить...

— Я, Владимир Андреевич... — тут слова стали комом в горле, обида накатила, и Таисия тихо зарыдала, трясась всем телом.

— Вот, вижу, стыдно — не всё ещё потеряно. — Владимир Андреевич встал, подошел к трясущейся женщине, похлопал по плечу, — ладно сырость разводить. Образумься давай, — и вышел, не дожидаясь, что его проводят.

Каждый день становился всё невыносимей. Коллеги в открытую глумились и подставляли на каждом шагу. Руководство всё чаще отпускало шутки о том, что миловидной внешности недостаточно, чтоб удержаться на работе, надо еще и мозги иметь. Депрессия накатывала волной за волной,

дома все думали, что Таисия просто зашивается на работе — вот и ходит чернее тучи от усталости.

А потом слухи поползли за пределы администрации. Подловить на неверности мужу и семье не удавалось и по селу потянулись версии, что гонят Таисию с места взашей за безграмотность и глупость...

— Таисия Михайловна, там это, новенькая — пускать?

— Пусть проходит.

— Вызывали. Таисия Михайловна?

— Да, Надюша, садись, поговорим.

— Таисия Михайловна, я не виновата, честное слово... — на глазах у девушки выступили слезы.

— Послушай, Наденька, ты только месяц у меня работаешь и время решать, остаешься ты на весь испытательный срок или нет.

— Я исправлю, если там действительно ошибки есть.

— Ошибкам всегда место найдется, — Тая посмотрела мимо девушки куда-то вдаль, — это всё пустяки. До меня дошли слухи, что один из наших сотрудников не очень к тебе вежлив был...

— Я, я его не провоцировала — вы же видите, юбок коротких не ношу, ничего обтягивающего, вызывающего.

— Если решишь подать на него жалобу — поддержу, не бойся. На твою сторону стану, поняла?

Надюша растерянно кивнула, натянула правый рукав свободной кофты до самого запястья, прикрывая синяк.

— Можешь не бояться, больше он тебя не тронет. Но. чтоб и других не трогал, нужна жалоба, понимаешь?

— Не могу, Таисия Михайловна, Вы же знаете, никто не поверит, ославят только — как потом в глаза родителям смотреть.

— Знаю, — Тая устало улыбнулась девушке, — если решишься поддержу, а пока сделаю, что в моих силах. А об ошибках не думай — их все исправить можно.

КОММЕНТАРИЙ ПСИХОЛОГА

Один из главных рычагов влияния психопата, насильника на свою жертву — стыд. А самый большой ужас — публичность и огласка. Ведь будучи раскрытым в своих поступках насильник переживает самое жуткое для него — обесценивание, потеря контроля, власти и потеря социального статуса, который он так старательно выстраивал. Любая жертва должна знать, что моральные потери и риски насильника — колоссальные, но при условии огласки.

Насчет социальной реакции и виктимблейминга — это поведение окружения вполне логично как с точки зрения психологии, так и с точки зрения биологии поведения человека. Люди боятся сложных и травматичных эмоций, отдавая предпочтение простым защитным механизмам в виде отрицания, вытеснения, обесценивания: "Такого не может быть!", "Я не хочу об этом знать", "Сама дура напросилась". А с точки зрения биологии поведения — страшно идти против того, кто выше социальной иерархии.

В таком случае публичная огласка факта насилия делает несколько важных вещей:

- 1. Обличает преступника и привлекает внимание к жертве, таким образом минимизирует повторные попытки насильника причинить вред.*
- 2. Стимулирует других жертв набраться смелости и заявить о предыдущих случаях.*
- 3. Провоцирует общество так перестать отрицать факты и пройти все этапы принятия: от отрицания факта насилия к принятию решений о наказании преступника в правовом поле.*

Егор Иордек

"ДЕВУШЕК БИТЬ НЕЛЬЗЯ... ДАЖЕ НА ПОЛИТИЧЕСКОМ РИНГЕ"

Женщины стремятся к равноправию с мужчинами, однако совершенно не готовы к мужским методам политической борьбы. Когда женщины получают сильный "удар" со стороны мужчин-конкурентов во время избирательного процесса, то очень обижаются, потому что "девушек бить нельзя". Но при этом все стороны перед выходом на ринг хотят равных правил игры. А когда дело доходит до действий — на политическом ринге в ход идут все доступные инструменты достижения победы.

В политической борьбе часто преобладает только одно правило — "никаких правил" или "все методы хороши, ведь победителей не судят". Так было раньше, ведь тогда мужчины в политике (большой или местной) абсолютно преобладали количественно. И когда женщины активнее начали

включаться в избирательный процесс, то стало ясно: женщины судят победителей за методы борьбы, судят себя, судят всех, потому что так их воспитали в семьях. Согласно многим исследованиям, самоуверенность женщин составляет лишь 2% от уровня самоуверенности мужчин. Девушки действуют по модели поведения мамы, которая судит всех и больше всего в мире боится осуждения в свою сторону. Даже шутки про бабушек на лавочке под парадный, которые строго осуждают молодежь, здесь имеют многолетнюю культурную историю.

Такое культурное достояние значительно мешает женщинам смело идти в предвыборные процессы. И проблема даже не в методах политической борьбы, а в самих женщинах — их ожиданиях. Не бывает бойцовских рингов, украшенных розовыми цветочками, ленточками, с ароматом барвинка и чтобы серебристый единорог накрывал все это радугой. И в руки надо брать не букет, а надевать бойцовские перчатки и вставлять в зубы капу. Равенство становится равным боли.

Однако будем объективными: большее присутствие женщин в политике делает весь процесс более женственным, мягким и гуманным. Уровень тестостерона в политике снижаться, риторика меняется. А это все значительно приближает нас к Европе и демократии. Женщины начинают понимать, что это это не их слабость, а особенность, преимущество.

— **Н., вы довольны своей работой?**

— Да, абсолютно.

— **Вы работаете в исполнительном комитете городского совета и делаете действительно много добрых дел. Я видела в социальных сетях, что вы ведете достаточно активную общественную жизнь и, как мне кажется, прекрасно сочетаете ее со своей работой.**

— Да, у меня общественная организация и я люблю проводить всевозможные мероприятия.

— **Не думали ли вы баллотироваться в депутаты? По факту, депутатство — это общественная деятельность, и именно профессиональные активные люди должны становиться депутатами. Не так ли?**

— Я понимаю и соглашаюсь с этим. Я даже осуществила 6 лет назад попытку баллотироваться.

— **Что вас натолкнуло на такое решение?**

— Мои друзья, мои коллеги, даже просто знакомые. Меня постоянно кто-то поощряет к этому шагу.

— **И как прошли выборы?**

— Ужасно. Шли удары с тех сторон, откуда я точно не ожидала. Хотя я всю жизнь и нахожусь в принципе в конкурентной среде (горсовет — это еще тот террариум), но такой агрессии я точно не ожидала.

— **Какая агрессия? Как она проявлялась?**

— Даже хорошие знакомые, которые также баллотировались, начали искать что-то типа компромата, собирали сплетни, писали ложь. Но больше всего меня поражали физические действия, когда просто сдирали мои объявления о встречах, закрывали помещения и обрезали свет там, где я должна была проводить предвыборные мероприятия. Я еле продержалась до дня голосования. Однако, когда моему мужу сожгли машину, я сразу отступила от всех мыслей о депутатстве.

— **Это ужасно!**

— Да! Я просто не понимала эту дикость. Почему так поступают со мной и за что?! Не понимала, почему люди могут так вести себя!

— **Такие действия были только по отношению к вам? Или такие проявления борьбы между оппонентами были нормой?**

— Ну у нас действительно непростой регион. Иногда жгут машины, не говорю уже о попытке уволить с работы, оскорбить, распустить сплетни. Это по большей части так мужчины между собой меряются "мышцами", у нас так все время. Но я же женщина! Со мной такое недопустимо! Девушек бить нельзя... Хотя это и политический ринг...

— **А с кем так можно?**

— ... (Задумчиво, после паузы) ни с кем нельзя. Я понимаю к чему ваш вопрос ... Но девушки же слабее. Сдачи не всегда могут дать.

— **А почему девушки "не дают сдачи"?**

— ... (пауза) Потому что это стыдно в драку встречать. Мы же хорошие девочки с детства, в белых платьицах. Что о нас мама и папа скажут? Что о нас соседи скажут после такого? Стыд на весь дом, улицу, город!

— **То есть женщинам более важно, что о них скажет папа или соседка?**

— Да, потому что, например, моя мама всегда очень остерегалась человеческого осуждения. Честь и репутация — самое важное.

— **Поэтому мама боялась публичных пересудов?**

— Это было самое страшное! (Активно кивает головой) Пожалуй лучше умереть, но чтобы соседи плохого не сказало.

— **То есть вы оцениваете себя глазами мамы? Не своими? Важнее — что мама скажет?**

— Ну... наверное... не знаю... Меня так воспитали.

— **А чего тогда женщины идут на политический ринг? По правилам (или без) туда идут именно чтобы бороться, и драки не избежать.**

— Мне кажется, потому что мы даже не представляем, насколько это борьба ужасная. Обычному избирателю не видно всех деталей событий, происходящих с "героями выборов". Кроме того, становится очевидным, что и заступиться потом некому тебя в этой среде. Родные здесь совсем не в теме, ничего сделать не могут. А однопартийцы — каждый за себя оказывается. Это также очень морально болезненно. В обычной жизни мы все такие демократичные, дружелюбные, декларируем честность и порядочность. А потом — хук слева, хук справа ... Это очень трудно. Очень болезненно. Едва это пережила.

— **Что вам помогло пережить этот трудный жизненный этап?**

— Мой муж и дети. Я была нервная, плакала много. Они выдерживали мои истерики и успокаивали. Муж за машину ни разу не упрекал. Он сам был напуган и не хотел продолжать противостоять.

— **Как думаете, какой должна быть женщина, чтобы выдержать такую "мужскую" политическую борьбу?**

— Ой, не знаю. Она точно должна забыть, что она женщина. Также сформировать серьезный круг сильной поддержки, группу защитников "с мышцами", охрану. Также нужны лояльные журналисты, и группа мотивированных сторонников, которые даже в соцсетях будут заступаться, защищать...

— **В ответ бросать грязью?**

— Ну даже и такое нужно иногда.

— **И как все это организовать? Что-то мне подсказывает, что все это очень дорого...**

— Да, без денег не обойтись.

— **Мне кажется, мы пришли с вами к выводу, что не мужчиной надо быть, чтобы выиграть. А просто иметь соответствующие ресурсы.**

— Получается, что так... Но все равно — женщине труднее. И у женщины обычно нет таких больших ресурсов. Это скорее исключение, чем правило.

Я ГОРЮ И ВСЁ ГОРИТ

— Надежда Сергеевна, как думаете, не пора ли нам с Вами объединиться и сделать что-то полезное для женщин региона?

Надя подняла голову от документов, посмотрела на собеседницу и улыбнулась. Ее работа в городской администрации больше базировалась на решении проблем с дорогами, озеленением и прорванным водопроводом. А вот о женщинах их небольшого городка ей пока заботиться не приходилось. Конечно, она периодически организовывала досуг для пенсионеров, встречи школьников с писателями, но это всё было личной инициативой, разовыми мероприятиями.

О том, что она мечтает организовать общественную организацию, пекущуюся об одиноких пенсионерах и матерях, воспитывающих детей без мужей, знали немного — так, пара друзей и раз в администрации она обмолвилась. А тут перед ней стояла молодая женщина, активистка из райцентра, и смотрела на нее горящим взглядом, полного надежды.

— Что предлагаешь? — спросила Надя, почувствовав, что это тот самый правильный момент и тот человек, с которым всё получится.

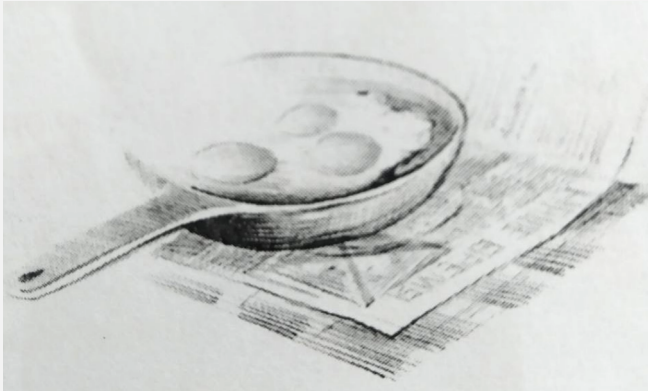
— Я тут коротко набросала, — женщина протянула папку с исписанными от руки бумагами.

— А компьютеров у вас в области еще нет? — Надя удивленно подняла брови, увидев десяток листов с неровным мелким текстом.

— Это я в дороге писала, извините. Но, просто поняла, что если не сейчас, то дело не сдвинется... — виновато ответила женщина и уже было протянула руку забрать бумаги, — я напечатаю и вышлю почтой... думала, быстро и лично получится, чтоб Вы...

— Оставляй — ознакомлюсь, если смогу прочесть, сообщу и поделюсь своими соображениями на этот счет.

Кажется, так это всё началось. А, может, этой молодой женщиной, написавшей от руки свою программу работы общественной организации, была и сама Надежда. Но разве это сейчас уже важно? Важно было то, что она смогла совместить основную работу и общественно-полезную. И закрутилось: фонды, гранты, дружественные организации, исследования и прогнозирование...

— Тебе не кажется, что ты света белого не видишь со своей общественной нагрузкой и подготовкой в депутаты? — муж недовольно смотрел на Надю, которая за последние 10 минут воскресного завтрака выстукивала что-то уже в четвертый раз на смартфоне, — мы тебя так точно не видим...

— Извини, вот еще последнее сообщение и я с вами. Понимаешь, через неделю у нас форум для ... — она погрузилась в новый текст, всплывший на экране.

— Папа, мама у нас не просто "почти" главная в администрации — она теперь еще и самая главная по... — сын не успел договорить — телефон Надежды зашелся трелью и она, виновато обведя всех взглядом, вышла из-за стола.

— Ну что, дети, ждать пока остынут чай-кофе мы не будем, яичница уже и так похожа на пластмассовую. Мажьте булки маслом, сверху сырок, колбаску... повидло тоже можно. А мама потом уже сама позавтракает, если вообще у нее до завтрака дело дойдет. Депутат Клименко... — муж нараспев протянул их фамилию и, улыбнувшись, замотал головой, словно пытался стряхнуть какие-то мысли, — хоть бы в мэры не подалась еще, — буркнул себе под нос и принялся "пилить" яичницу, подсохшие края которой уже завернулись наверх.

И так каждые выходные, и с понедельника по пятницу: звонки и сообщения в нерабочее время (а разве оно может быть нерабочим у общественного деятеля), срочные выезды и заседания допоздна.

Родные думали поначалу устроить Надежде "взбучку", потребовать возвращения матери в семью, но видя, как светятся ее глаза, как благодаря ее инициативам меняется жизнь в их городке, стали ее самыми яркими сторонниками и помощниками.

Подвезти или завести что-то — муж готов, дома порядок навести — старшая уже с пылесосом, обед на семью — спасибо, теще, младшего в сад — из сада — папе, низкий поклон.

— Знаешь, я вот всё думаю, — шептала Надя мужу вечером перед сном, — как так выходит, что у нас до сих пор есть исключительно женские отрасли, где работает большинство женщин, и мужские отрасли, где большинство — мужчины. И главное же не это, то, что женщины работают в отраслях, где меньшая зарплата, а мужчины, где платят больше. И считается это до сих пор нормальным! Мужчина — добытчик, а по факту выходит, что труд женщины обесценен и усугубляется дополнительными обязательствами: дети, домашнее хозяйство...

— Тебе ли плакаться на этот счет, — муж погладил Надю по волосам, — уж когда ты последний раз-то помыла в доме мыла? — он прижал ее голову к своей груди и поцеловал макушку.

— Я не за себя пекусь, — горячо зашептала она — надо же учитывать, что, во-первых, у нас есть материнские семьи, где женщина — единственная кормилица, а во-вторых, мужчина не является роботом, единственная функция которого — приносить домой деньги. В этом смысле может быть более преуспевающей и женщина! Вот как я, например! — она высвободилась из объятий мужа и села в постели.

— Слушай, может, тебе в депутаты пойти? — муж привстал на локтях — Я серьезно: ты бы могла реализовать себя в социальной или культурной сфере... Слушая тебя, я за социалку, но решать тебе, конечно. Это вполне женская область деятельности — конкуренция, поди, не такая высокая и проявить сможешь свою "материнскую сущность" — он подмигнул жене, не надеясь, что та увидит этого в темноте спальни.

— Ты мыслишь стереотипно, понимаешь, — продолжала она, — а это мешает понимать тебе и всему нашему обществу, что пока мы не освободимся от дискриминационного мышления, очень трудно быть эффективными.

— Я о тебе пекусь, дурочка, — он поднялся и обнял ее со спины, — тебе следует попробовать свои силы — я поддержу — только не лезь сразу в самое пекло, понимаешь. Поэтому и предлагаю выбери культуру или что-то социальное, там мужики не так пасутся, а с женщинами будешь на равных.

— Надежда Сергеева, Надежда Сергеевна! Привезли плакаты, завтра начнем расклеивать! И листовки с программой предвыборной тоже пришли, сегодня ребят организую — разнесут по домам.

— По домам? Вы это что решили людей беспокоить такой ерундой?

— Нет, по квартирам ходить не будут — в ящики почтовые кинут.

— Может, подождать, когда журналы допечатают и тогда всё сразу в ящики бросать?

— Если сразу, то оно не запомнится, а так, вначале, программа, потом рекламный журнал с Вашим интервью и разными советами, рассчитанными на женскую аудиторию...

— Ладно, как скажешь! Ты же у нас маркетолог. — Надежда внимательно посмотрела на свою помощницу: правильно ли она выбрала ее, справится та с таким делом, как выборы. Но быстро отогнала эти мысли — Ира служила ей уже который год верой и правдой, организовала ни одно мероприятие от их организации — и сейчас всё пройдет гладко.

— Завтра у Вас встреча в областной администрации, — напомнила помощница — я тут распечатала вашу речь, внесла пару изменений и пометила. Обязательно упомяните о необходимости образовательных проектов, их влиянии на экономические условия и политическую атмосферу...

— Ты уверена? — Надежда недоверчиво посмотрела на Ирину — Думаешь, стоит вот так, сразу? Я хотела это припасти на второе или третье выступление.

— Не сомневайтесь! Нам... Вам надо показать, что для Вас это важно, а не просто речь идет о формальном продвижении по карьерной лестнице: у Вас есть цели, планы и они не личные — Вы за улучшения... — Ира активно жестикулировала, голос ее становился всё громче, — у Вас получится! Кто, если не Вы?!

— Уговорила, — Надежда рассмеялась и по-матерински обняла помощницу, — кто, если не я... надо показать, что важен путь к достижению успехов, а не просто рассказать о том, как будет хорошо.

Разговор прервала молоденькая секретарша, робко просунувшая голову в приоткрытую дверь кабинета:

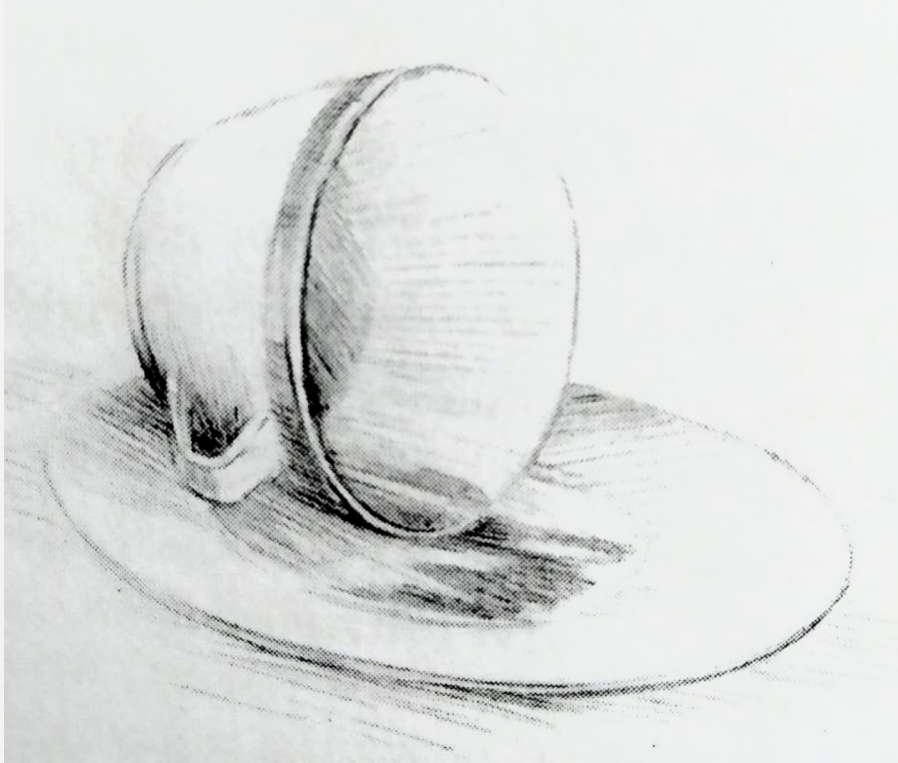
— К Вам журналист?

Надежда заглянула в записную книжку, потом перевела взгляд на помощницу, которая отрицательно покачала головой, мол, не договаривались.

— Из какой хоть газеты и что хотят — у меня максимум минут двадцать, а потом я выезжаю в администрацию.

Голова секретаря исчезла и вновь возникла через пару секунд: — "Наше время", говорят, всего пара вопросов в связи с предвыборной кампанией.

— Ладно, зови, раз приехали и спроси, что пить будут: чай-кофе — и тут же готовь, чтоб время не тянуть.

Надежда безучастно смотрела на визитку, лежавшую перед ней. Ни название издания, ни имя журналиста, отпечатанные на ней, ничего ей не говорили.

— Как давно выходит ваша газета? Простите, так много работы — я не успеваю следить за всеми изданиями.

— Мы интернет-платформа с очень большим охватом, — механически ответил молодой мужчина, отхлебывая горячий чай.

— Что ж, я обязательно посмотрю страницу газеты в интернете, и, если позволите, только после этого мы с вами сможем записать интервью.

— Конечно! Я даже не рассчитывал заваливать Вас вопросами сегодня. Я, скорее, с предложением к Вам пришел, а от того, как к Вы к нему отнесетесь, будет зависеть уже и интервью.

— Как интересно, — Надежда вскинула брови, — что же это за предложение, позвольте узнать?

— Видите ли, Вы баллотируетесь в депутаты, и наша поддержка была бы кстати. Медиа сейчас играют большую роль, молодежь, да и не только она, плотно сидит в интернете, понимаете. А там информации много — за всеми не уследить...

— Не совсем понимаю, к чему Вы клоните?

— Видите ли, новости бывают разные, а в преддверие выборов вообще все на кандидатурах сосредоточены: на их личной жизни, успехах и провалах, обещаниях и заведомой лжи. Всё очень просто — Вам же нужны хорошие новости, — молодой человек сделал заметный упор на слово "хорошие", — а не всякие сплетни?

— А зачем изданию с большим охватом нужно заниматься сбором сплетен? Почему не писать по факту проделанной работы депутатом, о его программе — раз уж хочется писать на эту тематику?

— Угодить в рубрик "желтой прессы" может каждый: вот, допустим, сегодня у нас не очень деловой костюм и юбка колени не прикрывает, а еще, — журналист заглянул под стол — а еще каблук выше семи сантиметров — это ли не повод написать материал о Вас, как о легкомысленной особе, которая прокладывает себе дорогу в политику "откровенным мини"?

— Попробуйте написать, — Надежда стала понемногу понимать, куда клонит этот нахал, но всё ещё не хотела верить в серьезность его слов.

— Один раз ничего не даст, но потом появится заметка о Вашем отдыхе: допустим, Вы выпили лишнего и сели за руль...

— У меня водитель!

— Тогда у Вас роман с ним...

— Чего вы от меня хотите и какое отношение это всё имеет к моей предвыборной кампании? — рявкнула, не сдержавшись, Надежда.

— Самое прямое, самое прямое. Я б на Вашем месте так не кипятился, а то уже сегодня может появиться заголовок "Кандидат в депутаты, потенциальный претендент на кресло мэра такая-то обматерила и вытолкала внашею журналистов, желавших взять у нее интервью о подготовке предвыборной кампании" — мужчина улыбнулся и засобирался уходить. — Не стану Вас задерживать — вся информация на визитке. Жду Вашего решения.

Надежда взяла визитку в руку, еще раз пробежала взглядом по данным ней, перевернула. На обратной стороне карандашом было выведено 100 \$/месяц. Подняла глаза на "журналиста".

— Вы серьезно?

— Хорошие новости того стоят, — улыбнулся он снова и пошел на выход.

— Понимаешь, — рыдала Надя мужу в плечо, — они из ничего могут новости сдуть и программа моя никому не нужна, пока не заплатишь. Вот сегодня появилась короткая заметка, что я и не мать вовсе только и делаю, что наряды выгуливаю, а значит не могу серьезно относиться к работе и доверять мне, как депутату нельзя.

— Ну тебе же каждая собака знает, ты уже столько для города сделала, столько инициатив протолкнула — наплюй! Никто не поверит, честное слово.

— А вчера, вчера написали, что мой последний доклад довольно эмоциональным и практически истеричным, что "выдает в некогда потенциальном депутате неуверенность в собственной программе, а огромное количество глаголов в речи вызывают подозрения в возможности осушаемого." Кроме того, — Надя заплакала еще сильнее, — я слышала, что одна из моих коллег, которая раньше нахваливала все мои предложения, сказала кому-то по телефону, что я ложусь под каждого мужика лишь бы получить депутатство и она не сомневается, что и горадминистрацию я через постель пришла. И еще добавила: "а казалась такой приличной женщиной — два образования и семья".

— Так, может, это не о тебе было — муж обнял трясущуюся от истерики жену.

— А о ком? Фамилию-то она мою назвала...

— Утро вечера мудренее, давай водички попей и спать ложись, а то завтра напишут, что пчелы укусили — опухшей от слез будешь.

— Если б про пчел, — истерика Надежды перешла в икоту и почти к каждому слову суффиксом прилагалось "ик" — они же напишут, что бухала в каком-нибудь кабаке. И вообще, это не честно, не честно! Понимаешь, что, как оказалось, женщин, идущих в депутаты почти нет — только мужики. Те, которые раньше вежливо двери открывали и вперед пропускали, а сейчас грязью поливаю у каждого столба. А дети? Если до них это грязь дойдет, что будут обо мне думать? Вон мама уже говорит, что ей пред людьми стыдно — сама не знает, во что ей верить, а во что нет. Мол, не такую дочь она растила...

Такие ночи стали повторяться всё чаще. Родители Нади каждый день заговаривали о ее репутации, мучили сплетнями и причитаниями, что нет дыма без огня и о семье думать надо, а не карьере.

— Я же для людей лучше хочу, чтоб женщины...

— Не нужно это всё людям: раньше без тебя жили и сейчас проживут, а имя свое пятнать, перед людьми нас с отцом позорить не смей — старые мы, спокойно дожить ходим. И женщинам не надо — смотрят они на тебя и понимают, что так с каждой будет, если места своего не зная.

— Они поддержат! Вместе мы справимся.

— Это где ж ты видела, чтоб жертв поддерживали? Полетят в тебя еще и от них помидоры люди боятся нового.

Обещанные мамой "помидоры" не заставили себя долго ждать. Вначале по городу стали пропадать плакаты, приглашающие на встречу с кандидаткой. Команда Надежды колесила по улицам и в срочном порядке развешивала новые объявления.

Потом начались сбои в типографии, а другие печатные фирмочки, при обращении к ним, отказывали "в связи с загруженностью".

Мероприятия, которые удавалось провести, проходили чаще в холодных запахах — "лопнула труба отопления", срывались из-за отсутствия электричества в помещении — "кабель украли".

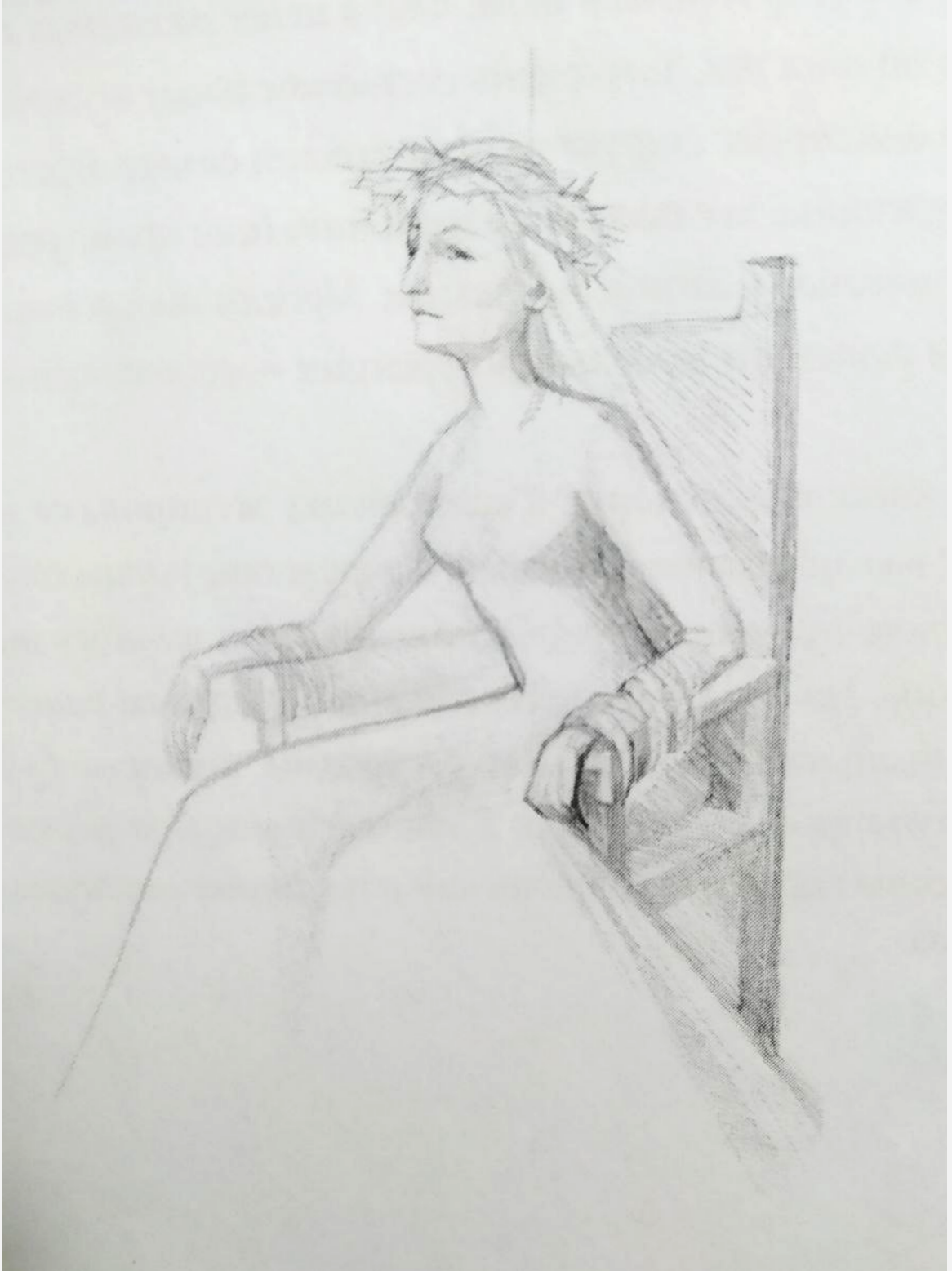
С каждым днем становилось всё сложнее сосредоточиться на избирательной программе, собраться с мыслями и выступить перед людьми. Проекты, которые раньше поддерживали коллеги в администрации, всё чаще "сворачивали" и признавали неактуальными или слишком затратными для бюджета.

Надежде казалось, что вокруг нее всё горит и она горит, а погасить этот пожар нечем: давать взятки журналистам за "хорошие новости" (мысленно она делала ударение на "хорошие", как тогда это сделал сотрудник "Нашего времени") поздно и глупо, плакатов больше нет и брать их негде, встречи с избирателями сорваны...

Они ужинали всей семьей, пытались говорить на отвлеченные темы и даже шутить, планировать отпуск и составлять список гостей на день рождения сына.

А потом сильный оглушительный звук под окнами. Это была машина мужа, возгорание началось под машиной — там горели все четыре колеса.

На утро Надежда сняла свою кандидатуру с выборов...

КОММЕНТАРИЙ ПСИХОЛОГА

Чем менее развита страна, тем более активно работают механизмы полового отбора и турнирные модели поведения у мужчин. Статистически доказано, что женщины в обеспеченных странах выбирают мужчин, которые выглядят более феминно и ведут максимально спокойный образ жизни. В более отсталых странах — наоборот: чем агрессивнее и выше социальной иерархией человек — тем лучше. Впрочем, проблема в том, что в менее развитых странах — это мужчины во власти, или очень состоятельные мужчины. В последствии, во властные структуры проходят самые агрессивные и турнирные мужчины, чье поведение граничит (или прямо реализуется) как психопатическое и антисоциальное. Модели лидерства, управления, принятия решений, модель конкуренции — соответствующие.

Что касается женщины со здоровой женской моделью лидерства попадают в окружение нарциссов, психопатов, социопатов, будучи не приспособленными к такому токсическому окружению. Но благодаря прогрессивным взглядам равноправия, это может быть скомпенсировано ресурсами, которые будут временно выступать в роли буфера. В последствии это может привести к изменению парадигмы отношений в политике от турнирной к партнерской.

Егор Иордек

СОДЕРЖАНИЕ:

- **ПРЕДИСЛОВИЕ МАРИНЫ ХОНДЫ**
- **ДОМ, МИЛЫЙ ДОМ**
- ХОРОШО БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ
- ВСЕГО ЛИШЬ ТЕЛО
- НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ
- БЕГИ ЗА ЛУНОЙ
- ОСА
- **ТВОЙ ДОМ — ТЮРЬМА**

- ДЕЛО № 1 ЕКАТЕРИНА ЩУКА 1982 Г.Р. ИК № 54
- ДЕЛО № 2 ЛИЛИЯ ЧИЖИК 1979 Г.Р. ИК № 54...
- ДЕЛО № 3 ВАЛЕНТИНА ЛУЧАНИНОВА 1970 Г.Р. № 54...

- **ЗА ПОРОГОМ ДОМА**
- " У МЕНЯ ЗА СПИНОЙ ШУШУКАЛОСЬ ВСЁ СЕЛО..."
- ВСЕМ ВЕТРАМ НАЗЛО
- КОММЕНТАРИЙ ПСИХОЛОГА
- " ДЕВУШЕК БИТЬ НЕЛЬЗЯ ДАЖЕ НА ПОЛИТИЧЕСКОМ РИНГЕ "
- Я ГОРЮ И ВСЁ ГОРИТ

- **КОММЕНТАРИЙ ПСИХОЛОГА**